

ISSN 2072-8557 (print)
ISSN 2310-6794 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия **ЮРИСПРУДЕНЦИЯ**

Тема номера:
**ЮРИДИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ ПРАВЕ**

2022 / № 4

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8557 (print)

2022 / № 4

ISSN 2310-6794 (online)

серия

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки, 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки, 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки, 5.1.4 – Уголовно-правовые науки.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

“Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence” is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) on the following scientific specialities: 5.1.1 – Theoretical and Historical Legal sciences, 5.1.2 – Public Law (State law) sciences, 5.1.3 – Private Law (Civilistic) sciences, 5.1.4 – Criminal Law sciences.

ISSN 2072-8557 (print)

2022 / № 4

ISSN 2310-6794 (online)

series

JURISPRUDENCE

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета.

Серия: Юриспруденция»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Певцова Е. А. – д-р юрид. наук, проф., почётный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный работник образования Московской области, почётный работник науки и высоких технологий РФ, ректор МГОУ

Заместитель главного редактора:

Полянский П. Л. – д-р юрид. наук, проф., МГУ имени М. В. Ломоносова

Ответственный секретарь:

Денисов Н. Л. – канд. юрид. наук, доц., Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (г. Москва)

Члены редакционной коллегии:

Авакьян С. А. – д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, МГУ имени М. В. Ломоносова;

Алешкова И. А. – канд. юрид. наук, доц., Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (г. Москва);

Антонян Ю. М. – д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник МВД, МГОУ;

Арзамасов Ю. Г. – д-р юрид. наук, проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва);

Армбростер К. – доктор права, проф., Университет Эрлангена-Нюрнберга (Германия);

Глотов С. А. – д-р юрид. наук, проф., Международный юридический институт (г. Москва);

Гриненко А. В. – д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, МГИМО (У) МИД РФ;

Долинская В. В. – д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА);

Дыбова А.-К.-Ш.-Ф. А. – PhD, проф., Палский католический университет (г. Рио-де-Жанейро, Бразилия);

Елисеева А. А. – канд. юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА);

Жабский В. А. – д-р юрид. наук, доц., Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя;

Моравчикова М. – PhD, Трнавский университет (г. Трнава, Словакия);

Расолов И. М. – д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА);

Рахманова Е. Н. – д-р юрид. наук, доц., Российский государственный университет правосудия, Северо-западный филиал (г. Санкт-Петербург);

Ручкина Г. Ф. – д-р юрид. наук, проф., почётный работник высшего профессионального образования РФ, академик РАЕН, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва);

Савченко М. С. – д-р юрид. наук, проф., член Экспертно-консультативного совета при комитете Законодательного собрания Краснодарского края, Кубанский государственный аграрный университет (г. Краснодар);

Сапогов В. М. – канд. юрид. наук, доц., Псковский государственный университет;

Сафонов В. Е. – д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, академик РАЕН, Российский государственный университет правосудия (г. Москва);

Скуратов Ю. И. – д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, Российский государственный социальный университет (г. Москва);

Субочев В. В. – д-р юрид. наук, проф., МГИМО (У) МИД РФ;

Хатчинсон С. К. – доктор права, проф., Университет Сорбонны (Франция), Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва);

Химмельрайх А. – PhD, проф., Университет Регенсбурга (Германия);

Черкасов К. В. – д-р юрид. наук, доц., Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва);

Шматков И. И. – канд. юрид. наук, доц., Витебский государственный университет имени П. М. Машерова (Республика Беларусь)

ISSN 2072-8557 (print)

ISSN 2310-6794 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция» – печатное издание, в котором публикуются актуальные научные статьи российских и зарубежных учёных, обладающие высоким уровнем качества и новизны, раскрывающие новые подходы в науке к актуальным вопросам истории и теории государства и права, конституционного и муниципального права, гражданского, предпринимательского, семейного, международного частного права, уголовного права и криминологии, уголовно-исполнительного права.

Журнал адресован преподавателям права, аспирантам, докторантам, работникам правоохранительных органов, судьям, юрисконсультам и всем интересующимся состоянием юридической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73346.

Индекс серии «Юриспруденция» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40735.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru; www.lawmgoujournal.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2022. – № 4. – 152 с.

© МГОУ, 2022.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайты: www.lawmgoujournal.ru; www.vestnik-mgou.ru

**Founder of journal "Bulletin of the Moscow Region State University.
Series : Jurisprudence"
Moscow Region State University**

— Issued 4 times a year —

Editorial board

Editor-in-chief:

E. A. Pevtsova – Dr. Sci. (Law), Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Worker of Education of Moscow Region, Honorary Worker of Science and High Technologies of the Russian Federation, Rector of MRSU

Deputy editor-in-chief:

P. L. Polyanskiy – Dr. Sci. (Law), Prof., Lomonosov Moscow State University

Executive secretary of the series:

N. I. Denisov – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow)

Editorial Board:

S. A. Avakyan – Dr. Sci. (Law), Prof., Lomonosov Moscow State University;

I. A. Aleshkova – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow);

Yu. M. Antonyan – Dr. Sci. (Law), Prof., MRSU;

Yu. G. Arzamasov – Dr. Sci. (Law), Prof., National Research University "Higher School of Economics" (Moscow);

K. Ambrewster – Doctor of Law, Prof., University of Erlangen-Nuremberg (Germany);

S. A. Glotov – Dr. Sci. (Law), Prof., International Law Institute under the Ministry of Justice of the Russian Federation;

A. V. Grinenko – Dr. Sci. (Law), Prof., Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow State Institute of International Relations (Y) Ministry of the Interior of the Russian Federation;

V. V. Dolinskaya – Dr. Sci. (Law), Prof., Kutafin Moscow State Law University (MSAL);

A.-Ch.-Ch.-F. A. Dybova – PhD, Prof., Pontifical Catholic University (Rio de Janeiro, Brazil);

A. A. Eliseyeva – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Kutafin Moscow State Law University (MSAL);

V. A. Zhabskiy – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named after V. Y. Kikot;

M. Moravchikova – PhD, Trnava University in Trnava (Slovak Republic);

I. M. Rassolov – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Kutafin Moscow State Law University (MSAL);

E. N. Rakhmanova – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Russian State University of Justice (North-West Branch, St. Petersburg);

G. F. Ruchkina – Dr. Sci. (Law), Prof., Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow);

M. S. Savchenko – Dr. Sci. (Law), Prof., Kuban State Agrarian University (Krasnodar);

V. M. Sapogov – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Pskov State University;

V. E. Safonov – Dr. Sci. (Law), Prof., Russian State University of Justice (Moscow);

Yu. I. Skuratov – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Russian State Social University (Moscow);

V. V. Subochev – Dr. Sci. (Law), Prof., Moscow State Institute of International Relations (Y) Ministry of the Interior of the Russian Federation;

S. Ch. Hutchinson – PhD, Prof., University of the Sorbonne (France), Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow);

A. Himmelreich – PhD, Prof., Regensburg University (Germany);

K. V. Cherkasov – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Russian Ministry of Justice) (Moscow);

I. I. Shmatkov – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Vitebsk State University named after P. M. Masherov (Republic of Belarus)

ISSN 2072-8557 (print)

ISSN 2310-6794 (online)

The Peer-reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence" is a printed edition that publishes present-day scientific articles, performing high level of quality and novelty, written by Russian and foreign scientists. Articles reveal new approaches in science on topical issues of history and theory of state and law, constitutional and municipal law, civil, business, family, private international law, criminal law and criminology, penal law.

The journal's target audience is teachers, postgraduates, post-graduate students, law enforcement authorities officers, judges, legal advisers and anyone interested in the state of legal science.

The journal "Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77 - 73343).

The subscription index of the "Jurisprudence" series is 40735 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's sites (www.vestnik-mgou.ru; www.lawmgoujournal.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence. – 2022. – No. 4. – 152 p.

© MRSU, 2022.

The Editorial Board address:

ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation

phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

sites: www.lawmgoujournal.ru; www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Представляем тему номера..... 6

ЮРИДИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВЕ

Авакьян С. А. О преподавании конституционного права России в современных реалиях: правовые, предметные и методологические (методические) аспекты 7
Арзамасов Ю. Г., Певцова Е. А. Роль цифровизации в систематизации юридической терминологии..... 24

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Борботько П. В., Шматков И. И. Полемика правящих партий Веймарской республики по правовым проблемам в 1919–1921 гг..... 35
Куликов М. А. Государственная стратегия современной России по противодействию манипулированию целями и средствами в правовом регулировании: вопросы реализации и оптимизации..... 45

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Глотов С. А., Алеишкова И. А. Социальные и социально-экономические гарантии в поправках 2020 года в Конституцию России: новые горизонты и перспективы развития .. 57
Джиоев С. Х. О моделях управления судами: ретроспективные и сравнительные аспекты. . . 65
Никитина Е. Е. Законодательное регулирование государственной поддержки институтов гражданского общества: региональный аспект 73

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Вильгоненко И. М., Слепенко Ю. Н., Станкевич Г. В. Государственное регулирование оборота лекарственных средств на потребительском рынке Российской Федерации 83
Эмре Ю. The Conformity of Goods under the CISG 94

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Безбородов Д. А., Кравченко Р. М., Рахманова Е. Н. О некоторых причинах латентности преступности в сфере спорта..... 107
Брянская Е. В. Гносеологические начала аргументации по уголовному делу..... 116
Карпова Н. А. Общие и частные правила квалификации неоконченного преступления . 126
Шутова А. А. Влияние телемедицины на преступность: риски и тренды, уголовно-правовое реагирование..... 133

Трибуна молодого учёного

Антюшин И. С. Обеспечительная собственность: является ли она отличной от «обычной» собственности в понимании отечественного законодательства? 143

CONTENTS

Introducing the Theme of the Issue 6

LEGAL CONSTRUCTIONS IN MODERN LAW

S. Avakyan. On Granting the Constitutional Law of Russia in Modern Realities: Legal, Subject and Methodological (Methodological) Aspects 7
Yu. Arzamasov, E. Pevtsova. The Role of Digitalization in the Systematization of Legal Terminology 24

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

P. Borbotko, I. Shmatkov. Discussion of the Ruling Parties of the Weimar Republic on the Legal Problems in 1919–1921 35
M. Kulikov. The State Strategy of Modern Russia to Counter the Goals and Means Manipulation in Legal Regulation: Issues of Implementation and Optimization 45

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

S. Glotov, I. Aleshkova. Social and Socio-Economic Guarantees in the 2020 Amendments to the Russian Constitution: New Horizons and Development Prospects 57
S. Dzhioev. On Court Management Models: Retrospective and Comparative Aspects 65
E. Nikitina. Legislative Regulation of Government Support of Civil Society Institutions: Regional Aspect 73

PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES

I. Vilgonenko, Yu. Slepennok, G. Stankevich. State Regulation of Drug Traffic in the Consumer Market of the Russian Federation 83
AY Yunus Emre. The Conformity of Goods under the CISG 94

CRIMINAL LAW SCIENCES

D. Bezborodov, R. Kravchenko, E. Rakhmanova. On Some Reasons for the Latency of Crime in the Field of Sports 107
E. Bryanskaya. Epistemological Beginnings of Argumentation in a Criminal Case 116
N. Karpova. General and Particular Rules for the Qualification of an Unfinished Crime. ... 126
A. Shutova. The Impact of Telemedicine on Crime: Risks and Trends, Criminal Law Response 133

TRIBUNE OF A YOUNG SCIENTIST

I. Antyushin. Security Property: Is it Different from «Ordinary» Property as It is Understood by Russian Law? 143

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ТЕМУ НОМЕРА

Дорогие читатели!

Предлагаемый выпуск является продолжением научного поиска решения ряда актуальных вопросов по юридическим наукам.

Материал, изложенный в статьях, – результат разработки теоретических и правовых конструкций, направленных на усовершенствование реальных процессов в публично-правовых, частно-правовых и уголовно-правовых сферах правового регулирования.

Определённое внимание уделяется цифровизации в систематизации юридической терминологии, предметным и методологическим аспектам конституционного права, правилам и ограничениям, применяемым к обороту некоторых видов товаров и продукции, а также важности поддержания законности, правопорядка и защищённости прав человека.

Надеемся, что публикуемые материалы и междисциплинарность обсуждений актуальных вопросов современного права позволят читателям ещё раз оценить устоявшиеся юридические конструкции и обратить внимание на те, которые требуют модернизации.

*Певцова Елена Александровна,
доктор юридических наук, доктор педагогических наук, профессор,
ректор Московского государственного областного университета,
главный редактор научного журнала «Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Юриспруденция»*

ЮРИДИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВЕ

УДК 37.016: 342.4

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-7-23

О ПРЕПОДАВАНИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ: ПРАВОВЫЕ, ПРЕДМЕТНЫЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ (МЕТОДИЧЕСКИЕ) АСПЕКТЫ

Авакьян С. А.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Определение задач учёным-специалистам, занимающимся преподаванием конституционного права в условиях конституционной реформы 2020 г., новелл Конституции Российской Федерации и проблем их использования в процессе преподавания.

Процедура и методы. Дан системный анализ новелл конституционно-правового регулирования после конституционной реформы 2020 г., что остаётся на первом плане для учёных-специалистов, преподающих конституционное право. Рассмотрены проблемы использования в преподавании категорий публичного права и публичной власти, гражданского общества, социальных начал, основы статуса личности, территориальной организации страны, избирательного процесса, соответствующих органов власти в новых условиях. Обсуждены вопросы о сочетании в преподавании конституционного права рассмотрения разных уровней внутреннего конституционно-правового регулирования, а также наднациональных и международных документов, посвящённых конституционным отношениям в нашей стране.

Результаты. Выявлены проблемы по реализации новелл конституционно-правового регулирования после конституционной реформы 2020 г., внесены авторские предложения, советы и рекомендации в рассматриваемой сфере, что будет способствовать совершенствованию законодательства и высокому уровню преподавания конституционного права России.

Теоретическая и/или практическая значимость. Даны практические рекомендации для достижения целей преподавания студентам в процессе изучения ими конституционного права Российской Федерации

Ключевые слова: преподавание, публичное право, публичная власть, конституционное право, гражданское общество, социальные основы, личность, территориальная организация государства, избирательный процесс, государственные органы, уровни конституционно-правового регулирования

ON GRANTING THE CONSTITUTIONAL LAW OF RUSSIA IN MODERN REALITIES: LEGAL, SUBJECT AND METHODOLOGICAL (METHODOLOGICAL) ASPECTS

S. Avakyan

*Lomonosov Moscow State University
Leninskie gory 1, Moscow 119991, Russian Federation*

© СС ВУ Авакьян С. А., 2022.

Abstract

Aim. Determination of tasks for specialist-scientists involved in teaching constitutional law in the context of the constitutional reform of 2020, innovations of the Constitution of the Russian Federation and the problems of their use in the teaching process.

Methodology. A systematic analysis of the innovations of constitutional and legal regulation after the constitutional reform of 2020 has been given, which remains in the foreground for scholars who teach constitutional law. The problems of using the categories of public law and public power, civil society, social principles, the foundations of the status of an individual, the territorial organization of the country, the electoral process, the relevant authorities in the new conditions were considered in teaching. The issues of combining in teaching constitutional law the consideration of different levels of internal constitutional and legal regulation are discussed, as well as supranational and international documents on constitutional relations in our country.

Results. Problems were identified on the implementation of innovations of constitutional and legal regulation after the constitutional reform of 2020, author's proposals, advice and recommendations in the field under consideration were made, which will contribute to improving legislation and a high level of teaching constitutional law in Russia.

Research implications. Practical recommendations are given to achieve the goals of teaching students in the process of studying the constitutional law of the Russian Federation

Keywords: teaching, public law, public power, constitutional law, civil society, social foundations, personality, territorial organization of the state, electoral process, state bodies, levels of constitutional and legal regulation

Введение

В последнее время увлечение наукой было ощутимым в жизни для многих учёных [3; 13; 17; 20–22], и связано это в первую очередь с необходимостью освоить понятийный лексикон после его пополнения при конституционной реформе 2020 г. Немаловажное значение имеют и государственно-политические события последних лет, и политическая риторика, в которой слышатся предложения восстановить ряд понятий прошлого, сомнения в правильности полного отказа от государственной собственности, от руководящей роли государства, в обоснованности подчинения внешних и внутренних функций государства зарубежному влиянию, ненужного вступления во Всемирную торговую организацию, в Совет Европы, обеспокоенность навязыванием нам чуждых морально-нравственных категорий и др.

Разумеется, эти задачи нельзя считать в полной мере решёнными. Особенно в ситуации, когда идёт необходимая после конституционной модернизации ревизия нормативной базы, появляются либо новые

законы и другие акты, либо обновлённые редакции ранее известных, причём в обеих разновидностях документов мы находим существенно скорректированные концепции и правила.

Но наряду с научными изысканиями для преподавателя вуза не менее важным становится обращение к **правовым, предметным и методологическим (методическим) аспектам преподавания конституционного права России**. Данная задача не является второстепенной и должна помочь в доведении *доктринальных (нормативных и толковательных)* новшеств нашей отрасли до широкой массы студенчества во всех его существующих пропорциях (бакалавриат, магистратура, специалитет). Уровень обучающихся сегодня высок, для большинства содержание предмета становится базой не только его освоения, но и, не побоимся этих слов, научных изысканий как в рамках курсовых и дипломных, выпускных работ, так и достаточно серьёзных публикаций.

Итак, исследовательские аспекты часто переплетаются с преподавательскими, что читатель увидит и в нашем материале.

Конституционное право – публичное право

Отражение в содержании реформы 2020 г. категорийного ряда, связанного с публичной властью и публичным правом, сильно повлияло на общее состояние юридической науки, в т. ч. и на конституционное право.

Если говорить честно, ничего особенно-го здесь не было и нет. Открываем первое издание курса «Конституционное право России», выпущенное в 2005 г., и видим: категория публичной власти широко используется в конституционно-правовом учебном издании. И это естественно, поскольку о публичной власти говорят уже столетия, видят в ней объединяющую категорию для государства и общества, для граждан, их образа жизни и союзов (объединений, религиозных и территориальных сообществ), для всех видов собственности, военной инфраструктуры и т. д.

Публичная власть уже давно считается категорией, охватывающей ключевые линии народовластия в их единстве [1; 5; 8; 9; 12; 14; 16; 18]. Основа такого подхода заложена в действующей Конституции Российской Федерации. В ч. 1 ст. 3 провозглашено: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ». И далее то, что особенно привлекает: согласно ч. 2 ст. 3 Конституции РФ, «Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления».

Что же изменилось к нашим дням? Формально то, что категория «публичной власти» теперь включена в официальный конституционный лексикон. Но одновременно конституционная материя обратилась к категории, о которой многие учёные и практики уже давно говорили, – *гражданскому обществу*, отсюда неизбежно и к *общественной власти как средству его (общества) самовыражения и институтам*. Полагаем, это обусловлено желанием объединить категорией публичной власти

многие сферы как объекты совместного государственно-общественного бытия. Государственного – в части создания нормативно-правовых основ и направления всех процессов, общественного – в наполнении руководства, контроля, наряду с государственными возможностями, также и потенциалом общественных ресурсов.

Но включение категории «публичной власти» в Конституцию РФ – с таким наполнением содержания – не было сопровождено её *определением*. Неувязка стала очевидной. И тогда было решено отразить категорию публичной власти не в том широком предназначении, о котором мы сказали выше, а как систему *органов* публичной власти. И такое определение связали с законом об органе, роль которого возвысили его отражением в Конституции страны, – с Федеральным законом от 8 декабря 2020 г. «О Государственном Совете Российской Федерации».

В период проведения конституционной реформы 2020 г. об этом органе много говорили, толковали его чуть ли не как «базовую точку опоры или приземления» для Президента РФ. На деле оснований для этого не было: Госсовет уже давно существовал как одна из вспомогательных структур президентской власти, был создан президентским Указом в 2000 г., собственно, в этом качестве он и остался, хотя его роль и несколько возвышена упоминанием о нём в Конституции и принятием отдельного закона об этом органе.

Сегодня, по прошествии пары лет продолжения функционирования Госсовета, сказанное стало более очевидным, но в 2020 г. ожидалось более активное осуществление его функций. Это и было решено отразить в акте о нём уже на уровне закона, а не указа.

Однако заодно Закон о Госсовете был использован для характеристики публичной власти. И сделали это, по нашему мнению, не совсем удачно. В акт включили гл. 1 «Общие положения», в ней существенно расширен предмет Закона. В ст. 1 «Предмет регулирования настоящего Федерального закона» читаем: «Настоящий Федеральный

закон в соответствии с *Конституцией Российской Федерации* и в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия *органов, входящих в единую систему публичной власти*, определяет *основы функционирования публичной власти*, а также статус, организационно-правовые основы формирования и деятельности Государственного Совета Российской Федерации». Уже в приведённом тексте видим ориентир на то, что даёт толкование публичной власти как единой системы *органов* и что делается это в соответствии с Конституцией РФ.

И этот подход становится более ясным при ознакомлении с ч. 1 ст. 2 Закона, именуемой «**Понятие единой системы публичной власти**»: «Под единой системой публичной власти понимаются федеральные *органы* государственной власти, *органы* государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные *органы*, *органы* местного самоуправления в их совокупности, осуществляющие в конституционно установленных пределах на основе принципов согласованного функционирования и устанавливаемого на основании Конституции Российской Федерации и в соответствии с законодательством организационно-правового, функционального и финансово-бюджетного взаимодействия, в т. ч. по вопросам передачи полномочий между уровнями публичной власти, свою деятельность в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально-экономического развития государства».

Итак, дожили... И автор этих строк, и коллеги не раз писали о том, что ещё со времён создания Конституции СССР 1936 г. политики и учёные подсказывали руководству страны, что у нас у власти народ (трудящиеся), что и следует отразить в Основном законе. Но бюрократия власти с упорством фиксировала в Конституциях, что народ осуществляет у нас власть *через органы* государственной власти. Мы радовались, когда в Конституции 1993 г. появились на первом месте слова о непосред-

ственном осуществлении народом своей власти и уж далее – что также через органы. Эти нормы приведены выше.

Поскольку важность и прямое действие Конституции РФ никем не отрицаются, остаётся лишь сожалеть по поводу формулировок Закона 2020 г. и о том, что они появились якобы в соответствии с Конституцией, и в очередной раз высказать утверждение, что публичная власть в Российской Федерации на основе Конституции должна объединять общество и государство, а потому может быть в формах непосредственного народовластия, государственной власти и власти местного самоуправления.

Гражданское общество и общественная власть

Развивая вышеизложенное, следует говорить о трактовке гражданского общества как политического и научного понятия, а также о его использовании в курсе конституционного права. Но с категорией гражданского общества происходит нечто непонятное, соответственно и с общественной властью. Не исключено, что государственная бюрократия просто боится гражданского общества как силы, которая «нависнет» над государственным механизмом и начнёт контролировать и оценивать каждое его действие.

Поэтому попытки сделать гражданское общество предметом регулирования уровня самой Конституции РФ до последнего времени не получались. Хотя в проекте Конституции, подготовленном Конституционной комиссией ещё в 90-е гг. прошлого века (условно «проект О. Г. Румянцева»), глава о гражданском обществе наличествовала, правда, в окончательном тексте Основного закона, продвинутом Б. Н. Ельциным, она отсутствовала (отсутствует). Но в последующем в различных актах конституционно-правового назначения понятие «гражданское общество» стало отражаться, да и оправдывает себя. В качестве примера можно сослаться на Федеральный закон 2005 г. (с изменени-

ями и дополнениями) «Об Общественной палате Российской Федерации», законы об общественных палатах субъектов РФ: в них определяется одна из их задач как раз в консолидации и оказании помощи институтам гражданского общества, в т. ч. и по контролю в отношении государственных структур – это прямо зафиксировано в названной серии актов. Другими словами, там, где необходимо существование и взаимодействие структур общества (гражданского общества) в планах мобилизации потенциала граждан и их объединений, а также в задачах общественного контроля в отношении органов исполнительной власти – наличие институтов гражданского общества как будто бы приветствуется.

Но несколько иная ситуация складывается тогда и там, когда и где речь заходит о категории общественной власти в части её самостоятельных задач в осуществлении управления обществом, как бы отделённых от государства, его права воздействовать на общество. А как известно, теория государства в качестве ключевого постулата его (государства) возникновения предлагает принятие им на себя ряда общественных задач, их превращения в государственные дела и функции.

Скорее всего, у тех, кто связан с государством и его аппаратом, имеются опасения такого рода: что можно разделить дела по управлению обществом и государством на самостоятельные линии; что общество (гражданское общество) создаст свои органы управления им, обществом; что возникнет нездоровая ситуация разделения публично значимых задач и порядка их осуществления.

Разумеется, те учёные и практики, которые выступают за возвышение роли гражданского общества, совсем не ратуют за то, чтобы оно в целом или в каких-то делах подменило государство [4; 10; 11]. Такие попытки у нас предпринимались в связи с теорией отказа от государства и переходом к общественному коммунистическому самоуправлению. Подобную линию развития признали в целом нереальной и нежизненной.

Поэтому речь идёт о другом:

1) отражение в Конституции права граждан и их объединений на самостоятельное осуществление тех дел, которые специфичны для общества – часть забот о людях, социальные аспекты, удовлетворение их общественных и духовных интересов и запросов;

2) отражение в Основном законе РФ также прав институтов общества по контролю за конституционностью и законностью деятельности государственных органов, да и то не всех, а исполнительной власти;

3) закрепление прав таких институтов по внесению идей и предложений, касающихся судьбы страны, осуществления политики государства, деятельности государственных органов;

4) при необходимости – получение импульсов от государства в части общественных настроений, атмосферы, соблюдения действующих законов и иных нормативных актов.

В этом плане надо признать обоснованными идеи и предложения по включению в Конституцию РФ отдельной главы о гражданском обществе, общественной власти как разновидности власти народа, об общепризнанных общественных институтах. Хотя этот вопрос требует отдельного обсуждения, всё же очевидно, что это не только названные выше общественные палаты, но также общественные объединения, их ведущая разновидность – политические партии. Не исключены разговоры о возобновлении роли трудовых коллективов, о поддержке инициативных объединений граждан, а также о расширении влияния в обществе религиозных организаций.

Таким образом, мы отнюдь не ратуем в пользу способных появиться в гражданском обществе идей и инициатив слома государственного аппарата революционными путями, переворотами; мы против различных оппозиций, «фронтов», демонстративных выступлений против государства; мы против извращенцев и их объединений.

Какой вариант взаимоотношений должен быть у гражданского общества и го-

сударства? Помимо сотрудничества следует исходить из того, что государство в лице своих органов *должно поддерживать* гражданское общество. Гражданское общество – это среда, почва, платформа для государства, здесь оно осуществляет свои задачи, соответственно, призвано помогать гражданскому обществу.

Первый успех регулирования на уровне Конституции РФ в отношении гражданского общества мы видим во включении в Основной закон при реформе 2020 г. п. «е1» в ч.1 ст.114, согласно которому Правительство РФ *«осуществляет меры по поддержке институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, обеспечивает их участие в выработке и проведении государственной политики»*. Не будем слишком придирчивы к этой формулировке. Главное – она включена в Конституцию.

Соответственно, надо в той части курса конституционного права РФ, где даётся характеристика конституционного строя и публичной власти, *вести разговор о гражданском обществе, его институтах и их участии в публичной власти своими методами и путями*.

Социальные составляющие конституционного строя России

Очень важная задача в преподавании конституционного права России, которую можно решать как в рамках анализа гражданского общества, так и самостоятельно – *расширение характеристики социальных основ общества и государства*.

Конечно, мы это делали и ранее, ведь в Конституции имеется ст. 7, которая провозглашает, что Россия – социальное государство. Характеризуя конституционный строй страны, мы обращали внимание на его социальные начала.

Но при конституционной реформе 2020 г. в Основной закон включён ряд дополнительных и новых аспектов нашей социальности, им нужен хотя бы беглый обзор в соответствующей части курса конституционного права России. На базе всех

конституционных социальных основ нашего строя некоторые учёные предлагают выделить новую отрасль права – социальное право с отнесением в его состав многих конституционных норм, а также других отраслей права – кстати, тех, где они, эти составляющие, изначально зарождались (например, трудового права – социальное партнёрство). Это может стать предметом другого разговора. Здесь же остановимся на ключевых конституционных положениях, на толковании которых следовало бы сделать упор.

Прежде всего, выделим новую ст. 75.1 Конституции и приведём её полностью: *«В Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнёрство, экономическая, политическая и социальная солидарность»*.

С позиций социальности особого внимания заслуживают такие слова и их сочетания:

- взаимное доверие государства и общества;
- защита достоинства граждан и уважение человека труда;
- сбалансированность прав и обязанностей гражданина;
- социальное партнёрство;
- экономическая, политическая и социальная солидарность.

Появление первой позиции – «взаимное доверие государства и общества» – ещё больше подтверждает наш тезис о том, что общество, гражданское общество заслуживает более высокого внимания конституционного права. По существу, в Конституции признано, что и некоторая самостоятельность, и союз государства и общества должны анализироваться не только как политические, но и как конституционно-правовые явления. Мы пока не готовы ответить на вопрос о ракурсе

анализа, но его очевидность будет многих стимулировать. Во всяком случае их субъектная самостоятельность и переплетение, формы взаимодействия, уважение к актам и действиям друг друга, шаги «по уменьшению вреда» и «увеличению взаимной пользы» – всё это может стать объектом конституционно-правовых взглядов и оценок.

Две следующие позиции – «защита достоинства граждан и уважение человека труда», «сбалансированность прав и обязанностей гражданина» – предполагают сочетание нескольких может и известных, но всё же в сильной степени возрождаемых социальных ценностей. Их суть состоит в том, что в нашей стране, в нашем обществе предполагается такой статус личности, в котором уважение к персоне обуславливается прежде всего тем, что это «трудящийся человек», т. е. создающий какие-то ценности и тем самым упрочивающий своё достойное место как в государстве, так и в обществе. И дело ещё в том, что «сбалансированность» прав и обязанностей следует понимать не как их равные объёмы, а как взаимную обусловленность.

Ещё две категории – «социальное партнёрство», «экономическая, политическая и социальная солидарность» – отражают то, что в нашей стране, отказавшейся от категории «классов», тем не менее признаются «социальные слои» и, соответственно, должны решаться задачи их экономического, политического и социального взаимодействия. Основой экономического взаимодействия является то, что каждый слой имеет свои особенности занятости; политическое начало состоит в том, что они могут создавать объединения для выражения своих взглядов и устремлений. А социальное начало предполагает разные уровни их материального и общественного положения, и при этом они могут/должны сотрудничать (а не враждовать), помогать друг другу (а не уничтожать), использовать свои возможности и организации для решения насущных для всех задач [2; 7; 19].

Новые оттенки в характеристике конституционно-правового положения человека и гражданина

Конституционное отношение к личности у нас не меняется – и ст. 2 Конституции и вся гл. 2 остаются не просто конституционными основами, но и действующим правом.

Однако стоит обратить внимание на политическую, а постепенно и конституционную ориентацию отношения к личности. В первую очередь речь идёт о корректировке толкования её места в государстве и обществе, отношений с ними. Здесь ключевыми становятся такие контуры:

а) не только обязанности государства и общества по отношению к личности, но и *обязанности человека* по отношению к государству. Скорее всего, у нас получился явный «перебор», когда записали в ст. 2 Конституции: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Более правильно поступили те страны, которые отразили там же и ответную обязанность человека уважать своё государство и способствовать его укреплению; это очень соответствует принципу сбалансированности прав и обязанностей в целом (о нём мы упомянули выше), и такая сбалансированность должна быть элементом также и отношений личности и государства, общества;

б) страна несколько уточняет свои ориентиры отношения к внешнему миру, исходя как из своих интересов, так и из ухудшения положения во внешней среде тех, что национальным фактором или фактором прежней жизни, фактором личных симпатий к нашей стране ориентируется не просто на укрепление связей с нами, но также и на *приобщение к нашей стране* переездом сюда, а возможно и получением российского гражданства. Таким образом, в сфере миграционной политики ориентиры существенно меняются, налицо её конституционализация, эта политика перестаёт быть объектом только административного пра-

ва, что и должно быть отражено в нашем курсе;

в) в развитие такого подхода мы остаёмся державой со своим гражданством и задачами его упрочения, а также формирования нашего отношения к иностранцам. Поэтому в курсе конституционного права следовало бы оттенять нормы, направленные на *защиту наших граждан* уже с момента их рождения, – сохранение российского гражданства при разном гражданстве родителей (при условии, что один – гражданин РФ), при рождении в тех странах, где фактор места рождения даёт приоритеты в признании и/или получении иного гражданства. Надо также в большей мере обращать внимание на *выбор работы или службы иностранцем* в нашей стране как приоритет в получении российского гражданства, прогрессивное значение установления бессрочности вида на жительство как ключевого документа для иностранца, проживающего в России.

В связи с тем, что ст. 6 Конституции запрещает лишение гражданства для тех, кто является гражданином РФ, не излишне проанализировать правила, касающиеся порядка приобретения российского гражданства иностранцем – с принесением присяги, а также с отменой принятых решений и отсюда прекращением российского гражданства. Не плохо в этой связи привести соответствующие правила о прекращении гражданства из Европейской конвенции о гражданстве;

д) расширение *общегосударственных* элементов в статусе личности, т. е. переход от просто личных прав к *общегосударственному уровню толкования статуса человека и гражданина, его составляющих*. Нельзя сказать, что ранее этого не было. Но всё же ряд новых категорий отражает связь «человек – государство» и «человек – общество». В особенности обратим внимание на такие моменты:

– введение категорий «язык государствообразующего народа – русский язык» (ч. 1 ст. 68 Конституции);

– передача от предков «идеалов и веры в Бога» (ч. 2 ст. 67-1);

– брак и супружество как союз женщины и мужчины (п. «ж1» ч. 1 ст. 72);

– дети как объект общей заботы – «всестороннее духовное, нравственное, интеллектуальное и физическое развитие детей, воспитание в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим» (ч. 4 ст. 67-1);

– культура и культурная самобытность как ценности народа и государства (ч. 4 ст. 68, ч. 2 ст. 69).

Вместе с тем мы столкнулись с несколькими острейшими проблемами:

– внутренний мир личности и средства его обеспечения в интернет-виртуальном пространстве;

– защита личности и в первую очередь через категории достоинства личности, персональные данные и их «обережение»;

– личность как объект и жертва информационного давления. Настало время задуматься над тем, как мы допустили, что народ, не отрывавшийся от круглых радио-«тарелок» и глубоко веровавший в государственные источники информации, перешёл к периоду «припадания» к приёмникам и улавливания заглушаемой информации от западных радиостанций, а сегодня мало смотрит и не верит поощряемым государством телеканалам и ищет какую-то «истину» в неформальных источниках, зачастую не просто подающих какую-то информацию, а откровенно туманящих сознание граждан.

Иначе говоря, «враньё», «фейки», «препарирование информации» и даже её сокрытие (в ситуации, когда это бессмысленно делать) – обо всём этом придётся говорить при преподавании конституционного права, по крайней мере с позиций конституционного отражения средств борьбы и преодоления названных негативных явлений.

Территориальная организация государства, федерализм, государственная территориальная и национальная политика

Несмотря на то, что в Конституции РФ гл. 3 называется «Федеративное устройство», желательно в курсе конституционного права видеть и статику, и динамику этого явления.

Прежде всего, является вполне обоснованной линия государственной политики, отражённая в Конституции РФ, что Российская Федерация является правопреемником и правопродолжателем Союза ССР (ч. 1 ст. 67-1 Конституции в ред. 2020 г.).

Но речь можно вести не только о прежних договорах, которые мы признаём и при необходимости продолжаем. Не менее существенным является и территориальный фактор: мы исходим из предметного состава нашей территории на начало самостоятельного существования РФ. Однако мы не отвлекаемся от права на самоопределение народов и их территорий, если они решили, меняя свою судьбу, войти в состав Российской Федерации. Это и происходит в реальности.

Отсюда в курсе конституционного права мы не можем уйти от того, что записано и в Уставе ООН, и в нашей Конституции. В ст. 1 Устава (п. 2) одной из целей Организации провозглашено: «Развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и *самоопределения* народов, а также принимать другие соответствующие меры для укрепления всеобщего мира». В этом же ключе в Преамбуле Конституции РФ провозглашено, что она принимается, в т. ч. «исходя из общепризнанных принципов равноправия и *самоопределения* народов», а в ч. 3 ст. 5 нашей Конституции данный постулат отражён как один из ключевых моментов нашего федеративного государства: «Федеративное устройство Российской Федерации основано на её государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий

между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, *равноправии и самоопределения* народов в Российской Федерации».

Это должно быть основой предметного разговора о состоянии и перспективах территориальной организации страны.

Не излишне при этом обратиться и к прошлому. В том плане, что Российское государство, идя навстречу разным народам, хотя порой и вынуждено было опираться на военный фактор, но всегда заключало договоры о союзах с включаемыми (объединяемыми) территориями, народами, исходило из их желаний быть в составе нашего государства. Став частью России, эти народы получили прежде всего внутренний мир, защиту от внешних притязаний, вхождение в огромный экономический рынок, материальные выгоды для местного населения, перспективы духовного развития.

Сегодня вхождение в Россию для ряда территорий означает конституционно-правовое воссоединение с русским народом, частью которого они являются исторически, их дальнейшее развитие в рамках территориальной организации Российской Федерации. Эти части единого народа не просто воссоединяются, они ещё и говорят внешнему миру, что они отказываются пребывать в составе государства, которое пронизывает себя враждебным отношением к России.

В этой части курса конституционного права не лишней будет вводная о нашем толковании федерализма, о государственной федеративной (федеральной) политике в России с учётом национальной составляющей. Здесь должны найти место такие позиции:

- сущность российского подхода к федерализму как принципу государственной организации страны;
- национальные и территориальные начала в российском федерализме;
- государственное единство как основа нашего федерализма (ч. 2 ст. 67-1 Конституции), толкование централизации и децентрализации в российском федерализме;

– государственный суверенитет и территориальная целостность как категории для всей Российской Федерации (ст. 4, ч. 2-1 ст. 67);

– условия взаимоотношений центра и частей государства (регионов), включая категорию самостоятельности и её пределов для субъектов Российской Федерации (ст.ст. 71–73 Конституции).

Мы не видим необходимости в сглаженном анализе федерализма и национальной политики в нашей стране. Каждое федеративное государство в мире развивается сложно, мы – не исключение. «Загравивание» в учебном курсе основ и проблем федеративного строительства, межнациональных отношений, «командно-административных» методов руководства страной, путей формирования государственного бюджета, налоговой политики, плюсов и негативов централизации и децентрализации, «назначенчества» и «согласованности» в подборе руководителей территорий – всё это способствует выработке начал государственного мышления у наших студентов, тем более что многие из них позже будут участниками федеративных процессов в Российской Федерации, субъектах РФ.

Не излишне в определённой мере сохранять «наступальное» начало в характеристике нашего устройства, в т. ч. и в сравнительном аспекте. Не будем, в частности, забывать о том, что кичащиеся своим федерализмом США появились в результате покорения чужих территорий и насильственного изгнания с них коренных жителей; британский союз, подаваемый как дружеское объединение, на деле появился как следствие насилия – захвата чужих территорий.

Существенной недоработкой в преподавании территориальной «части» конституционного права является то, что зачастую мы ограничиваемся статикой РФ, её субъектов, мало уделяем внимания территориальной и национально-культурной автономии. Да и часов лишних нет...

И всё же появились новые веяния в территориальной организации страны. И это

заставляет нас думать о расширении данного блока конституционного права.

Во-первых, это внимание к национальным аспектам в территориальной структуре. Не следует забывать, что у ряда элементов территориальной организации национальное начало отражено в наименовании, в характеристике как автономной единицы. И не стоит уходить от соответствующих вопросов, считать их второстепенными.

Во-вторых, следует взвешенно подходить к новым явлениям в территориальной структуре, спокойно их анализировать. В этом плане обратим внимание на такие моменты.

В частности, сейчас все «ухватились» за предусмотренные реформой 2020 г. федеральные территории (ч. 1 ст. 67). Действительно, это новое и во многом непонятное явление. И при этом есть же отражённая в Конституции категория возможного изменения статуса субъекта РФ (ч. 5 ст. 66, ч. 1 ст. 137). Мы и раньше их почти не касались, но спрашивается, как быть с таким статусом при изъятии Федерацией «куска земли» и при согласии субъекта, и тем более при отсутствии такого согласия либо его «незапрашивания».

В Конституции РФ нет чётких внутренних критериев образования нового субъекта РФ. Но разве в курсе конституционного права (учебном и научном!) нельзя это обсуждать? К примеру, если Южная Осетия решит войти в состав Российской Федерации и будет просить союза с Северной Осетией, оформления статуса нового субъекта в России – где, как не в курсе конституционного права, поговорить об этом! Если ранее Чукотка была в составе Магаданской области, а потому этот автономный округ оттуда вывели и включили напрямую в РФ – где это обсуждать, если не в учебном курсе конституционного права?

Но и это не всё. В погоне за экономическими и стратегическими успехами ряд решений территориального характера пока остаётся вне тематики федеративного устройства. На что-то мы реагируем в курсе муниципаль-

ного права, например, это ЗАТО (закрытые административно-территориальные образования), имеющие по законодательству статус муниципальных единиц, наукограды – они являются городскими округами (теперь муниципальные округа). Но как быть с «инновационными центрами», «особыми экономическими зонами», «территориями (или зонами) опережающего развития»? Они не просто создаются, выводятся из имеющихся территориальных структур, им придаются свои руководящие органы. Причём всё это делается президентскими или правительственными актами. Спрашивается, разве там не знают о противоречии созданного имеющейся системе органов власти, нормативно отражённой. Думается, следует подобным единицам уделить внимание и в этой части курса конституционного права.

Более чем странно и то, что вне обзора в этой части конституционного права остаются вопросы административно-территориального устройства (АТУ) субъектов Российской Федерации. Кстати, хотя по началу разделения предметов ведения эти вопросы остаются за субъектами РФ, далеко не все из них имеют свои законы об АТУ. Более того, нет ясности в том, совпадают ли административно-территориальные единицы с муниципальными образованиями. Причём не исключено же, что с принятием нового федерального закона о местном самоуправлении его нижний уровень – сельские и городские поселения – «уйдёт» в «административную зону» управления, т. е. останутся лишь муниципальные округа.

Избирательное право, избирательный процесс

В этой части конституционного права много «беспроблемно», поэтому преподавание остаётся традиционным, особенно в части прав граждан и избирательного процесса.

Однако всё же имеется концентрированный круг вопросов, которые неизбежны для практики и, соответственно, привлекают внимание студентов.

Прежде всего, это вопрос о *специальных, целевых источниках* избиратель-

ного права на федеральном уровне. Уже многие годы оправдывает себя существование Федерального закона об избирательных правах и праве на референдум граждан РФ. Правда, на какой-то «волне» у Центральной избирательной комиссии РФ возникла идея подготовки нового акта, который сначала называли Избирательным кодексом РФ, но на завершающем этапе подготовки документ получил наименование «Кодекс Российской Федерации о выборах и референдумах».

Кодекс был подготовлен учёными МГУ и на начальных этапах обсуждения не вызвал сильной критики как у ЦИК РФ, так и у научного сообщества. Первичная задумка состояла в том, что это будет единый акт, адресованный всем видам выборов в нашей стране. В части общих начал, а также принципов избирательного права и избирательной системы он может прямо действовать для любых выборов, а особенности по уровням можно отразить актами Федерации и субъектов РФ.

Однако возникли некоторые проблемы, задержавшие движение этого проекта. В частности, не было ясности в том, должно ли быть включено в Кодекс, например, голосование по отзыву избранного лица; как быть в ситуации избрания депутата не населением, а депутатами нижестоящего уровня. Сегодня своеобразная «ясность» достигается тем, что соответствующие институты исключаются из законодательства: отменены отзыв главы субъекта РФ, депутатов всех уровней; станет частью истории избрание депутатов вышестоящего муниципального органа нижестоящими депутатами, а также вхождение по должности глав нижестоящих муниципальных образований.

Другая причина торможения проекта связана с тем, что в нём предлагается восстановить некоторые ранее существовавшие правила – например, о создании избирательных блоков, об отказе от масштабного государственного и частного финансирования выборов и др.

Ещё одна причина связана с активным внедрением в избирательный процесс

электронных возможностей, в т. ч. дистанционного голосования без явки в помещенные участковой комиссии, использования электронных способов обеспечения гласности голосования и подсчета поданных голосов [6; 15].

Актуальным в избирательном процессе остаётся вопрос о защите личности кандидатов в депутаты. В последнее время законодательно многое сделано для поддержания достоинства кандидатов и охраны их персональных данных. Но, к сожалению, реальные пути защиты пока оставляют желать лучшего.

Органы государственной власти

Как это ни удивительно, сложностей в преподавании этой части конституционного права гораздо меньше. Разумеется, здесь хватает проблемных моментов, но в целом они выглядят более упрощённо, чем в других частях конституционного права. И, пожалуй, несколько масштабнее выглядят эволюционные факторы, т. е. в изложении материала чаще желательно действовать по принципу «сегодня – вчера», показывая сегодняшнее регулирование в сопоставлении с вчерашним.

При этом преподавателю не стоит уклоняться от «неудобных» вопросов. Их много, мы не сможем обо всём сказать в рамках данного материала, но обратим внимание на то, что трудности видим именно в методике, в сопоставлении нормативных материалов и оценочных суждений студентов. Проиллюстрируем это некоторыми примерами.

Так, применительно к Президенту РФ достаточно красноречивым является дополнение его роли как главы государства тем, что он «поддерживает гражданский мир и согласие в стране» (ч. 2 ст. 80 Конституции), обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие «органов, входящих в единую систему публичной власти» (ч. 2 ст. 80 Конституции). Но придётся коснуться и того, что в ч. 1 ст. 110 обозначено: исполнительную власть Российской Федерации осуществ-

вляет Правительство РФ «под общим руководством Президента Российской Федерации». Не придётся ли нам прежние толкования ст.ст. 10–11 Конституции, когда мы говорили о президентской власти как отдельной ветви в системе разделения властей, теперь дополнять тезисом, что президент тяготеет к исполнителю власти? Усиление полномочий президента в формировании Правительства (назначение части членов данного органа после их утверждения Государственной Думой, а «силовых министров» лишь после неясного консультирования с Советом Федерации), расширение права президента на назначение до 30 сенаторов РФ в Совет Федерации, сохранение прав по предложению кандидатур в состав Конституционного Суда РФ и участие в освобождении от должности судей высшего уровня в РФ, введение права президента на инициирование предварительного нормоконтроля в КС РФ – все подобные предписания могут быть предметом спокойного анализа вместе со студентами.

В процессе обсуждения в созданной Президентом РФ Рабочей группе по рассмотрению поправок к Конституции анализировались разные предложения. В частности, автор этих строк предлагал более обстоятельно в ст. 94 отразить функции Федерального Собрания – представительный характер, законодательствование, участие в высшем руководстве делами страны, формирование ряда государственных органов, парламентский контроль. Предложение не прошло. Но хотя бы появилась ст. 103-1, согласно которой палаты Федерального Собрания вправе осуществлять парламентский контроль. Члены Рабочей группы, в т. ч. депутаты Государственной Думы и члены Совета Федерации, не поддержали давно «носящуюся в воздухе» идею народной законодательной инициативы; причина проста – парламент «завалит» народными законопроектами, он «не продохнется» от них. Думается, анализ студентами российского парламентаризма нуждается в изучении не только нормативного материала, но и

предложений, идей конструктивного повышения его роли.

Требует к себе внимания и конституционное правосудие. Мы стали очевидцами некоторых мер, вызвавших обеспокоенность: сокращено количество судей Конституционного Суда РФ; упраздняются конституционные, уставные суды субъектов РФ. Но несомненным плюсом стало расширение компетенции Конституционного Суда РФ, в т. ч. и переводом на уровень Основного закона полномочий, которые до этого были на уровне законодательного регулирования. Это требует к ним внимания.

Что касается конституционного правосудия на уровне субъектов Российской Федерации, оно пошло по пути образования конституционных советов при парламентах отдельных республик; пока трудно сказать, что даст такая практика. Но к этим вопросам следовало бы обратиться при анализе органов публичной власти субъектов РФ.

Уровни конституционно-правового регулирования

Возможно, вопрос об уровнях конституционно-правового регулирования надо было поставить в начале данного материала. Но проблема становится более ясной как раз тогда, когда освещены предметные и методологические задачи курса и в целом просматриваются несколько дополнительных факторов, связанных с организацией нормативной регламентации.

Во-первых, мы федеративное государство, отсюда неизбежна необходимость распределения регулирования внутри страны между Российской Федерацией и субъектами РФ. Здесь порой мы сталкиваемся с желанием некоторых субъектов Федерации наряду с федеральным правом иметь ещё и «своё» право. Более того, на стадии существования СССР, когда центробежные тенденции (т. е. отдаление от центра, повышенная самостоятельность, граничащая с превращением федерации в конфедеративный союз) порой были сильны, отдельные союзные республики

помышляли о своём праве на «ратификацию», «дачу согласия» на введение в действие федеральных нормативных актов. В конце концов это стало одной из предпосылок развала Союза ССР как федеративного государства.

Какие-то скрытые отголоски того времени мы видим в ст. 76 Конституции РФ: она говорит о приоритете федерального права, но в то же время не исключает того, что в чём-то оно может нарушить права субъектов РФ, и в этом случае «действует нормативный правовой акт субъекта Российской Федерации» (ч. 6 ст. 76). В реальности, конечно, речь идёт о другом: субъект не объявляет о приостановлении или отмене федерального акта, а вправе оспорить его в Конституционном Суде РФ.

Тем более давно в стране сделан правильный вывод: у нас нет систем права ряда уровней, ведь в этом случае нам пришлось бы допустить, что наряду с федеральным правом имеются и право субъектов РФ, и право муниципальных образований. И это было бы крайне неправильно. У нас одна система права; и имеются 3 уровня регулирования общественных отношений, но они лишь воплощаются в нормативных актах, однако *внутри единой системы* права.

Как было упомянуто выше, на разных этапах развития страны возникали попытки передать регулирование некоторых отношений в руки общественных объединений. Такие шаги связывали с перспективами перехода от государства к общественному коммунистическому самоуправлению. В частности, большой объём государственной собственности в сфере отдыха и лечения передали профсоюзам, что породило их регулирование. Прошло время, идея не дала хороших результатов, собственность постепенно стали возвращать государству. И от такого регулирования отказались.

В наше время тоже возникают вопросы с определением тех, кому регулировать общественные отношения, в т. ч. и в сферах, связанных с публичной властью. Так, ранее избирательное законодательство определяло порядок включения беспартийных в списки политических партий при вы-

движении ими списков кандидатов в депутаты. Теперь же закон отдал эти процедуры в руки самих политических партий. В связи с использованием у нас процедур праймериз, т. е. предварительного отбора и одобрения тех, кого надо включать в избирательные списки кандидатов от политических партий, опять же, процедуры стали предметом общественного нормативно-правового регулирования.

Это означает, что в ходе изучения конституционного права студентам надо помочь разобраться, может ли использоваться негосударственное регулирование и могут ли стать общественные источники частью нормативной базы конституционного права.

Во-вторых, в том случае, когда зарождается наднациональный союз с участием Российской Федерации, имеются основания говорить о зарождении *наднационального уровня* конституционно-правового регулирования. Наглядный тому пример – образование и упрочение Союзного государства Беларуси и России. В документах этого Союза отражаются его основы, статус органов Союза, порядок их формирования, работы и полномочия, а также соотношение актов такого Союза и законодательства каждого из государств. Кроме того, документы Союза определяют права, свободы и обязанности граждан и в целом, и при нахождении на территории каждого из этих государств. Гармония регулирования предполагает признание каждой стороной таких актов, обеспечение действия и защиту интересов граждан.

В-третьих, в случае, если Россия стала стороной (участником) в международном договоре, обращённом к её компетенции, правам и свободам наших граждан, можно говорить о международном уровне регулирования конституционных отношений. Наиболее яркими примерами участия России в таких документах и их признания для нашей страны являются международные пакты о гражданских и политических правах граждан, об экономических, социальных и культурных правах.

Однако снова подчеркнём: речь идёт о вхождении нашего государства в круг тех стран, которые признали и ратифицировали подобные документы. Следовательно, по происхождению они имеют международные корни, но по содержанию регулирования уже становятся частью национального – конституционного – права.

Такого рода документы (обоих видов) можно было бы в более полной мере использовать при преподавании конституционного права, анализе конституционно-правовых отношений.

Однако имеются и специфические моменты, которые надо учитывать. Например, в рамках ООН разрабатываются документы в части права несовершеннолетних на участие в публичных, в т. ч. и протестных мероприятиях. Наблюдая, как проходят подобные акции в зарубежных странах, мы не видим участия в них подростков. Но нам пытаются навязать расширительное толкование «выхода детей на улицу» под знаком того, что несовершеннолетние идут якобы для поддержки тех, кто выступает против режима. И ещё: если им разрешено вместе со взрослыми участвовать в санкционированных акциях (например, «бессмертный полк»), тогда им надо дать и право на участие в санкционированном и даже несанкционированном мероприятии. В общем, под знаком внимания к правам несовершеннолетних нам навязывается «терпение» к любым акциям, даже если они опасны для жизни и здоровья людей. Как известно, Российская Федерация сделала решительные шаги по пути толкования международных документов для нашей страны как непротиворечащих нашей системе, общим подходам к регулированию общественных, особенно политических отношений.

Отсюда имеются основания говорить о том, что и международное, и наднациональное регулирование надлежит трансформировать в отечественное законодательство. Соответственно, при преподавании использование таких документов желательно, но с необходимыми комментариями педагогов.

Заключение

Как известно, преподавание организуется на основе плана учебной дисциплины и отводимых для неё часов. Задача педагога состоит в том, чтобы помочь студенту, слушателю освоить необходимый научно-учебный лексикон, нормативный материал, по возможности познать практику его применения. Преподаватель учитывает

уровень своей аудитории, доступность законодательства и учебной литературы. Но это не мешает нам делиться опытом, помогать друг другу. Будем надеяться, что наши советы и рекомендации поспособствуют высокому уровню преподавания конституционного права России.

Статья поступила в редакцию 19.09.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авакьян С. А. Модернизация публично-политических отношений и конституционное реформирование: проблемы и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9. С. 3–6.
2. Аристов Е. В. Социальное государство: зарубежный опыт конституционно-правового обеспечения: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2017. 47 с.
3. Бабурин С. Н. О корректировке Конституции Российской Федерации в 2020 году // Конституционный вестник. 2020. № 5 (23). С. 119–121.
4. Боброва Н. А. Особенности предмета конституционного права как метаотрасли // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 4. С. 3–9.
5. Гаджиев Г. А. О понимании и правопонимании в конституционном праве // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 6 (66). С. 46–60.
6. Киселев А. С. Формирование идеи электронного государства и особенности её реализации: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2018. 22 с.
7. Клишас А. А. Социальное государство. М.: Международные отношения, 2017. 272 с.
8. Кокотов А. Н. О предмете конституционно-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10 (95). С. 36–43.
9. Кондрашев А. А. О правовых и «неправовых законах»: критерии отграничения и российская правовая реальность // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 11. С. 3–8.
10. Конституционная концепция социального государства / под ред. Ю. И. Скуратова. М.: Изд-во РГСУ, 2018. 242 с.
11. Кравец И. А. Конституционное право как метаотрасль: роль конституции и основ конституционного строя в межотраслевой гармонизации // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11. С. 3–8.
12. Краснов М. А. Введение в конституционное право с разьяснением сложных вопросов: учеб. пособие. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 454 с.
13. Маркова Е. Н. Общественная и (или) публичная власть: проблема соотношения в контексте конституционной реформы 2020 г. // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 12. С. 24–29.
14. Некрасов С. И. Консерватизм и новации в конституционном праве (проблема меры и баланса) // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 12. С. 33–35.
15. Право цифровой среды / под ред. И. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовой. М.: ООО «Проспект», 2022. 896 с.
16. Романовская О. В. Конституция России и фронтолиз государственной власти // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 9. С. 22–25.
17. Таева Н. Е. Институционализация норм конституционного права в динамике предмета правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 3. С. 17–25.
18. Умнова-Конюхова И. А. Общие принципы права в конституционном праве и международном праве: актуальные вопросы теории и судебной практики. М.: РГУП, 2019. 256 с.
19. Ходусов А. А. Социальное государство: проблемы формирования и модернизации в соответствии с международными стандартами. М.: Университетская книга, 2019. 275 с.
20. Чеботарев Г. Н. Как укрепить единую систему публичной власти? // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 3. С. 19–23.
21. Чертков А. Н. Публичная власть: состав, единство и сущность взаимодействия // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 10. С. 19–23.
22. Шевердяев С. Н. Анализ обновлённой концепции публичной власти в России в различных исследовательских ракурсах // Законодательство. 2022. № 2. С. 18–26.

REFERENCES

1. Avakyan S. A. [Modernization of public-political relations and constitutional reform: problems and prospects]. In: *Konstitutsionnoye i munitsipalnoye pravo* [Constitutional and municipal law], 2019, no. 9, pp. 3–6.
2. Aristov E. V. *Sotsialnost gosudarstva: zarubezhnyy opyt konstitutsionno-pravovogo obespecheniya: avtoref. dis. ... dokt. yurid. nauk* [Sociality of the state: foreign experience of constitutional and legal support: abstract of Dr. Sci. thesis in Juridical sciences]. Moscow, 2017. 47 p.
3. Baburin S. N. [On the adjustment of the Constitution of the Russian Federation in 2020]. In: *Konstitutsionnyy vestnik* [Constitutional Bulletin], 2020, no. 5 (23), pp. 119–121.
4. Bobrova N. A. [Features of the subject of constitutional law as a meta-industry]. In: *Konstitutsionnoye i munitsipalnoye pravo* [Constitutional and municipal law], 2019, no. 4, pp. 3–9.
5. Gadzhiev G. A. [On understanding and legal understanding in constitutional law]. In: *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya* [Journal of constitutional justice], 2018, no. 6 (66), pp. 46–60.
6. Kiselev A. S. *Formirovaniye idei elektronnoy gosudarstva i osobennosti yeyo realizatsii: teoretiko-pravovoye issledovaniye: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Formation of the idea of an electronic state and features of its implementation: theoretical and legal research: abstract of Cand. Sci. thesis in Juridical sciences]. Belgorod, 2018. 22 p.
7. Kliskas A. A. *Sotsialnoye gosudarstvo* [Social state]. Moscow, Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 2017. 272 p.
8. Kokotov A. N. [On the subject of constitutional and legal regulation]. In: *Aktualnyye problemy rossiyskogo prava* [Actual problems of Russian law], 2018, no. 10 (95), pp. 36–43.
9. Kondrashev A. A. [On legal and «non-legal laws»: delimitation criteria and Russian legal reality]. In: *Konstitutsionnoye i munitsipalnoye pravo* [Constitutional and municipal law], 2019, no. 11, pp. 3–8.
10. Skuratova Yu. I., ed. *Konstitutsionnaya kontseptsiya sotsialnogo gosudarstva* [The constitutional concept of the welfare state]. Moscow, Izd-vo RGSU Publ., 2018. 242 p.
11. Kravets I. A. [Constitutional law as a meta-branch: the role of the constitution and the foundations of the constitutional system in inter-branch harmonization]. In: *Konstitutsionnoye i munitsipalnoye pravo* [Constitutional and municipal law], 2017, no. 11, pp. 3–8.
12. Krasnov M. A. *Vvedeniye v konstitutsionnoye pravo s razyasneniyem slozhnykh voprosov* [Introduction to the constitutional law with an explanation of complex issues]. Moscow, Izd. dom Vyshey shkoly ekonomiki Publ., 2018. 454 p.
13. Markova E. N. [Public and (or) public authority: the problem of correlation in the context of the constitutional reform of 2020]. In: *Konstitutsionnoye i munitsipalnoye pravo* [Constitutional and municipal law], 2021, no. 12, pp. 24–29.
14. Nekrasov S. I. [Conservatism and innovations in constitutional law (the problem of measure and balance)]. In: *Konstitutsionnoye i munitsipalnoye pravo* [Constitutional and municipal law], 2019, no. 12, pp. 33–35.
15. Podshivalova I. P., Titova E. V., Gromova E. A., eds. *Pravo tsifrovoy sredy* [The law of the digital environment]. Moscow, Prospekt Publ., 2022. 896 p.
16. Romanovskaya O. V. [The Constitution of Russia and the frontolysis of state power]. In: *Konstitutsionnoye i munitsipalnoye pravo* [Constitutional and municipal law], 2017, no. 9, pp. 22–25.
17. Taeva N. E. [Institutionalization of the norms of constitutional law in the dynamics of the subject of legal regulation]. In: *Aktualnyye problemy rossiyskogo prava* [Actual problems of Russian law], 2020, no. 3, pp. 17–25.
18. Umnova-Konyukhova I. A. *Obshchiye printsipy prava v konstitutsionnom prave i mezhdunarodnom prave: aktualnyye voprosy teorii i sudebnoy praktiki* [General principles of law in constitutional law and international law: topical issues of theory and judicial practice]. Moscow, RGUP Publ., 2019. 256 p.
19. Khodusov A. A. *Sotsialnoye gosudarstvo: problemy formirovaniya i modernizatsii v sootvetstviy s mezhdunarodnymi standartami* [Social state: problems of formation and modernization in accordance with international standards]. Moscow, Universitetskaya kniga Publ., 2019. 275 p.
20. Chebotarev G. N. [How can the unified system of public authority be strengthened?]. In: *Konstitutsionnoye i munitsipalnoye pravo* [Constitutional and municipal law], 2020, no. 3, pp. 19–23.
21. Chertkov A. N. [Public authority: composition, unity and essence of interaction]. In: *Konstitutsionnoye i munitsipalnoye pravo* [Constitutional and municipal law], 2020, no. 10, pp. 19–23.
22. Sheverdyayev S. N. [Analysis of the updated concept of public power in Russia in various research perspectives]. In: *Zakonodatelstvo* [Legislation], 2022, no. 2, pp. 18–26.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Авакьян Сурен Адиебекович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: avakian@law.msu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Suren A. Avakyan – Dr. Sci. (Law), Prof., Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Departmentally Head, Department of Constitutional and Municipal Law, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: avakian@law.msu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Авакьян С. А. О преподавании конституционного права России в современных реалиях: правовые, предметные и методологические (методические) аспекты // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 4. С. 7–23.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-7-23

FOR CITATION

Avakyan S. A. On Granting the Constitutional Law of Russia in Modern Realities: Legal, Subject and Methodological (Methodological) Aspects. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 4, pp. 7–23.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-7-23

УДК 34: 004

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-24-34

РОЛЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ В СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Арзамасов Ю. Г.¹, Певцова Е. А.²

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
109028, г. Москва, Покровский б-р, д. 112, Российская Федерация

²Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Раскрыть возможности цифровизации для систематизации юридической терминологии.

Процедура и методы. Используются как общие приёмы (методы анализа и синтеза, формулирования определений), так и частно-правовые методы (правовой статистики, правового прогнозирования, правового моделирования), которые позволили получить результаты исследования и ответить на вопрос о роли цифровизации в систематизации юридической терминологии.

Результаты. Предложено авторское понятие систематизации юридической терминологии, разработан план систематизации юридической терминологии при помощи цифровизации, основным этапом которого является подготовка и принятие федерального закона «О правовом тезаурусе Российской Федерации» в электронной форме.

Теоретическая и/или практическая значимость. Предложен новый вид правовой систематизации в форме правового тезауруса. С помощью ФЗ «О правовом тезаурусе Российской Федерации», размещённого на платформе блокчейна, можно будет решить не только проблему систематизации юридической терминологии, но и основные практические проблемы, связанные с поиском юридических терминов, их толкованием и применением.

Ключевые слова: цифровизация, электронные цифровые машины, цифровая трансформация государства, цифровая экономика, цифровое государство, юридическая терминология, систематизация, систематизация юридической терминологии, блокчейн

THE ROLE OF DIGITALIZATION IN THE SYSTEMATIZATION OF LEGAL TERMINOLOGY

Yu. Arzamasov¹, E. Pevtsova²

¹HSE University

Pokrovsky Bulvar 112, Moscow 109028, Russian Federation

²Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To reveal the possibilities of digitalization for the systematization of legal terminology.

Methodology. Both general techniques (methods of analysis and synthesis, formulation of definitions) and private legal methods (legal statistics, legal forecasting, legal modeling) were used, which made it possible to obtain research results and answer the question about the role of digitalization in the systematization of legal terminology.

Results. The author's concept of systematization of legal terminology is proposed. A plan has been developed to systematize legal terminology through digitalization, the main stage of which is the preparation and adoption of the Federal Law «On the Legal Thesaurus of the Russian Federation» in electronic form.

Research implications. A new type of legal systematization in the form of a legal thesaurus is proposed. With the help of the Federal Law «On the Legal Thesaurus of the Russian Federation», posted on the blockchain platform, it will be possible to solve not only the problem of systematization of legal terminology, but also the main practical problems associated with the search for legal terms, their interpretation and application.

Keywords: digitalization, electronic digital machines, digital transformation of the state, digital economy, digital state, legal terminology, systematization, systematization of legal terminology, blockchain

Из истории цифровой трансформации государства (вместо введения)

Идеи о цифровой трансформации государства появились не сегодня и не на Экономическом форуме в Давосе (2009), где председатель Всемирного экономического форума Клаус Шваб выступил с докладом о цифровизации общества, как считают отдельные современные аналитики¹. Несомненно, Давосский форум сыграл важную роль в осуществлении проектов цифровизации, которые стали реализовываться во многих странах мира, но это была далеко не первая площадка, на которой выдвигалась идея цифровой трансформации государства.

Историческим фактом является то, что первым вопросы цифровой модернизации государственного управления поднял ещё в середине 50-х гг. прошлого века наш соотечественник, боевой офицер, участник Великой Отечественной войны А. И. Китов, который в 1954 г. был назначен на должность руководителя Главного вычислительного центра Минобороны СССР. Здесь не лишним будет подчеркнуть, что на тот момент наша страна имела самую быструю в Европе вычислительную машину, соревноваться с ней могли только некоторые американские образцы.

Результатом деятельности А. И. Китова явилась, вышедшая в 1956 г. первая в этой области книга в СССР «Электронные цифровые машины», где автор показал фантастические, по тем временам, возможности использования ЭВМ в обороне страны, в государственном управлении, а также в

развитии экономики. В своём труде он писал о специализированных цифровых машинах «следующих назначений:

- машины для решения систем обыкновенных дифференциальных уравнений – цифровые дифференциальные анализаторы;
- машины для вычисления коэффициентов и функций корреляции – корреляторы;
- машины для решения систем линейных алгебраических уравнений;
- специализированные машины для решения задач теории вероятностей и уравнений в частных производных методом статистических испытаний (методом Монте-Карло)» [3].

Данный труд стал весьма полезным не только для математиков, но и для учёных других специальностей, с невероятной быстротой он становится бестселлером в науке, поскольку был востребован научной общественностью разных стран и переведён на 8 иностранных языков.

К сожалению, в те годы идеи А. И. Китова не нашли должной поддержки у некоторых членов ЦК КПСС, которым был представлен доклад. Более того, за этот доклад учёного исключили из партии, а затем сняли с должности.

Однако ни руководитель Главного вычислительного центра Минобороны СССР А. И. Китов, ни «отец информатики» А. Тьюринг, ни Дж. Маккарти², который ввёл в научный оборот понятие искусственного интеллекта (ИИ), ни автор термина «цифровая экономика» Н. Негропonte, ни К. Шваб, ни Г. Греф,

¹ См.: Алабужин И. Давосский форум стал фабрикой грёз // Ведомости: [сайт]. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/12/22/852048-davosskii-forum> (дата обращения: 07.11.2022).

² McCarthy J. What is artificial intelligence [Электронный ресурс]. URL: <http://www.formal.stanford.edu/jmc/whatisai/whatisai.html> (дата обращения: 04.11.2022).

активно продвигающий идеи цифровой трансформации, практически ни одна страна в мире не подошла к проекту, связанному с цифровизацией юридической терминологии, и это несмотря на то, что многие страны с достаточно развитой цифровой экономикой уже имеют определённую базу для этого решения в форме различных справочно-правовых систем. Так, например, в Бельгии ещё в 1967 г. совместными усилиями Бельгийского союза адвокатов и нотариусов с юридическими факультетами университетов была запущена так называемая электронная карта-тека поиска правовой информации при помощи компьютера. Настало время, когда именно наша страна должна выступить лидером в создании профессиональной системы цифровизации юридической терминологии.

Современное состояние построения цифрового государства

Отечественные исследователи, представляющие различные научные направления и школы, постоянно поднимали вопрос построения цифрового государства, которое является характерным для так называемого шестого технологического уклада, ядром которого, как отмечает в коллективной монографии М. В. Залоило, «должны стать информационные технологии, а заключительной стадией общественного развития в его рамках является информационное общество» [4, с. 126].

С этим мнением следует согласиться, поскольку переход к цифровому государству, а затем к цифровому обществу в нашей стране, как и в странах ЕС, осуществляется через реализацию программ, связанных с цифровой экономикой.

В 2017 г. в России по рекомендации «Деловой двадцатки» и Всемирного банка распоряжением Правительства Российской Федерации № 1632 была принята госпрограмма под названием «Цифровая экономика». Данный программный документ был довольно объёмным, поскольку в нём закреплялись

цели, задачи, направления, а также, что немаловажно, сроки реализации основных мер государственной политики по созданию необходимых условий для развития в стране цифровой экономики. При этом значительная часть госпрограммы была посвящена вопросам привлечения международных инвестиций и развитию цифрового бизнеса.

Проведённый анализ данного документа показал, что к основным «сквозным цифровыми технологиями», входящим в рамки данной программы, были отнесены следующие:

- «большие данные»;
- нейротехнологии и искусственный интеллект;
- системы распределённого реестра;
- квантовые технологии;
- новые производственные технологии;
- промышленный интернет;
- компоненты робототехники и сенсорики;
- технологии беспроводной связи;
- технологии виртуальной и дополненной реальности»¹.

На первый взгляд может показаться, что в этой программе тоже нельзя было найти места для цифровой систематизации не только юридических терминов, но и нормативных правовых актов вообще.

Но это не так, поскольку такие технологии из приведённого перечня, как обработка «больших данных» и «системы распределённого реестра», которые создаются и работают на основе системы блокчейна, вполне могли бы стать основой для цифровой систематизации как юридических терминов, так и всего блока различных по субъектам принятия нормативных правовых актов.

Между тем этого не случилось, поскольку Правительство отменило данную программу. Произошло это по объективной причине, т. к. был принят Указ Президента Российской Федерации 2018 г. о национальных программах. В этой связи Правительство и федеральные министер-

¹ Собрание законодательства РФ. 2017. № 32. Ст. 5138.

ства основные государственные проекты стали разрабатывать фактически по новой.

На сегодняшний день в современной России в рамках государственной программы «Информационное общество» осуществляется мощный федеральный проект «Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Данный проект направлен прежде всего на реализацию национальной цели «Цифровая трансформация», закреплённой в Указе «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»¹.

Однако нам, как исследователям современного социума, так и рядовым гражданам, следует ещё преодолеть «цифровую эйфорию», связанную с идеализацией применения цифровых технологий и систем искусственного интеллекта (ИИ). В этой связи следует согласиться с мнением авторов доклада «Цифровое будущее государственного управления по результатам», которые отмечают, что «цифровая трансформация подразумевает, что некоторые функции, исполняемые сегодня вручную государственными служащими, будут переведены в автоматический режим и не потребуют вмешательства человека. Большинство государственных услуг (в той мере, в какой они останутся, не будут замещены общественными благами) будут предоставляться в электронном виде и не подразумевать личного взаимодействия с органами власти на каком-либо этапе. Все стадии управленческого цикла будут обеспечены актуальной и достоверной информацией, необходимой для принятия управленческих решений, ориентированных на конечные общественно значимые результаты, а сами эти решения будут моделироваться и приниматься с использованием современных, в т. ч. прорывных, цифровых технологий» [7, с. 105].

Согласно версии международного индекса сетевой готовности, пред-

ставленной в докладе «Глобальные информационные технологии» за 2016 г., Российская Федерация занимала тогда 41-е место по готовности к цифровой экономике, т. е. она серьёзно отставала от 10 лидирующих стран, в которую входили Сингапур, Финляндия, Швеция, Норвегия, США, Нидерланды, Швейцария, Великобритания, Люксембург и Япония.

В настоящее время ситуация значительно изменилась. Россия по рейтингу электронных правительств, который составил известный японский Университет WASEDA, сейчас занимает 26 место. При этом лидером в этом рейтинге стала Дания, которая даже не входила в указанную десятку рейтинга, за ней идут Сингапур и Великобритания, а США находятся сейчас на четвёртой позиции.

Итак, между экономически развитыми странами сегодня наблюдается соревнование цифровых технологий. В этой связи председатель правления Сбербанка России Г. Греф подчеркнул, что «в ближайшие 10 лет нас ожидает конкуренция между странами за овладение полным технологическим стеком, которым сейчас обладает лишь одна страна – Китай. И у России есть шанс сохранить свою технологическую независимость в цифровом мире, потому что мы – одна из 3-х стран, у которой есть свои поисковики, социальные сети и картографические бизнесы»².

Эксперты считают, что цифровому государству предшествует электронное государство, которое характеризуется возможностью электронного общения государственных и муниципальных органов, как между собой, так и с различными институтами гражданского общества, предоставлением государственных услуг населению, привлечением бизнеса и граждан в реализации государственных проектов, что в последнее время получило название «краудсорсинг».

¹ Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.

² Греф считает, что ускорение цифровой трансформации станет важным постпандемическим трендом. 3 июня 2021 // ТАСС: [сайт] [03.06.2021]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/11558691> (дата обращения: 07.11.2022).

В противовес электронному цифровое государство связано не только с предоставлением электронных услуг населению, но и со следующими направлениями деятельности:

- заменой в государственных организациях, учреждениях и госкорпорациях бумажного документооборота электронным;
- разработкой моделей цифровизации всех областей хозяйствования и планомерным их внедрением;
- цифровой обработкой больших данных во всех органах публичной власти и сферах хозяйствования;
- оцифровкой всех правовых актов;
- систематизацией, обработкой, распределением, хранением и обменом важной и текущей правовой информации с помощью платформ блокчейна;
- внедрением во многие сферы деятельности органов публичной власти, в т. ч. и при принятии управленческих решений, различных систем искусственного интеллекта (ИИ).

Систематизация: понятие, виды

Важную роль в изучении проблемы играет современное понимание систематизации нормативных правовых актов. В научной литературе по данному вопросу написано немало трудов. Так, всем хорошо известно хрестоматийное определение систематизации, выраженное А. С. Пиголкиным, согласно которому систематизация законодательства представляет собой постоянную форму развития и упорядочивания действующей правовой системы [5, с. 30]. Никто не спорит с тем, что в условиях развития цифровых отношений именно систематизация необходима для эффективного развития законодательства. В процессе анализа и обработки нормативных актов осуществляется своего рода группировка предписаний по определённой схеме, что представляется важным для правотворческой деятельности. Ликвидируются пробелы, коллизии и устаревшие предписания.

Более того, традиционная теория права доказала, что правовая система России изначально никогда не представляла собой совокупности разрозненных актов, это всегда была выстроенная система кодификационного процесса, позволяющего упорядочить издаваемые нормы права. При этом большое внимание было уделено инкорпорации (созданию свода законов), роль которой в условиях развития искусственного интеллекта и цифры явно уходит на задний план, уступая первенство кодификационным процессам.

Однако первая четверть текущего столетия была озаменована попытками учёных найти законченное технологическое воплощение позиции об использовании систематизации для развития российского права. Учёными ВШЭ ещё 12 лет назад была предпринята попытка по-новому взглянуть на роль систематизации в современной жизни, позволяющая с наименьшими потерями эффективно развивать законодательство, обеспечивая его системность [2]. В частности, предложена правовая конструкция «моделирования правового поля» как комплексного способа систематизации.

Ведущими видами систематизации выступают *учёт, инкорпорация, консолидация, кодификация*.

В первом случае может также применяться электронная автоматизированная система, которая позволяет упорядочить необходимые документы по запросу пользователя. В прошлом подобные функции выполнял картотечный или журнальный учёт в бумажном исполнении. При составлении картотек фиксировали все необходимые реквизиты документов, наименования актов, органа, его принявшего со всеми изменениями и дополнениями, которые располагались в алфавитно-предметном или системно-предметном порядке.

Второй вид систематизации – *инкорпорация* – выражался в издании сборников, собраний нормативных правовых актов. Это было особенно удобно для тех субъектов, кто непосредственно работал с текстами актов, должен был отслеживать из-

менения, дополнения тех или иных норм. При этом осуществлялась так называемая внешняя обработка нормативных правовых актов, которая никак не влияла на его нормативное содержание. Инкорпорация могла быть официальной, полуофициальной (без официально выраженного подтверждения правотворческим органом) и неофициальной. Официальная инкорпорация всегда осуществлялась правотворческим органом или тем, кому были делегированы полномочия. При разрешении юридических споров всегда служила источником правомерного поведения субъектов права. Научные учреждения, коллективы авторов так или иначе обобщали и готовили сборники актов по тем или иным направлениям правового регулирования, которые и представляли собой неофициальную инкорпорацию.

Консолидация представляет собой объединение нормативных актов в определённый акт. Примером такого вида систематизации служит Свод законов Российской империи. При консолидации объединённые акты утрачивают силу, а вместо них действует вновь созданный акт. Консолидации могут осуществлять только правотворческие органы в отношении тех актов, которые ими приняты. В этой связи консолидацию чаще рассматривают как правотворческий метод.

И, наконец, принципиально важным видом систематизации выступает *кодификация*. Именно кодификационный процесс позволяет переработать, отменить устаревшие нормы, устранить возникающие противоречия и в результате создать единый документ – кодекс. Кодификация может осуществляться в значительной части законодательства, тогда её называют всеобщей. В другом случае возникает переработка определённой сферы законодательства или отрасли права (например, семейной). В практике также встречается специальная кодификация. Это происходит в том случае, когда перерабатываются нормы определённого правового института.

Происхождение и проблемы юридических терминов

Противоречия (коллизии) между юридическими терминами, содержащимися в одном нормативном правовом акте, либо в нескольких, обусловлены как субъективными детерминантами, прежде всего, невнимательностью, небрежностью разработчиков норм права, авральностью в работе, что приводит к поспешным небрежным внесениям в нормативные правовые акты изменений и дополнений, либо просто низкой квалификацией специалистов, готовящих проекты, либо внесением в нормативные правовые акты изменений или дополнений без надлежаще проведённой экспертизы. Причём в данном случае речь идёт не просто о традиционных видах экспертизы, какими являются общеправовая и лингвистическая экспертизы, а о таких видах, как научная и терминологическая экспертизы различных нормативных правовых актов.

Наличие коллизий и других терминологических дефектов (неправильное использование в тексте закона синонимичных слов, неполнота понятий, отсутствие важных признаков, использование многозначных слов, историзмов и жаргонизмов, злоупотребление в использовании иностранных слов) обусловлены также и объективными факторами. Среди них можно назвать также пути образования юридических терминов, которые создаются не только в процессе деятельности учёных, что является характерным для стран, входящих в романо-германскую правовую семью, но и в процессе «терминологизации» и «транстерминологизации». При этом «терминологизация» по отношению к праву является использованием общеупотребительных слов в юридическом языке и приданием им особого правового смысла. По отношению к праву транстерминологизацией является использование специальных неюридических терминов, изначально принадлежавших к другим областям знания, в юридическом языке и придание им особого, правового смысла» [6, с. 87].

В последнее время широкое распространение получило признание и легальное закрепление федеральным законодателем как терминов международного законодательства, так и тех терминов, которые были приняты региональными законодателями. Причём такие пути формирования юридической терминологии хотя и поддерживают многие учёные, поскольку в этом случае «юридическая терминология пополняется напрямую, без посредничества изначально неюридических слов», но и они приводят к коллизиям (различные точки зрения по идеологическим, политическим и другим мотивам).

Здесь актуализируется вопрос: что же делать?

Особое значение для упорядочивания законодательства имеет систематизация, о чём уже было сказано выше.

Когда мы говорим о систематизации юридической терминологии, понимаем под ней *упорядочение в одной правовой действующих в законодательстве терминов, используемых при создании различных по юридической силе, отраслевой типизации и субъектной направленности нормативных правовых актов*. Иными словами, речь идёт о применении единых (унифицированных) юридических терминов всеми субъектами правовых отношений.

В современных условиях цифровизации, с внедрением цифровых технологий хранения, обработки, а теперь и подготовки нормативных правовых актов, актуализируется проблема унификации юридической терминологии.

Оппоненты здесь сразу могут возразить, отмечая, что данная проблема уже решается посредством применения так называемой американской юридической конструкции создания нормативных правовых актов, где в начале документов находятся так называемые статьи-словники, закрепляющие нормы-дефиниции.

Однако данный вопрос до сих пор является дискуссионным, поскольку конструкции нормативных правовых актов, закрепляющие в начале акта нормы-дефиниции, раскрывающие понятия того

или иного юридического термина, удобны только специалистам. Примером является № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹. Рядовым гражданам, наоборот, нужно тратить лишнее время на то, чтобы досконально изучить терминологию, которая необходима им для понимания норм закона, что вызывает определённые неудобства.

Дорожная карта систематизации юридической терминологии

С недавнего времени для подготовки и проведения масштабных проектов специалисты в области государственного управления стали использовать понятие «дорожная карта», под которой следует понимать некий алгоритм действий, план реализации важных государственных задач (федеральных, региональных и т. д.).

Считаем, что данный подход достоин апробации и подходит для систематизации (унификации) юридической терминологии.

Заявленная тема статьи претендует как минимум на полноценное монографическое исследование. В этой связи мы выдвигаем гипотезу о необходимости создания такой «дорожной карты», т. е. плана систематизации юридической терминологии при помощи цифровизации.

Необходимо отметить, что начинать такой крупномасштабный проект следует с наблюдения за сложившейся ситуацией, потом провести полноценный её анализ, мониторинг общественных отношений, связанных со систематизацией, а также терминов, которые должны быть унифицированы.

Таким образом, необходим полноценный правовой мониторинг ситуации [1]. Причём определённой составляющей его должны быть не только правовая и лингвистическая экспертизы, но и «терминологическая экспертиза», о которой, к сожалению,

¹ Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 40. Ст. 3822.

нию, помимо В. Ю. Туранина и Л. Ф. Апт, практически никто не писал. Как подчеркнул в своей докторской диссертации В. Ю. Туранин, в «рамках как лингвистических, так и правовых экспертиз законопроектов должен проводиться детальный анализ юридической терминологии.

Теоретико-прикладная модель экспертизы юридической терминологии законопроекта включает:

- цели и задачи проведения экспертизы;
- специальные требования к экспертам;
- комплекс вопросов для исследования

юридической терминологии экспертами-юристами и экспертами-лингвистами» [6, с. 21].

Особое значение также имеет научная экспертиза. Региональные законодатели, а также Государственная Дума уже сделали правильный шаг в этом важном направлении. Научная экспертиза законопроектов предусмотрена п. 1 ст. 112 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации¹.

На сегодняшний день как в России, так и за рубежом уже существуют различные компьютерные программы, позволяющие находить в законодательстве однообразные термины.

Данные проведения правового мониторинга следует закреплять в определённой электронной базе данных – «досье закона». Такая идея родилась практически в одно время в палатах Федерального Собрания РФ в начале XXI в., причём сейчас определённые подвижки в создании такой базы уже видны. Так, на сайте Государственной Думы публикуются проекты федеральных законов, сопроводительные документы к ним (аналитические записки, полученные заключения по ним от Правительства, федеральных министерств и т. д.), но важно отметить, что в этой базе отсутствуют научные работы по вопросам предполагаемого регулирования, нет данных ретроспективного мониторинга и оценки его

¹ Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации // Государственная Дума: [сайт]. URL: <http://duma.gov.ru/duma/about/regulations/> (дата обращения: 07.11.2022).

фактического воздействия (ОФВ), нет анализа юридических проблем, юридических терминов, т. е. нет необходимых научных прогнозов, связанных с применением того или иного термина. Как известно, без хорошей теории нет и добротной, правильной, основанной на законодательных предписаниях (запретах и дозволениях), юридической практики.

Правовой тезаурус должен быть не просто словарём юридических терминов, но и указателем, где впервые этот термин употреблялся, в каком нормативном документе, в каких актах он был использован. В этом проявляются не просто системность, компактность законодательства, но и рациональность в регуляции отношений в обществе.

Причём определённый опыт взаимодействия государственных органов в России по средствам цифровых технологий уже имеется. Так, в п. 2 Постановления Правительства РФ № 890 «О мерах по совершенствованию электронного документооборота в органах государственной власти» говорилось, что до 31 декабря 2016 г. необходимо установить «переход на обмен электронными документами при взаимодействии федеральных органов исполнительной власти между собой и с Правительством Российской Федерации»².

В 2013 г. Государственная Дума выпустила электронное издание словаря терминов, используемых в законодательстве РФ, в которое были включены 5276 терминов и их легальных определений³. В словаре было указано, где, в каких нормативных правовых актах впервые был применён тот или иной юридический термин. Однако данный словарь носит полуофициальный, можно сказать, официальный характер, поскольку используется, как правило, для внутреннего пользования сотрудниками Аппарата Государственной Думы.

² Постановления Правительства РФ от 6.09.2012 № 890 «О мерах по совершенствованию электронного документооборота в органах государственной власти» // СЗ РФ. 2012. № 38. Ст. 5102.

³ Словарь терминов, используемых в законодательстве Российской Федерации. М.: Издание Государственной Думы, 2014. 238 с.

Поскольку в российском законодательстве, по экспертным оценкам сотрудников Аппарата Государственной Думы, содержатся не сотни, а более 15 тыс. легальных терминов, актуализируется проблема систематизации юридической терминологии. При этом для удобного получения, хранения, а также внесения изменений в реестр необходимой информации следует подготовить тезаурус юридических терминов, который должен быть не просто закреплён в электронном виде (форме), но и быть размещён в свободном доступе, т. е. для всех лиц, как это сделано, например, во Франции.

Телеологическое значение такой формы документооборота заключается в том, чтобы любой гражданин, независимо от социального положения, которое он занимает, а не только государственный служащий имел свободный доступ к официальной базе данных, чтобы при подготовке проекта нормативного правового акта, правоприменительного приказа, гражданско-правового договора, заявления, жалобы и т. п. можно было посмотреть значение необходимых юридических терминов и грамотно их применить. Аналогичные нормы уже внесены в ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹, в частности федеральным законом № 263-ФЗ была введена ст. 11.1. «Обмен информацией в форме электронных документов при осуществлении полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления», в которой отмечалось, что государственные и муниципальные органы обязаны «предоставлять по выбору граждан (физических лиц) и организаций информацию в форме электронных документов, подписанных усиленной квалифицированной электронной подписью»².

¹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

² Федеральный закон от 13.07.2015 № 263-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части отмены ограничений на использование электронных до-

кументов при взаимодействии физических и юридических лиц с органами государственной власти и органами местного самоуправления» // СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4389.

И самое важное: электронная база юридических терминов должна иметь статус именно федерального закона, не ниже, т. е. федерального закона в форме электронного нормативного правового акта. Эпоха бумажных носителей уже заканчивается. Как отмечает профессор В. Б. Исаков, «со всей очевидностью приближается следующий принципиальный рубеж <...> эпохи, состоящий в том, что электронная форма официального опубликования правовых актов из подчинённой станет основной, а бумажная – вторичной, вспомогательной»³. Профессор также подчёркивает, что «всё более очевидно, что “традиционным” нормативным правовым актам присущи недостатки, мешающие их обработке и хранению в электронных информационных системах, препятствующие эффективному поиску и использованию этих документов пользователями»⁴.

С этим высказыванием следует согласиться, поскольку в бумажной форме издание тезауруса не выгодно по многим причинам, в него будут часто вноситься изменения и дополнения, поэтому типографии будут постоянно не успевать печатать новые тиражи. Если у тезауруса будет статус федерального закона, т. е. акта, обладающего высшей юридической силой, закрепляющего «первичные» нормативные предписания, то с этой базой данных будут все считаться и применять в своей профессиональной юридической и управленческой деятельности. Понятия, содержащиеся в тезаурусе, приобретут легальный характер, их использование будет обязательным.

Помимо этого тезаурус, как и все регистры и реестры нормативных правовых актов, должен входить в одну большую систему блокчейна, в которой для всех федеральных конституционных и федеральных законов должно быть сформировано и оцифровано «досье закона».

кументов при взаимодействии физических и юридических лиц с органами государственной власти и органами местного самоуправления» // СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4389.

³ Нормография: теория и технология нормотворчества: учеб. для вузов / под ред. Ю. Г. Арзамасова. М.: Юрайт, 2020. С. 93.

⁴ Там же. С. 94.

Но здесь возникает другая, не менее важная, проблема – это защита информации. Известно, что хакерские атаки могут нанести серьёзный вред системе хранения информации. Однако в современном блокчейне на этот счёт присутствуют определённые средства защиты, поэтому риски хранения информации на блокчейне сводятся к минимуму, поскольку в системе «формируется «блок», который включается в систему распределённого хранения данных и фиксируется на множестве компьютеров.

Заключение

Как показывают проведённое исследование и юридическая практика, в современной ситуации цифровизации права теоретические и эмпирические взгляды направлены в сторону таких современных технологий, как блокчейн. Сейчас появляется масса предложений и уже готовых проектов о переводе тех или иных ресурсов (финансовых, экономических и др.) на платформы блокчейна. В этой связи одним из важных современных государственных проектов, способствующих этому, является цифровизация.

С помощью технологий блокчейна можно решить проблему не только систематизации юридических терминов, но и всего

отечественного законодательства, а также иные практические проблемы.

Систематизация юридических терминов посредством принятия ФЗ «О правовом тезаурусе Российской Федерации» не вписывается ни в один из известных в теории права видов систематизации. Между тем в данном виде систематизации присутствуют признаки и электронного учёта нормативных документов, позволяющие хранить, обновлять, находить и применять необходимые юридические термины, признаки инкорпорации как электронного свода терминологии, а также признаки консолидации, т. к. в одном нормативном правовом акте объединяются все юридические термины, действующие в современной России, в её сложной правовой системе.

Таким образом, в данной терминологической систематизации мы находим как признаки всех известных видов систематизации, так и её характерные особенности. В этой связи можно сделать вывод о необходимости детального исследования данного вида систематизации в целях раскрытия её правовой природы и повышения эффективности правоприменения.

Статья поступила в редакцию 29.08.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арзамасов Ю. Г., Наконечный Я. Е. Концепция мониторинга нормативных правовых актов. М.: Юрлитинформ, 2011. 201 с.
2. Гетьман-Павлова И. В., Ерпылева Н. Ю., Салыгин Е. Н. и др. Систематизация законодательства как способ его развития. М.: Высшей школы экономики, 2010. 535 с.
3. Китов А. И., Криницкий Н. А., Комолов П. Н. Элементы программирования. М., 1956. 287 с.
4. Пашенцев Д. А., Залоило М. В., Дорская А. А. Смена технологических укладов и правовое развитие России. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. 184 с.
5. Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. А. С. Пиголкина. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 380 с.
6. Туранин В. Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве (теоретико-правовое исследование): дис. ... докт. юрид. наук. Белгород, 2017. 437 с.
7. Цифровое будущее государственного управления по результатам / Е. И. Добролюбова, В. Н. Южаков, А. А. Ефремов, Е. Н. Клочкова, Э. В. Талапина, Я. Ю. Старцев. М.: Дело, 2019. 113 с.

REFERENCES

1. Arzamasov Yu. G., Nakonechny Ya. E. *Kontseptsiya monitoringa normativnykh pravovykh aktov* [The concept of monitoring normative legal acts]. Moscow, YurLitinform Publ., 2011. 201 p.
2. Getman-Pavlova I. V., Erpyleva N. Yu., Salygin E. N., et al. *Sistematizatsiya zakonodatelstva kak sposob razvitiya yego* [Systematization of legislation as a way to develop it]. Moscow, Vysshey shkoly ekonomiki Publ., 2010. 535 p.

3. Kitov A. I., Krinitsky N. A., Komolov P. N. *Elementy programmirovaniya* [Elements of Programming]. Moscow, 1956. 287 p.
4. Pashentsev D. A., Zaloilo M. V., Dorskaya A. A. *Smena tekhnologicheskikh ukладov i pravovoye razvitiye Rossii* [Change of technological structures and legal development of Russia]. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2021. 184 p.
5. Pigolkin A. S., ed. *Sistematizatsiya zakonodatel'stva v Rossiyskoy Federatsii* [Systematization of legislation in the Russian Federation]. St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press, 2003. 380 p.
6. Turanin V. Yu. *Yuridicheskaya terminologiya v sovremennom rossiyskom zakonodatel'stve (teoretiko-pravovoye issledovaniye): dis. ... dokt. jurid. nauk* [Legal terminology in modern Russian legislation (theoretical and legal research): Dr. Sci. thesis in Law]. Belgorod, 2017. 437 p.
7. Dobrolyubova E. I., Yuzhakov V. N., Efremov A. A., Klochkova E. N., Talapina E. V., Startsev Ya. Yu. *Tsifrovoye budushcheye gosudarstvennogo upravleniya po rezul'tatam* [Digital future of public administration based on results]. Moscow, Delo Publ., 2019. 113 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Арзамасов Юрий Геннадьевич – доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента теории права и сравнительного правоведения факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;
e-mail: uarzamasov@hse.ru

Певцова Елена Александровна – доктор юридических наук, доктор педагогических наук, профессор, ректор Московского государственного областного университета;
e-mail: mo_mgou@mosreg.ru

INFORMATION ABOUT THE AVTHOURS

Yury. G. Arzamasov – Dr. Sci. (Law), Prof., Department of Theory of Law and Comparative Law, National Research University «Higher School of Economics»;
e-mail: uarzamasov@hse.ru

Elena A. Pevtsova – Dr. Sci. (Law), Dr. Sci. (Education), Prof., Rector, Moscow Region State University;
e-mail: mo_mgou@mosreg.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Арзамасов Ю. Г., Певцова Е. А. Роль цифровизации в систематизации юридической терминологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 4. С. 24–34.

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-24-34

FOR CITATION

Arzamasov Yu. G., Pevtsova E. A. The Role of Digitalization in the Systematization of Legal Terminology. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2022, no. 4, pp. 24–34.

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-24-34

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 94(430) «1919/1921»: [329.058:34]
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-35-44

ПОЛЕМИКА ПРАВЯЩИХ ПАРТИЙ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПО ПРАВОВЫМ ПРОБЛЕМАМ В 1919–1921 ГГ.

Борботько П. В., Шматков И. И.

*Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
210009, г. Витебск, пр-т. Московский, д. 33, Республика Беларусь*

Аннотация

Цель. Дать анализ полемики правящих партий Веймарской республики по правовым проблемам в 1919–1921 гг.

Процедура и методы. Ключевым исследовательским методом стал контент-анализ.

Результаты. Показаны точки зрения правящих партий по актуальным вопросам конституционного, уголовного и международного права.

Теоретическая и/или практическая значимость. Раскрыты правовые подходы политических общественных организаций к построению правового государства.

Ключевые слова: Веймарская республика, конференция, Национальное собрание, съезд

DISCUSSION OF THE RULING PARTIES OF THE WEIMAR REPUBLIC ON THE LEGAL PROBLEMS IN 1919–1921

P. Borbotko, I. Shmatkov

*Vitebsk State University
Moscovskiy prospect 33, Vitebsk 210009, Republic of Belarus*

Abstract

Aim. To evaluate the political and legal attitudes of prominent representatives of the ruling parties of Weimar Germany in their political and legislative activities.

Methodology. Content analysis was a key research method.

Results. The key points of view on topical issues of constitutional, criminal and international law are revealed.

Research implications. The study reveals the legal approaches of political public organizations to building a rule of law state.

Keywords: Weimar Republic, conference, National Assembly, congress.

Введение

Ноябрьская революция в Германии (1918 г.) привела к созданию коалиционного правительства Веймарской республики [3, с. 43–47]. Объединялись умеренные левые и политические организации центра.

Партии оказались в известной степени не готовы к тому объёму работ, который лёг на их плечи. В первую очередь необходимо было решать вопросы международных отношений (проигрыш в Первой мировой войне), сохранения территориальной целостности и суверенитета государства. Во вторую – создание нового субъекта международных отношений (Веймарской республики) и её международного признания. Одновременно с этими проблемами появились вопросы реформирования уголовного и гражданского законодательства, трудовых отношений, правил ведения бизнеса и деятельности корпораций и т. д.

Вместе с тем не только каждая из партий (участниц коалиционного правительства) не во всём была согласна со своими союзниками по коалиции, но и внутри неё были значительные расхождения во взглядах на дальнейшее развитие немецкого государства и права [12, с. 127].

Обсуждение правовых проблем Веймарской Германии на партийных съездах и конференциях в Национальном собрании представителями правящих партий

Поскольку программные документы СДПГ (Социал-демократическая партия Германии), НДП (Немецкая демократическая партия) и Партии Центра (Центр) не вполне соответствовали новым целям и задачам правящих партий, то большую роль для разработки их дальнейшей стратегии и тактики деятельности в органах власти играли полемическая партийная литература [20, с. 228], дискуссии на периодически проводившихся съездах и конференциях [4, с. 3–12].

СДПГ провела 10–15 июня 1919 г. свой съезд в Веймаре. Место было выбрано не случайно – здесь работало Национальное

собрание. Таким образом, члены организации могли получить самые «свежие» новости из зала заседаний. Кроме этого, лидеры немецкой социал-демократии могли участвовать в данном форуме и одновременно продолжать исполнять свои депутатские и министерские функции. Сразу же после окончания съезда была проведена конференция женских фракций СДПГ.

Веймарский съезд был первым крупным совещанием социал-демократов после окончания Ноябрьской революции 1918 г. Перед ним стояли важнейшие вопросы: утверждение партийного руководства, выработка общего отношения партии к самым важным вопросам внутренней и внешней политики Германии – заключение мира со странами Антанты, реформирование налогового законодательства, принятие конституции и т. д. [13, с. 344].

В качестве программного заявления лидеров СДПГ указывалась мысль о создании основы государства на идеях и традициях «чистой» демократии. Заявлялось, что только она может быть базовой основой и предпосылкой построения в стране социализма. Лидеры партии заявили о «третьем пути развития» – среднем между политико-правовыми доктринами правых и левых идеологий. На съезде Г. Мюллер и О. Вельс были избраны председателями партии.

К августу 1919 г. лидеры СДПГ хорошо осознавали необходимость реформирования партийной программы. Документ 1891 г. к этому времени уже устарел. Как отмечали Г. Граднауэр и Э. Бернштейн, большинство из требований Эрфуртского манифеста были выполнены и претворены в жизнь в период с ноября 1918 г. по август 1919 г. Поэтому до сентября 1921 г. внутри организации проходила острая борьба по вопросу об основных формулировках и структуре нового руководящего партийного документа, его требованиях в области права и правовой культуры.

Правые лидеры партии, Э. Бернштейн, А. Браун, Г. Граднауэр, К. Форлендер и др., в своих выступлениях настаивали на том, что программные положения и сама

позиция СДПГ должны носить конкретный характер. Ими критиковались «спекулятивная» манера высказываний левых, например, А. Пфюльф и Г. Мюллера, по всем основным проблемам конституционного устройства Германии, а также позиция Всегерманского союза профсоюзов (ADGB) по вопросам социализации экономики и права. Общим во взглядах обоих направлений правовой мысли внутри партии было только отношение к вопросам о правах женщин, всеобщего вооружения народа и некоторым проблемам международного права.

Наиболее сложными и противоречивыми были позиции по проблемам конституции, демократии и политических прав граждан, парламентаризма и политической системы советов, взаимоотношений между профсоюзами и советами рабочих и служащих, социализации производства и торговли, финансовой и налоговой политики, правосудия, отдельным отраслям права и т. д. Вызвано это было тем, что данный круг проблем остро дискутировался между Социал-демократической партией Германии и отколовшейся от неё Независимой социал-демократической партией. В то время как лидеры СДПГ стояли на позициях, более или менее близких к установкам правящей коалиции, большинство рядовых членов организации, относящихся к её левому крылу, высказывалось за учёт мнения НСДПГ. К тому же в рядах партии никогда не исчезала идея объединения двух расходящихся во взглядах фракций.

В среде социал-демократии вызвали единство мнений вопросы о принятии Версальского договора как международного правового акта, определяющего правовое положение Германии в мире и влияющего на направление развития её конституционного (государственно-го) законодательства.

Депутат Рейхстага социал-демократ П. Лёбе отмечал в своих речах, что в случае принятия мирного договора нужно быть готовыми выполнять все его условия. При этом он указывал, что эти условия нахо-

дятся на грани возможностей страны. Она, по его мнению, не имеет ни правовых, ни материальных ресурсов, чтобы выполнить их полностью. Однако виной создавшегося положения он провозглашал итог окончившейся войны. Следуя тактической линии своей партии, он указывал, что реформирование законодательства в стране будет продолжаться и в случае присоединения к действующим международным договорам. По его мнению, они принесли пользу, освободив Германию от «пруссачества» и гегемонии Пруссии. В дальнейшем страна должна показать всему миру свой опыт развития правового государства, реформирования рабочего законодательства и превратиться в великую страну.

Лёбе отмечал, что нынешние нормы международного права довольно узки. По его мнению, капиталисты и империалисты всего мира стараются не допустить в своих странах демократизации рабочего законодательства. В этом случае немецкая республика становится для них образцом и должна возглавить комиссии, разрабатывающие соответствующие правовые нормы, в Лиге Наций.

Именно такое отношение к вопросам международного права вызвало раскол правительства во время подписания мирного договора и определило основные позиции партий при заключении иных международных договоров и реформировании законодательства Веймарской республики в 1919–1923 гг.

Партия Центра, также как и СДПГ, переживала в конце 1918 – середине 1920 гг. серьёзные расхождения во взглядах между различными группами. В это время в ней выделяются две основные политические группы. Одна из которых тяготеет к Кёльну, а вторая – к Берлину. В середине ноября 1918 г., как известно, эти две наиболее влиятельные политические группировки в организации – кёльнская и берлинская – разработали два проекта «Основных принципов» деятельности в создавшихся условиях». В конце месяца на их основе был составлен общий проект.

Их предвыборные программы были переработаны 20 декабря 1918 г. Государственным генеральным секретариатом и опубликованы в Кёльнской народной газете. Разногласия между ними были столь серьёзными, что некоторые исследователи, например, О. Г. Субботин [16], склонны отмечать, что фактически данные программные документы больше походили на документы двух различных партий [18, с. 221].

30 декабря прошло специальное заседание партии во Франкфурте-на-Майне. Национальное руководство Центра под председательством М. Эрцбергера (статс-секретарь) приняло окончательный текст предвыборного манифеста. Данное заседание рассматривается исследователями как попытка своеобразного «переворота» в этой организации. На нём не были представлены самые влиятельные функционеры местных партийных организаций (К. Ференбах, М. Шпан, Л. Каас, К. Тримборн, К. Аденауэр, В. Маркс и др.). Одновременно с этим Государственная комиссия издала воззвание к общественности, в котором декларировала партию как «межконфессиональную организацию».

Недостатки программного документа, указанные выше, не позволяли партии надеяться прийти к власти без союза с более влиятельной СДПГ. Поэтому внутри организации разгорелись споры о возможности сотрудничества с социал-демократами, границах этого сотрудничества и его принципах. В спорах и дискуссиях постепенно начала брать верх точка зрения сторонников «республиканского» направления. Их лидером был М. Эрцбергер, выступавший за создание временного союза с правыми лидерами СДПГ. Он виделся не опасным потому, что со временем их можно будет, как полагали эти политики, без труда «поставить на место». В противном случае, как они утверждали, если продолжать упорствовать в возвращении старых порядков, Германия может оказаться перед угрозой гражданской войны. Тогда не придётся говорить ни о каком правовом государстве.

Своего лидера поддержали А. Штегервальд и А. Грёбер. Первый из них заявил, что «в любом случае, мы будем находиться по середине», а второй – «будет единственным способом выйти из хаоса и перейти к демократической республике».

М. Эрцбергер фактически спас свою партию от раскола и, вероятно, развала. Ему удалось убедить сторонников местного сепаратизма сплотиться вокруг нового государственного объединения и принять участие в построении в стране парламентской республики. Таким образом, стремление Баварской и Рейнской групп Центра, используя декларированное право наций и народов на самоопределение, поддержать сепаратистские устремления в Германии и с помощью стран Антанты разделить её на ряд независимых мелких государств не удалось. В результате победила, хотя и с некоторыми оговорками, Берлинская группа [17, с. 13].

По мере спада революционных событий заслуги М. Эрцбергера перед партией забывались, это способствовало укреплению позиций его политических противников. Теперь они заявляли, что лидер Центра является скрытым социалистом, и благодаря ему страна оказалась в хаосе послевоенных событий. В июле 1921 г. партия предписала ему временно воздержаться от парламентской деятельности, а 26 августа 1921 г. он был убит.

Преемником М. Эрцбергера на посту лидера партии стал Й. Вирт. Он поднялся по партийной лестнице уже после революции. Это оказало на Вирта определённое влияние. Новый лидер не страдал консервативной амбициозностью сторонников правого крыла Центра. Являясь сторонником парламентской системы, он одновременно выступал за равноправие Германии во внешней политике. Это привело его к борьбе за расширение роли и влияния во внутренней жизни страны принципов международного права. Вирт также считал, что Веймарская конституция может являться образцом для стран, переходных от империи к республике, в корне меняю-

щим их представление о правовой культуре нации, и её правосознание.

Являясь демократом по убеждению, он выступал против политики «буржуазного блокирования» с правыми партиями, за которую боролась правая фракция в Центре. В противовес ей Вирт осуществлял попытки укрепления контактов с социал-демократией и леволиберальными политическими силами. При этом он исходил из того, что политика «буржуазного блока» будет не принята массами. Если такая коалиция будет образована и придёт к власти, то для её сохранения ей придется перейти к репрессиям, террору, отмене демократических и республиканских прав и свобод, фашистским и националистическим методам политического господства. Это, в свою очередь, вызовет падение престижа права, рост правового нигилизма, конфронтации в обществе.

Кроме сторонников М. Эрцбергера и Й. Вирта, в Центре было «социальное» течение. Также как и сама партия, оно было крайне не однородным. Лидерами данного направления были А. Штегервальд и Г. Брюнинг. Оба они вышли из христианского профсоюзного движения и представляли консервативные силы в организации.

Второй группой в «социальном» движении были И. Иос и Б. Леттерхауз. За ними шли католические рабочие ферейны (объединения). Данная группа зачастую создавала коалицию с республиканским направлением М. Эрцбергера и Й. Вирта.

Обе группы, Штегервальда-Брюнинга и Иоса-Леттерхауза, делали свой упор на проведение социальных реформ сверху. Основное различие между их позициями состояло в том, с кем можно сотрудничать при их осуществлении – с правыми или левыми силами.

Третьим направлением в партии было «традиционалистское», представленное старыми членами Центра: А. Грёбером, М. Шпаном, К. Тримборном, К. Ференбахом, Л. Каасом, К. Бахемом. Курс партии после революции они считали вынужденным и всегда были готовы вернуться к старым добрым порядкам времён

кайзера Вильгельма II. Своими союзниками они видели правые и ультраправые силы. Новое республиканское законодательство данная группа готова была принести в жертву прежним Гражданскому и Уголовному уложениям рейха.

Все эти направления постоянно вели внутрипартийную борьбу, и преобладание того или иного из них приводило к смене политического курса Центра в 1919–1923 гг. Их противоборство остро вспыхнуло на первом съезде партии в 1920 г. Перед съездом стояли следующие цели и задачи: создать единую организацию (поскольку ранее партия представляла собой федерацию разрозненных местных ячеек и секций), выработать общую стратегию работы в органах власти, избрать единое руководство, выработать своё отношение к союзникам по коалиционному правительству и т. д.

На съезде впервые в истории партии был введён институт председательства. Председателем был избран К. Тримборн, заявивший, что раз уж произошла революция, и в Германии была установлена республика, то нужно всеми силами бороться против неконституционных попыток её свержения. Одновременно К. Тримборн был избран и председателем партийной фракции в Национальном собрании. Генеральным секретарём партии стал Г. Катценбергер.

В ходе политической борьбы, связанной с разработкой и принятием Веймарской Конституции и республиканского законодательства, внимание партии сосредоточилось на следующих вопросах: 1) конституционное право (в первую очередь, это характер государственной власти и формы правления; компетенция центрального и земельных правительств); 2) культурные права и свободы граждан; 3) брачно-семейное право; 4) правовые вопросы сферы образования и воспитания; 5) трудовое право; 5) налоговое и банковское право [9, с. 24].

По первому кругу вопросов конституционного права партия выступила сторонницей республики. Здесь она исходила

из следующих положений: наблюдается легитимная преемственность власти, т. к. представители монархической власти отреклись от престола, хотя и не совсем добровольно. Все бывшие подданные автоматически были освобождены от присяги верности и теперь могут стать гражданами нового республиканского государства. Центр поддержал идею о правопреемственности Веймарской республики и прежнего рейха. По вопросу права отдельных земель образовать своё независимое государство после длительной дискуссии и политической борьбы в партии одержали верх сторонники централизованного государства.

Следует указать, что разработка политической и правовой платформы партии шла в условиях усиления политической активности её духовных оппонентов из среды протестантских организаций [6, с. 34]. Взгляды её лидеров неплохо исследованы, например, Н. Ф. Виртом [5, с. 27].

Основными идеологами Немецкой демократической партии, повлиявшими на составление её программы и политико-правовую деятельность в органах власти, были Г. Прейс, М. Вебер, Л. Бретано, Ф. Науман и др.

Вопросы конституционного права разрабатывали Г. Прейс и М. Вебер. По мнению Г. Прейса, выраженному в представленном им Национальному собранию проекте конституции, новая Германия должна была стать единым государством, состоящим из республик. При этом он предлагал ликвидировать гегемонию Пруссии путём раздела её на ряд провинций. Им предлагалось разделить Германию и Австрию на 16 земель, при этом саму Пруссию – на 11 провинций [14, с. 344]. Кроме этого, данный проект ограничивал, согласно ст. 58 (будущая изменённая ст. 48 Конституции), права президента в случае чрезвычайного положения. Для того чтобы власти могли приступить к выполнению президентских декретов, предполагалась необходимость предварительного согласия рейхстага и кабинета министров. Это было следствием поддержки амери-

канского образца решения вопроса о роли, месте и функциях президента, федеративном устройстве государства и т. д.

М. Вебер, получив от президента республики Фридриха Эберта (члена СДПГ) предложение принять участие в составлении проекта новой конституции, не вошел в комиссию Г. Прейса. Однако в своих работах он высказывал свои взгляды по отдельным спорным вопросам. Данная позиция легла в основу правовой доктрины правого крыла НДП. Ему пришлось поддерживать федеральное решение вопроса о будущем устройстве Германии. Являясь сторонником унитарного государства, Вебер учитывал реалии времени. Слишком прямолинейная политика в данном вопросе могла бы привести к крупным конфликтам со странами Антанты и помешать вхождению Австрии в состав Веймарской республики [15, с. 45]. Видя роль и влияние Пруссии, он выступил против предложений Прейса о разделе её на 10 более мелких государственных образований, предлагая сохранить господство этой земли даже при отсутствии конституционных привилегий для неё. Он выступал за восстановление системы прежнего Бундесрата как совета правительств отдельных немецких земель.

Полемика по вопросам отношения к социальному законодательству, развернувшаяся на страницах брошюр, на проходивших в 1919–1923 гг. съездах и конференциях партий, уточняла требования программных документов [8, с. 113].

Г. Прейс, один из лидеров НДП, занимаясь практическим вопросом подготовки проекта новой конституции Германии, обратился к правовому опыту Великобритании и США [10, с. 63]. Критикуя прежнее немецкое государственное право, разрабатывавшееся ещё со времени Бисмарка, он советовал заимствовать передовые идеи из опыта этих государств. Тем более что Президент США В. Вильсон в своих тезисах о послевоенном устройстве мира обращал внимание на широкое применение в правотворческом процессе именно американского образца.

Один из правых лидеров НДП Ф. Науман в своей книге «Срединная Европа» впервые обратил внимание партии на необходимость более широкого применения терминов «народ» и «народная общность», что позже отразилось на партийной программе. Основу сильного германского государства должны были составлять, по его мнению, Германия и Австро-Венгрия. При этом в своей деятельности они не должны были обращать внимания на нормы международного права, основывая своё внутреннее правотворчество, таможенную политику, законодательство по военным вопросам на традициях прежней правовой культуры империи.

М. Вебер занимался также изучением вопроса о наилучшей форме правления в Германии. Это привело его к необходимости исследования республиканской международной практики. Вывод теоретика был следующим: для немцев лучшим применением международных образцов могла бы стать «строго парламентарная монархия». В период революции он выступал с идеей о губительности для страны заимствования правовой практики и правовой культуры из революционной России. Международное право, нацеленное на демократизацию и создание правовых государств в мире, таило в себе, по его мнению, угрозу для немецкого народа. Его перенесение на немецкую почву и применение должны были быть очень осторожными и взвешенными.

Вебер критиковал отдельные предложения Президента США В. Вильсона относительно направления развития послевоенного международного права. Он старался защитить идею равноправия договаривающихся субъектов в международных отношениях. В частности, он призывал выступить против того, что всю вину за развязывание войны следует возложить исключительно на одну Германию. Попытку Вильсона взять на себя роль третьей стороны, который принудит немцев подписать позорный мир, он объяснял мощью немецкой армии, которой может

противостоять только Антанта в союзе с Соединенными Штатами Америки.

Позиция указанных политических деятелей в значительной мере повлияла на отношение к нормам международного права Немецкой демократической и Немецкой народной партий. Они поддержали речь социал-демократа Ф. Шейдемана, произнесенную 12 мая 1919 г. в Берлинском университете, о невозможности подписания мира со странами Антанты на предлагаемых условиях. Наибольшее неудовольствие у них вызывали статьи договора 227–231, касавшиеся признания немцами своей вины в развязывании войны и необходимости проведения международного процесса против разжигателей войны.

Под влиянием данных идей в 1919 г. НДП провела два съезда партии: 19–22 июля 1919 г. в Берлине и чрезвычайный 13–15 декабря в Лейпциге. Решавшиеся ими цели были следующими: создание новой партии, её руководящих структур и органов, разработка партийной программы, стратегии и тактики работы в высших и местных органах власти.

В дальнейшем им пришлось более чётко определиться с отношением к проблемам правового регулирования финансовых вопросов [19, с. 140].

Второй важнейшей проблемой во внешней политике стало определение своего отношения к договору с СССР в Рапалло [11, с. 211].

Третье направление деятельности политической организации – формирование правовых взглядов на проблемы чрезвычайного законодательства, направленного на борьбу против противоправных действий крайних политических организаций и партий [7, с. 36]. В этой связи, в частности, большую роль играла полемика против крайних правых политических партий [1, с. 14].

Заключение

В заключении можно констатировать, что сложная политическая борьба внутри политических партий и Веймарской коа-

лиции позволила создать на месте Второго рейха новый субъект международных отношений – Веймарскую Германию, сразу же признанную мировым сообществом. Коалиции удалось спасти страну от распада. Были заложены основы нового законодательства.

Вместе с тем, вероятно, не совсем точно является термин «государственное церковное право» [2, с. 84]. Вероятно, лучше говорить о том, что в этот период политические организации церкви окон-

чательно стали субъектом политического процесса государственного строительства.

Вместе с успехами, нужно отметить и существенную слабость коалиции в решении вопросов трудового, предпринимательского, корпоративного и т. д. права, обострившихся в условиях мирового экономического кризиса и необходимости выплачивать репарации победителям в войне.

Статья поступила в редакцию 12.09.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамошин С. В. Полемика Эрнста Юнгера с национал-социализмом в годы Веймарской республики // Вестник Брянского государственного университета. 2022. № 2 (52). С. 7–14.
2. Афанасьев С. Государственно-церковное право (Staatskirchenrecht): ответ немецкого конституционализма на вызовы взаимоотношений государства и религии // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 3. С. 69–84.
3. Борботько П. В., Шматков И. И. Источники по парламентской деятельности правящих партий Веймарской республики в 1919–1923 годах // Современная научная мысль. 2020. № 1. С. 43–47.
4. Борботько П. В. Эволюция идейно-правовой доктрины программных документов СДПГ и ННП // Право. Экономика. Психология. 2022. № 2. С. 3–12.
5. Вирт Н. Ф. Веймарская республика в диалектической теологии Фридриха Гогартена // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 2. С. 23–27.
6. Вирт Н. Ф. Реакция протестантского духовенства на установление Веймарской республики в Германии // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 2. С. 29–34.
7. Денисов С. И. Эволюция чрезвычайного законодательства Германии от июля 1919 до июля 1920 гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 2 (36). С. 29–36.
8. Иванчук Д. В., Моисеев А. В. Особенности возникновения и развития социального законодательства Германии в 1880–1920 годы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 10-2. С. 108–113.
9. Исаков П. С. Эволюция институтов гражданского общества в период Веймарской республики и Третьего рейха // Гражданское общество в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 20–24.
10. Левчук С. В. Пороки конституционного либерализма в условиях кризиса (по материалам Веймарской конституции Германии 1919 года) // История государства и права. 2020. № 9. С. 58–63.
11. Наумова Ю. А. Рапалльский договор 1922 года и проблема выстраивания дипломатических отношений между РСФСР и Веймарской Германией в оценках отечественных и зарубежных историков // Молодой учёный. 2022. № 42. С. 205–211.
12. Ночвина Б. А. Влияние идей Октябрьской революции в России на становление Веймарской Германии и внешнюю политику Веймарской республики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2019. № 2. С. 118–127.
13. Ночвина Б. А., Старикова Н. В. Веймарская демократия и левый интернационализм: кризис идентичности // Преподаватель XXI век. 2020. № 4-2. С. 335–344.
14. Попов И. Д. Региональная политика Германии периода Веймарской республики (1918-1933) в советской и постсоветской историографии // Научный диалог. 2019. № 8. С. 308–344.
15. Рузляев М. Ю. Историческое значение Веймарской конституции 1919 года для развития идей конституционализма // Наука. Общество. Государство. 2018. Т. 6. № 2 (22). С. 40–45.
16. Субботин О. Г. Веймарская республика: в поисках внешнеполитической идентичности // Весці БДПУ. Серыя 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культаралогія. 2021. № 2. С. 6–14.
17. Субботин О. Г. Государство и конституция в теории интеграции Рудольфа Сменда // Весці БДПУ. Серыя 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культаралогія. 2021. № 4. С. 5–13.

18. Субботин О. Г. К вопросу о государственно-территориальном устройстве Веймарской Германии // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. 2020. № 20-2. С. 214–221.
19. Турыгин А. А. Гутенберг против Эрцбергера: критика финансовой реформы рейхсминистра в веймарском Национальном собрании // Вестник Брянского государственного университета. 2021. № 1 (47). С. 128–140.
20. Шульц Э. Э. Ноябрьская революция 1918 г. в Германии и проблемы возникновения, развития и падения Веймарской республики // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 223–228.

REFERENCES

1. Artamoshin S. V. [Ernst Jungern's controversy with National Socialism during the years of the Weimar Republic]. In: *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Bryansk State University], 2022, no. 2 (52), pp. 7–14.
2. Afanasiev S. [State-church law (Staatskirchenrecht): the response of German constitutionalism to the challenges of preserving the state and religion]. In: *Sravnitel'noye konstitutsionnoye obozreniye* [Comparative constitutional review], 2019, no. 3, pp. 69–84.
3. Borbotko P. V., Shmatkov I. I. [Sources on the parliamentary activities of the ruling parties of the Weimar Republic in 1919–1923]. In: *Sovremennaya nauchnaya mysl* [Modern scientific thought], 2020, no. 1, pp. 43–47.
4. Borbotko P. V. [Evolution of the ideological and legal doctrine of program documents of the SPD and NNP]. In: *Pravo. Ekonomika. Psikhologiya* [Law. Economy. Psychology], 2022, no. 2, pp. 3–12.
5. Wirth N. F. [The Weimar Republic in the dialectical theology of Friedrich Gogarten]. In: *Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya* [Humanitarian and legal research], 2020, no. 2, pp. 23–27.
6. Wirth N. F. [The reaction of the Protestant clergy to the establishment of the Weimar Republic in Germany]. In: *Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya* [Humanitarian and legal research], 2021, no. 2, pp. 29–34.
7. Denisov S. I. [Evolution of the emergency legislation of Germany from July 1919 to July 1920]. In: *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Bryansk State University], 2018, no. 2 (36), pp. 29–36.
8. Ivanchuk D. V., Moiseev A. V. [Features of the emergence and development of social legislation in Germany in 1880–1920]. In: *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk* [International Journal of the Humanities and Natural Sciences], 2019, no. 10-2, pp. 108–113.
9. Isakov P. S. [The evolution of civil society institutions during the Weimar Republic and the Third Reich]. In: *Grazhdanskoye obshchestvo v Rossii i za rubezhom* [Civil society in Russia and abroad], 2017, no. 1, pp. 20–24.
10. Levchuk S. V. [The vices of constitutional liberalism in a crisis (based on the materials of the Weimar constitution of Germany in 1919)]. In: *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law], 2020, no. 9, pp. 58–63.
11. Naumova Yu. A. [Rapallo treaty of 1922 and the problem of building diplomatic relations between the RSFSR and Weimar Germany in the assessments of domestic and foreign historians]. In: *Molodoy uchonyy* [Young scientist], 2022, no. 42, pp. 205–211.
12. Nochvina B. A. [Influence of the ideas of the October Revolution in Russia on the formation of Weimar Germany and the foreign policy of the Weimar Republic]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennyye nauki* [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Social Sciences], 2019, no. 2, pp. 118–127.
13. Nochvina B. A., Starikova N. V. [Weimar democracy and left-wing internationalism: an identity crisis]. In: *Prepodavatel XXI vek* [Lecturer 21st century], 2020, no. 4-2, pp. 335–344.
14. Popov I. D. [Regional policy of Germany in the period of the Weimar Republic (1918–1933) in Soviet and post-soviet historiography]. In: *Nauchnyy dialog* [Scientific dialogue], 2019, no. 8, pp. 308–344.
15. Ruzlyayev M. Yu. The historical significance of the Weimar Constitution of 1919 for the development of the ideas of constitutionalism]. In: *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo* [Science. Society. State], 2018, vol. 6, no. 2 (22), pp. 40–45.
16. Subbotin O. G. [The Weimar Republic: in search of a foreign policy identity]. In: *Vestsí BDPU. Seryya 2. Gistoryya. Filasofiya. Palitalogiya. Satsyyalogiya. Ekanomika. Kultaralogiya* [Proceedings of BDPU. Series 2. History. Philosophy. Politology. Sociology. Economics. Culturology], 2021, no. 2, pp. 6–14.

17. Subbotin O. G. [State and constitution in the theory of integration of Rudolf Smend]. In: *Vestsi BDPU. Seryya 2. Gistoryya. Filasofiya. Palitalogiya. Satsyyalogiya. Ekanomika. Kultaralogiya* [Proceedings of BDPU. Series 2. History. Philosophy. Politology. Sociology. Economics. Culturology], 2021, no. 4, pp. 5–13.
18. Subbotin O. G. [On the issue of the state-territorial structure of Weimar Germany]. In: *Nauchnyye trudy Respublikanskogo instituta vysshey shkoly. Istoricheskiye i psikhologo-pedagogicheskiye nauki* [Scientific works of the Republican Institute of Higher Education. Historical and psychological-pedagogical sciences], 2020, no. 20-2, pp. 214–221.
19. Turygin A. A. [Gutenberg vs. Erzberger: Criticism of the financial reform of the Reich Minister in the Weimar National Assembly]. In: *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Bryansk State University], 2021, no. 1 (47), pp. 128–140.
20. Schultz E. E. [The November Revolution of 1918 in Germany and the problems of the emergence, development and fall of the Weimar Republic]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2018, no. 426, pp. 223–228.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Борботько Павел Валентинович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса Витебского государственного университета имени П. М. Машерова; e-mail: diplom.rabota2011@yandex.ru

Шматков Игорь Иванович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и гражданского процесса Витебского государственного университета имени П. М. Машерова; e-mail: Shmatkov_igor@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Pavel V. Borbotko – Cand. Sci. (Historical), Assoc. Prof, Department of Civil Law and Civil Process, Vitebsk State University named by P. Masherov; e-mail: diplom.rabota2011@yandex.ru

Igor I. Shmatkov – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof, Department of Civil Law and Civil Process, Vitebsk State University named by P. Masherov; e-mail: Shmatkov_igor@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Борботько П. В., Шматков И. И. Полемика правящих партий Веймарской республики по правовым проблемам в 1919–1921 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 4. С. 35–44.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-35-44

FOR CITATION

Borbotko P. V., Shmatkov I. I. Discussion of the Ruling Parties of the Weimar Republic on the Legal Problems in 1919–1921. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2022, no. 4, pp. 35–44.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-35-44

УДК: 34.01

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-45-56

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СТРАТЕГИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ МАНИПУЛИРОВАНИЮ ЦЕЛЯМИ И СРЕДСТВАМИ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ: ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ОПТИМИЗАЦИИ

Куликов М. А.

*Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
119454, г. Москва, пр-т Вернадского, 76, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Разработать концепцию государственной стратегии противодействия манипулированию целями и средствами в правовом регулировании.

Процедура и методы. Применялись как общенаучные (диалектический, логический, системный, структурно-функциональный), так и частнонаучные методы познания (формально-правовой, сравнительно-правовой, правового моделирования).

Результаты. Обосновывается вывод о необходимости системного противодействия манипулированию юридическими целями и средствами. Исследованы как отдельные технологии манипулирования юридическим инструментарием, так и складывающаяся практика противодействия данной форме правового поведения.

Теоретическая и/или практическая значимость. Сформулирована концепция государственной стратегии противодействия манипулированию целями и средствами в правовом регулировании и проанализированы шаги, обеспечивающие её эффективную реализацию. В целях оптимизации предлагаемой стратегии разработаны меры по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: манипулирование, юридическая цель, юридическое средство, правовое регулирование, государственная стратегия, национальная безопасность, антироссийские санкции

THE STATE STRATEGY OF MODERN RUSSIA TO COUNTER THE GOALS AND MEANS MANIPULATION IN LEGAL REGULATION: ISSUES OF IMPLEMENTATION AND OPTIMIZATION

M. Kulikov

MGIMO University

Prospekt Vernadskogo 76, Moscow 119454, Russian Federation

Abstract

Aim. Develop the concept of a state strategy to counter the goals and means manipulation in legal regulation.

Methodology. Both general scientific (dialectical, logical, systemic, structural-functional) and special scientific methods of research (formal legal, comparative legal, legal modeling) were used.

Results. The conclusion about the need for a systematic counteraction to the legal goals and means manipulation is substantiated. Both particular technologies of legal goals and means manipulation as well as the emerging practice of counteracting this form of legal behavior are studied.

Research implications. The concept of the state strategy for countering the goals and means manipulation in legal regulation is formulated and the steps that ensure its effective implementation are analyzed. In order to optimize the proposed strategy, particular measures of improvement of the current legislation are elaborated.

Keywords: manipulation; legal goal; legal means; legal regulation; state strategy; national security; anti-Russian sanctions

Введение

В настоящее время манипулирование целями и средствами в процессе правового регулирования получило чрезвычайно широкое распространение, что тем не менее пока ещё не свидетельствует о должной степени внимания к данной проблематике со стороны учёных-юристов и глубиной её разработанности.

Объективный анализ сложившихся реалий с убедительностью демонстрирует тот факт, что манипулирование как при помощи информационного, психологического, политического, так и при помощи юридического инструментария позволяет в отдельных случаях достаточно существенно повысить эффективность управления, оптимизировать регулирование общественных отношений и с большей долей вероятности добиться ожидаемого поведения от участников правоотношений.

Данные «мнимые плюсы» манипулятивного воздействия на социальные процессы объясняют как его востребованность, так и социальную обусловленность [6; 10], и достаточно подробно уже анализировались автором статьи наряду с исследованием природы, признаков и ключевых технологий манипулирования юридическими целями и средствами [2–3].

В интересах дальнейшего анализа государственной стратегии по противодействию манипулированию юридическими целями и средствами обозначим теоретико-методологические основы нашей позиции, исходя из которых и будет строиться логика дальнейшего исследования.

Так, под *манипулированием* будем понимать осуществляемое при помощи скрытой тактики или стратегии воздействие на поведение объекта управления, при

котором он, исходя из имеющейся информации, добровольно принимает решение, запланированное субъектом управления, вопреки своим истинным потребностям и интересам.

Данное определение призвано подчеркнуть тот факт, что манипулирование, будучи разновидностью управления, предполагает скрытое воздействие субъекта на объект, при котором истинные цели субъекта (манипулятора) объекту (манипулируемому) не известны [11, с. 8; 12, с. 34; 13, р. 106]. Помимо сказанного, любое манипулирование предполагает приоритетное удовлетворение интересов манипулятора, полностью либо частично игнорируя потребности и интересы самого объекта управления.

Таким образом, обоснованно утверждать, что *манипулирование юридическими целями и средствами* – это осуществляемая при помощи скрытой тактики или стратегии форма правомерного поведения, заключающаяся в постановке или использовании юридических целей, а также в создании или применении юридических средств в интересах субъекта управления (манипулятора) вопреки истинным потребностям и интересам объекта управления (манипулируемых).

Подчеркнём, что широкое распространение манипулирования юридическими целями и средствами в правовом регулировании общественными отношениями приводит к самым серьёзным *последствиям* (например: снижение качества и эффективности правотворческого, правореализационного и правоинтерпретационного процессов, нивелирование потенциала и социальной обусловленности механизма правового регулирования, невозможность

полноценной реализации субъективных прав, свобод и законных интересов участников правоотношений [5]), что, в свою очередь, ведёт к регрессивным тенденциям в правовой жизни общества и угрожает стабильности и национальной безопасности государства в целом.

В отмеченной связи противодействие манипулятивным технологиям в правовом регулировании представляется чрезвычайно актуальным и значимым и должно представлять собой не столько применение отдельных способов минимизации последствий рассматриваемого явления на различных этапах (стадиях) механизма правового регулирования, сколько полноценную стратегию, позволяющую мобилизовать и систематизировать как правовой, так и иной инструментарий в комплексном противодействии манипулированию юридическими целями и средствами.

Онтологические основания государственной стратегии по противодействию манипулированию целями и средствами в правовом регулировании

Полагаем, что о противодействии манипулированию юридическими целями и средствами в правовом регулировании целесообразно и обоснованно вести речь именно через призму государственной стратегии, которая должна представлять собой системную, последовательную и научно обоснованную деятельность органов публичной власти, институтов гражданского общества и иных участников правоотношений по созданию эффективного механизма противодействия постановке или использованию юридических целей, а также созданию или применению юридических средств в интересах субъекта управления (манипулятора) вопреки истинным потребностям и интересам объекта управления (манипулируемых).

Ключевым *субъектом* формирования и реализации государственной стратегии противодействия манипулированию юридическими целями и средствами, как это,

собственно, и вытекает из её названия, должны выступить *органы государственной власти*, призванные не только координировать как правотворческую, так и правоприменительную деятельность в указанном направлении, но и привлекать, мотивировать *иных субъектов* правовой жизни общества (органы местного самоуправления, институты гражданского общества, включая многочисленные некоммерческие и правозащитные организации, других участников правоотношений) к участию в данной деятельности.

Другими словами, органы государственной власти должны выступать основными, но *не единственными* субъектами как разработки, так и реализации рассматриваемой стратегии. Государственная стратегия в данном контексте предполагает её общенациональный, комплексный и полисубъектный характер, но никак не ограниченность её субъектного состава лишь государственным аппаратом.

Исходя из указанных выше тезисов, считаем целесообразным выделять следующие *признаки* государственной стратегии в сфере противодействия манипулированию юридическими целями и средствами в правовом регулировании. Так, рассматриваемая стратегия:

1. Представляет собой как деятельность, так и комплекс идей, задач, установок, планов, приоритетов и т. д. в сфере противодействия манипулированию юридическими целями и средствами.

Полагаем, что в данном контексте оправданно исходить из идеолого-деятельностного подхода к государственной стратегии, т. е. рассматривать её через призму как существующих планов, доктринальных разработок, научных концепций, принципов и идей, так и конкретной деятельности, практических усилий, направленных на реализацию поставленных целей, приоритетов, задач, воплощение существующих идей и концепций в жизнь.

2. Является полисубъектной деятельностью, к участникам которой, наряду с органами государственной власти, необходимо относить органы местного самоуправле-

ния, институты гражданского общества и иных участников правоотношения, способных выступать как субъектом, так и объектом манипулятивного воздействия.

3. Направлена на противодействие манипулированию юридическими целями и средствами в правовом регулировании, т. е. на противодействие правомерному поведению, которое является нежелательным и ведёт к негативным последствиям в различных сферах общественной жизни, к дисбалансу сосуществования интересов личности, общества и государства.

В силу сказанного данная стратегия должна опираться на весьма тонкий и продуманный инструментарий, оперирующий прежде всего потребностями и интересами участников правоотношений, нацеленный на установление (или способствование осознанию) истинных интересов субъектов права, на формулирование таких юридических целей и использование таких юридических средств, которые, не снижая эффективности управления, приводили бы к удовлетворению интересов субъекта управления не в ущерб интересам его объекта. Учитывая же диалектику субъект-объектных отношений (равно как и интересов) в любой управленческой системе, реализация данной задачи выглядит далеко не просто.

Исследование государственной стратегии в сфере противодействия манипулированию юридическими целями и средствами требует ответа на достаточно важный вопрос относительно того, идёт ли речь об уже существующей, разработанной или сложившейся стратегии и методах её оптимизации, либо данную стратегию необходимо создавать с чистого листа и российская юридическая действительность в настоящее время не позволяет говорить о том, что противодействие манипулятивным технологиям в правовом регулировании оформлено в сколь-нибудь последовательный алгоритм действий, который и можно трактовать как стратегическое или, хотя бы, тактическое направление усилий в рассматриваемом направлении.

Несмотря на то, что манипулирование юридическими целями и средствами (в отличие от иных разновидностей манипулятивных технологий) не получило должной разработки как со стороны представителей отраслевых юридических наук, так и со стороны общей теории права и признанной концепции изучаемой формы правомерного поведения не существует, что существенно затрудняет поиск оптимальных способов и механизмов противодействия данному явлению, определённые усилия как органов публичной власти, так и иных участников правоотношений в указанном направлении предпринимаются.

Другими словами, в настоящее время говорить о том, что в России сформирована государственная (равно как и любая иная) стратегия противодействия манипулированию юридическим инструментарием, преждевременно. Вместе с тем как органами публичной власти, так и институтами гражданского общества, иными участниками правоотношений предпринимаются разрозненные, но иногда весьма эффективные действия, направленные на выявление манипулятивных технологий и обеспечение полноценной реализации своих субъективных прав, свобод и законных интересов.

В отмеченной связи чрезвычайно важно:

а) сформулировать концепцию манипулирования юридическими целями и средствами в правовом регулировании, апробировать её в том числе посредством широкой научной дискуссии;

б) обобщить сложившуюся, имеющуюся разрозненную практику противодействия манипулированию в правовом регулировании (манипулированию юридическими целями и средствами);

в) систематизировать, равно как и разработать новые направления противодействия данному явлению с учётом как российских реалий, так и международного опыта.

Манипулирование юридическими целями и средствами в российской юридической действительности: идентификация, институционализация и попытки противодействия

Следует признать, что важным шагом в построении концепции противодействия манипулированию юридическими целями и средствами служит признание высшим политическим руководством России как самого факта данной разновидности манипулирования, так и необходимости ему противодействовать.

В частности, Президент России В. В. Путин на расширенном заседании коллегии Министерства обороны 21 декабря 2021 г. прямо заявил, что страны коллективного Запада манипулируют международным правом с целью обеспечения собственных интересов и безопасности и, «когда им мешает международное право и Устав ООН, объявляют это всё устаревшим, ненужным, а когда что-то соответствует их интересам, сразу ссылаются на нормы международного права, на Устав ООН, на международное гуманитарное право и так далее. Эти манипуляции надоели»¹.

В. В. Путин, министр иностранных дел России С. В. Лавров, а также ряд иных должностных лиц и политиков прямо и неоднократно обращали внимание общественности на манипулирование нормами международного права коллективным Западом посредством конструирования неких «правил», «принципов поведения» и соответствующей концепции, известной как «*rules-based world order*» или «*rules based international system*» – RBIS [4; 14], суть которой заключается в постепенной подмене общепризнанных норм международного права, разработанными вне легитимных многосторонних процедур субъективными неконсенсусными форматами ведения

переговоров и построения системы международных отношений².

Отдельное внимание С. В. Лавров неоднократно уделял и различным «*инсценировкам*» западных партнёров России, к которым они прибегают как для легализации, так и для легитимизации своих действий, что также необходимо интерпретировать как манипулирование юридическими целями и средствами³.

О том, что манипулирование политической повесткой, злободневными и актуальными темами, информацией в целом может приводить к сопутствующему манипулированию юридическими целями и средствами, также свидетельствуют многочисленные заявления представителей органов государственной власти. Так, откровенное манипулирование информацией и политической повесткой привело к созданию и применению многочисленных пакетов антироссийских санкций (которые, будучи закреплёнными в официальных документах коллективного Запада, должны рассматриваться через призму юридических средств⁴).

¹ Выступление В. В. Путина на расширенном заседании коллегии Министерства обороны РФ // Kremlin.ru: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67402> (дата обращения: 20.09.2022).

² В. В. Путин: некоторые страны пытаются подменить глобальную архитектуру на «придуманные правила» // RT: [сайт]. URL: <https://russian.rt.com/world/news/1018406-pravila-briks-putin> (дата обращения: 20.06.2022).

³ Лавров С. В. Об инсценировках как методе политики Запада // МИД России: [сайт] [18.07.2022]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1822333 (дата обращения: 26.07.2022).

⁴ Fourth package of sanctions in view of Russia's military aggression against Ukraine: 15 additional individuals and 9 entities subject to EU restrictive measures // Council of the EU: [сайт]. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/03/15/fourth-package-of-sanctions-in-view-of-russia-s-military-aggression-against-ukraine-15-additional-individuals-and-9-entities-subject-to-eu-restrictive-measures/> (дата обращения: 29.08.2022); Russia's military aggression against Ukraine: fourth EU package of sectoral and individual measures. // Council of the EU: [сайт] [15.03.2022]. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/03/15/russia-s-military-aggression-against-ukraine-fourth-eu-package-of-sectoral-and-individual-measures> (дата обращения: 29.08.2022); Foreign Secretary announces historic round of sanctions on Russia // Gov. UK: [сайт] [15.03.2022]. URL: <https://www.gov.uk/government/news/foreign-secretary-announces-historic-round-of-sanctions-15-march-2022> (дата обращения: 29.08.2022).

На использование «всех видов манипуляций и постановок без ограничений» при обсуждении якобы реальной ядерной угрозы, исходящей со стороны России, обращает внимание официальный представитель МИД РФ М. Захарова¹, что использование не только само по себе является явной инсценировкой западных партнёров, но и чревато далеко идущими правовыми последствиями, связанными как с принятием соответствующих нормативно-правовых актов, так и с отменой существующих с одновременными односторонними действиями по выходу из действующих договоров, имеющих стратегическое значение.

Помимо весьма резонансного манипулирования правовым инструментарием на международном уровне, высшими должностными лицами государства и представителями российских органов публичной власти всё чаще обращается внимание и на манипулирование с использованием российского законодательства и внутриполитической повестки.

К примеру, Президент России В. В. Путин на совещании с членами Правительства РФ 10 февраля 2021 г. вновь обращает внимание на манипулирование, по сути, как юридическими целями, так и юридическими средствами, подчёркивая, что некоторые должностные лица в России «играют в статистику». В частности, глава государства отметил, что «очень часто мы видим – во всяком случае, бывает, так скажем, аккуратно – что некоторые наши службы играют в статистику. Видим определённую подгонку формальных показателей. В результате что получается? Что по отчётам всё вроде бы как сходится, а сходится это подчас за счёт различных ухищрений»².

¹ Захарова: США используют манипуляции, чтобы втянуть РФ в ядерную повестку // Gazeta.ru: [сайт]. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/09/28/18667381.shtml?updated> (дата обращения: 28.09.2022).

² Путин заявил о случаях манипулирования статистикой по зарплатам // Ведомости: [сайт]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2021/02/10/857406-putin-zayavil-o-sluchayah-manipulirovaniya-statistikoi-po-zarplatam> (дата обращения: 28.09.2022).

Приведённые примеры, равно как и многие другие, свидетельствуют о том, что вопрос использования манипулятивных технологий не только в сфере формирования общественного мнения, создания каких-либо информационных поводов, политических технологий, PR-кампаний, маркетинговой деятельности, недобросовестной конкурентной борьбы и т. д., но и в сфере правового регулирования общественных отношений, весьма субъективного понимания и использования как существующих юридических целей, так и юридических средств с далеко идущими правовыми последствиями, приводящими к реализации интересов субъекта манипулирования в ущерб интересам многочисленных объектов подобных действий, становится всё более и более актуальным.

Взросшая злободневность обозначенной проблематики, равно как и осознание её значимости, привели к разработке достаточно эффективных способов противодействия манипулированию юридическими целями и средствами.

Существует достаточное количество примеров подобного противодействия. Так, беспрецедентное давление на Россию, осуществляемое посредством различного рода санкций, привело к выработке согласованных действий органов государственной власти, местного самоуправления, равно как и субъектов бизнеса по импортозамещению, которое в настоящее время представляет собой целый комплекс мероприятий, направленных на замещение импорта товарами, произведёнными внутри страны.

В настоящее время существенно активизировалась деятельность специальной правительственной комиссии по импортозамещению, созданной в соответствии с Постановлением Правительства РФ ещё в 2015 г.³, деятельность которой направлена, в т. ч. и на реализацию государственной политики в сфере импортозамещения, обеспечения снижения зависимости отраслей

³ Постановление Правительства РФ от 04.08.2015 № 785 «О Правительственной комиссии по импортозамещению» (вместе с «Положением о Правительственной комиссии по импортозамещению») // СЗ РФ. 2015. № 32. Ст. 4773.

промышленности от импорта, а также оперативного решения вопросов, касающихся создания условий для своевременного и полного удовлетворения потребностей юридических лиц в продукции отраслей промышленности.

Нежелание России выступать в качестве объекта манипулятивного воздействия привело к жёсткому ответу руководства страны на очередную манипуляцию коллективным Западом, связанную с подготовкой законодательной основы (что говорит об использовании именно юридических целей и средств), позволяющей вводить ограничения цен на российскую нефть, о чём заявила в Брюсселе глава Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен¹.

В частности, Президент России В. В. Путин в ходе выступления на Восточном экономическом форуме 7 сентября 2022 г. предупреждал о недопустимости подобного использования юридического инструментария в политических (а по сути, манипулятивных) целях, подчёркивая, что Россия не будет поставлять энергоносители в страны, власти которых будут принимать политические решения, противоречащие юридическим условиям контрактов на поставку нефти или газа. В частности, Президент РФ заявил, что «есть контрактные обязательства. Будут приниматься какие-то решения политического характера, противоречащие контрактам? Да мы их просто выполнять не будем. И вообще не будем ничего поставлять, если это противоречит нашим интересам. В данном случае – экономическим. Ни газ не будем поставлять, ни нефть, ни уголь, ни топочный мазут, ничего не будем поставлять... Ничего навязанного делать не будем»².

¹ Brussels promises to cap price of Russian oil after Putin escalation // The Guardian: [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/sep/28/brussels-promises-to-cap-price-russia-oil-putin-escalation-european-commission-sanctions-ukraine-war> (дата обращения: 29.09.2022).

² Президент России Путин предупредил Запад о последствиях из-за введения потолка цен на газ // РБК: [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/09/2022/6318614a9a79471ce078f464> (дата обращения: 28.09.2022).

В качестве ещё одного примера противодействия манипулированию юридическими средствами и средствами, нацеленного на навязывание России определённых коллективным Западом правил, могут служить принятые 6 сентября 2022 г. на заседании Президиума Государственного Совета решения, направленные на стимулирование потока иностранных туристов в Россию на фоне прямо противоположных, ограничительных мер, принимаемых в отношении российских туристов.

Учитывая мультипликационный эффект туризма для развития экономики, руководство России не поддалось на очередную манипуляцию и вновь решило действовать, исходя из национальных интересов, прорабатывая механизмы для дальнейшего стимулирования притока отдыхающих в нашу страну, тем самым поддерживая своеобразный диспаритет по отношению к туристам из тех стран, правительства которых принимают в отношении нашей страны недружественные действия³.

Приведённые выше, равно как и многие другие примеры противодействия манипулированию юридическими целями и средствами свидетельствуют о том, что именно осознание ключевых национальных (и других) интересов, понимание истинных потребностей участниками правоотношений позволяет противостоять данному явлению, направленному на реализацию одних интересов (субъекта манипулирования) в ущерб другим (интересам объекта манипулирования).

Ключевые направления построения и реализации государственной стратегии по противодействию манипулированию юридическими целями и средствами

Исходя из обоснованного тезиса, что манипулирование юридическими целями и средствами в правовом регулировании стало практически неотъемлемой частью

³ Заседание Президиума Госсовета по вопросам развития туризма // Kremlin.ru: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/state-council/69291> (дата обращения: 30.09.2022).

современной действительности и противодействию ему вынужденно приобретает всё более системный характер, считаем целесообразным остановиться на тех конкретных мерах, которые позволят сформировать полноценную государственную стратегию по противодействию манипулированию целями и средствами в правовом регулировании и оптимизировать её реализацию.

1. В целях более эффективного противодействия использованию манипулятивных технологий на международном уровне дополнить Концепцию внешней политики Российской Федерации¹ положениями, раскрывающими понятие манипулирования юридическими целями и средствами и его негативные последствия для эффективного осуществления государством внешнеполитического курса.

Следует отметить, что многие из обозначенных в Концепции задач внешнеполитической деятельности государства по своей сути уже способствуют как всемерной защите национальных интересов, так и противодействию тому, чтобы чьи-либо действия позволяли данные интересы использовать в манипулятивных целях.

К данным задачам, обозначенным в Концепции, с уверенностью можно отнести: упрочение позиций РФ как одного из влиятельных центров современного мира; недопущение дискриминации российских товаров, услуг, инвестиций и использование возможностей международных и региональных экономических и финансовых организаций в этих целях; развитие двусторонних и многосторонних отношений на основе уважения принципов независимости и суверенитета; укрепление позиций российских средств массовой информации в глобальном информационном пространстве².

Вместе с тем мы полагаем, что решение данных задач, в т. ч. и с позиции противо-

действия манипулированию правовым инструментарием, как значительно усилит обеспечение национальных интересов государства, так и позволит под иным углом зрения рассматривать действия зарубежных партнёров, направленные на установление определённых рамок (принципов) двух- или многостороннего сотрудничества.

В ч. II рассматриваемой Концепции, посвящённой анализу реалий современного мира и внешней политики России, среди факторов, представляющих реальную угрозу национальным интересам и ценностям государства, наряду с обострением противоречий, связанных с неравномерностью мирового развития, попытками навязывания другим государствам собственной шкалы ценностей, повышением роли фактора силы в международных отношениях и целым рядом иных справедливо указанных обстоятельств, необходимо обратить внимание и на всё более активное использование манипулятивных технологий в реализации своих интересов участниками международного общения, которое не всегда позволяет вовремя увидеть и оценить реальные стремления и замыслы партнёров.

2. На противодействие манипулированию юридическими целями и средствами должен быть сделан акцент и в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации³, которая в п. 44 прямо указывает на то, что деструктивные силы за рубежом и внутри страны предпринимают попытки использования объективных социально-экономических трудностей в целях стимулирования негативных социальных процессов и манипулирования в информационной сфере⁴. В п. 86 рассматриваемого документа также справедливо отмечается, что насаждение чуждых идеалов и ценностей, равно как и психологическое манипулирование, наносят непоправимый ущерб нравственному здоровью

¹ Указ Президента РФ от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 49. Ст. 6886.

² Там же.

³ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

⁴ Там же.

человека, поощряют деструктивное поведение и формируют условия для саморазрушения общества¹.

Несмотря на своевременный и правильный акцент как на информационном, так и на психологическом манипулировании, сделанный в Стратегии национальной безопасности РФ, полагаем, что обозначение сущности, признаков и пагубных последствий манипулирования в процессе правового регулирования, осуществляемого при помощи юридических целей и средств, придало бы данному аспекту Стратегии более проработанный и комплексный характер.

В отмеченной связи следует исходить из того, что:

а) с одной стороны, манипулирование юридическими целями и средствами опирается на информационное, психологическое и иное «сопровождение» (иными словами – манипулирование), в связи с чем выступает первообразной многих «инсценировок» и «ухищрений», масштабным использованием которых серьезно озабочены не только представители органов публичной власти, но и иные участники правоотношений;

б) с другой стороны, информационное, психологическое и иные разновидности манипулирования зачастую нацелены на легализацию как осуществляемых действий, так и достигнутых результатов, в связи с чем с неизбежностью приведут и к манипулированию юридическими целями и средствами с соответствующими правовыми последствиями, что также нужно предвидеть.

В силу сказанного полагаем, что противодействие любой разновидности манипулятивного воздействия на общественные отношения должно осуществляться комплексно, чего невозможно добиться вне анализа социальной обусловленности и целесообразности используемого правового инструментария.

3. Следует понимать, что манипулирование юридическими целями и средствами – это не «вещь в себе», не изолированный способ доминирования субъекта управления в ущерб интересам объекта управления «лишь» в «узкой сфере» правового регулирования.

В настоящее время вряд ли найдётся сфера общественных отношений, которая (пусть даже и косвенно) не была бы урегулирована правом [1; 7–9]. В силу сказанного, манипулирование юридическими целями и средствами – это универсальный способ воздействия практически на любые отношения, получающая наибольшее распространение форма координации социальных процессов и управления ими.

Надо также учитывать и то, что манипулирование юридическими целями и средствами (равно как и иные разновидности манипулятивного воздействия) – достаточно легитимная форма управления, т. к. объект манипуляций ведёт себя добровольно, полагая, что действует в своих интересах, без какого-либо принуждения или внешнего воздействия.

В силу сказанного, манипулирование юридическими целями и средствами осуществляется в самых разных сферах общественных отношений, что должно учитываться при разработке стратегии противодействия данному явлению.

Возможность манипулирования юридическими целями и средствами и его последствия следует учитывать и оговаривать как в целях, стоящих перед отдельными нормативно-правовыми актами, так и при разработке конкретных механизмов правового регулирования.

Так, проведение общественной экспертизы нормативно-правовых актов и их проектов должно осуществляться в т. ч. и в целях противодействия манипулятивному использованию юридического инструментария в ущерб интересам участников правоотношений.

На противодействие использованию манипулятивных технологий в т. ч. и в сфере правового регулирования должна быть направлена и деятельность

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

Общественной палаты, которая в силу ст. 1 Федерального закона от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации»¹ призвана обеспечивать взаимодействие граждан и институтов гражданского общества с органами публичной власти в целях «учёта потребностей и интересов граждан Российской Федерации, защиты прав и свобод граждан Российской Федерации и прав общественных объединений и иных некоммерческих организаций при формировании и реализации государственной политики».

Упомянутый в законе «учёт потребностей и интересов» участников правоотношений и должен препятствовать тому, чтобы они использовались в качестве объектов манипулятивного воздействия в ущерб этим самым интересам.

В силу сказанного отражение в числе задач Общественной палаты противодействия манипулированию юридическими целями и средствами как в правотворческом процессе, так и в процессе реализации правовых предписаний не только повысило бы эффективность деятельности данного органа, но и позволило бы более эффективно обеспечить реализацию субъективных прав, свобод и законных интересов участников правоотношений.

4. Противодействие манипулированию юридическими целями и средствами как в процессе правотворчества, так и во всех формах реализации права (соблюдения, исполнения, использования, равно как и применения) должно быть обозначено в качестве одной из задач деятельности прокуратуры Российской Федерации, что требует внесения соответствующих дополнений в п. 2 ст. 1 Федерального закона от № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»².

5. Противодействие манипулированию юридическими целями и средствами также должно стать одной из целей Федерального

закона от № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»³, что предполагает внесение соответствующих дополнений в ст. 7 указанного закона «Основные направления деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции».

Полагаем, что противодействие использованию участниками правоотношений лишь в качестве средства достижения целей субъектами манипулирования будет способствовать как борьбе с коррупцией, так и полноценному обеспечению законности и правопорядка в обществе.

Заключение

Обобщая изложенное, можно сделать вывод, что полноценная стратегия противодействия манипулированию юридическими целями и средствами предполагает координацию усилий по 3-м комплексным и взаимосвязанным направлениям.

Во-первых, противодействие манипулированию целями и средствами в правовом регулировании должно стать одной из задач как системы органов государственной власти и местного самоуправления, институтов гражданского общества, так и иных участников правоотношений.

Так, Президенту РФ целесообразно определить приоритетные направления противодействия манипулированию в правовом регулировании (посредством отражения соответствующих шагов в Концепции внешней политики РФ, Стратегии национальной безопасности РФ и других концептуальных документах стратегического планирования) и установить в данной сфере компетенцию федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых он осуществляет.

Федеральному Собранию РФ в процессе разработки и принятия федеральных законов, а также при осуществлении контроля деятельности органов исполнительной власти в пределах своих полномочий целе-

¹ Федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об Общественной палате Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 15. Ст. 1277.

² Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 11.06.2022) «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

³ Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 01.04.2022) «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

сообразно руководствоваться ключевыми принципами идентификации манипулирования юридическими целями и средствами и противодействовать подобной форме их использования.

Правительству РФ необходимо координировать деятельность органов исполнительной власти, также исходя из недопустимости как использования манипулятивных технологий в процессе их функционирования, так и того, чтобы данные органы сами стали объектом манипуляций.

С учётом ключевых признаков манипулирования юридическими целями и средствами в целях эффективного противодействия данному явлению целесообразно выстраивать работу органам государственной власти субъектов РФ, органам местного самоуправления, институтам гражданского общества, как физическим, так и юридическим лицам.

Во-вторых, стратегия противодействия манипулированию юридическими целями и средствами должна охватывать такие ключевые для правовой жизни общества направления, как правотворчество, реализация права, толкование права, правовое обучение и правовое воспитание.

Несмотря на то, что отдельно взятый орган публичной власти (к примеру, Правительство РФ) может быть субъектом правотворческой, правореализационной, правоинтерпретационной деятельности и активно участвовать в процессах правового воспитания и обучения, каждое из перечисленных направлений деятельности обладает своей спецификой и особым потенциалом в противодействии манипулированию юридическими целями и средствами.

Статья поступила в редакцию 17.08.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доценко И. Д. Основные тенденции правового регулирования предпринимательской деятельности на наднациональном уровне // Юрист. 2021. № 12. С. 43–47.
2. Куликов М. А. Манипулирование юридическими целями и средствами в правотворческом процессе и его результаты // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 3 (61). С. 6–14.
3. Куликов М. А. Технологии манипулирования целями в правовом регулировании: актуальные вопросы теории и практики // Lex russica. 2022. Т. 75. № 9. С. 94–107.
4. Лавров С. В. О праве, правах и правилах // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 4 (110). С. 8–20.
5. Малько А. В., Субочев В. В. Законные интересы в правовой жизни общества: актуальные вопросы теории и практики // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 2 (313). С. 84–98.
6. Малько А. В., Субочев В. В. Политико-правовое манипулирование как психологический феномен и научная категория // Психология и право. 2021. Т. 11. № 1. С. 163–180.
7. Невинский В. В. «Цифровые права» человека: сущность, система, значение // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10. С. 26–32.
8. Нерсесянц В. С. Процессы универсализации права и государства в глобализирующемся мире // Государство и право. 2005. № 5. С. 38–47.
9. Пурге А. Р. К вопросу о необходимости расширения административно-правового регулирования семейных отношений в России // Административное и муниципальное право. 2018. № 8. С. 1–6.
10. Субочев В. В. Политико-правовое манипулирование как основа управления обществом в эпоху постправды // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 34. С. 29–43.
11. Шейнов В. П. Манипулирование и защита от манипуляций. СПб.: Питер, 2022. 303 с.
12. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием / пер. с англ. Я. Н. Засурского. М.: Мысль, 1980. 326 с.
13. Sirazetdinova M., Stoletov A., Lukmanova R. Manipulation, Individuation, and the Self // CogITo Smart Journal. 2021. № 13 (4). P. 103–123.
14. Vylegzhanin A. N., Nefedov B. I., Voronin E. R., et al. The Term «Rules-based International Order» in International Legal Discourses // Moscow Journal of International Law. 2021. № 2. P. 35–60.

REFERENCES

1. Dotsenko I. D. [The main provisions of the entrepreneurial activity regulation at the supranational level]. In: *Yurist* [Lawyer], 2021, no. 12, pp. 43–47.
2. Kulikov M. A. [Manipulation of legal injuries and influences on its law-making processes and results]. In: *Yuridicheskaya nauka i zheltukha* [Legal Science and Jurisprudence], 2022, no. 3 (61), pp. 6–14.
3. Kulikov M. A. [Technologies of manipulating influences in legal regulation: topical issues of theory and practice]. In: *Lex russica*, 2022, vol. 75, no. 9, pp. 94–107.
4. Lavrov S. V. [On the law, rights and rules]. In: *Rossiya v sfere zashchity* [Russia in the field of protection], 2021, vol. 19, no. 4 (110), pp. 8–20.
5. Malko A. V., Subochev V. V. [Legitimate interests in the legal life of society: topical issues of theory and practice]. In: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye* [Proceedings of higher educational institutions. Jurisprudence], 2014, no. 2 (313), pp. 84–98.
6. Malko A. V., Subochev V. V. [Political and legal manipulation as a psychological phenomenon and a scientific category]. In: *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2021, vol. 11, no. 1, pp. 163–180.
7. Nevinsky V. V. [«Digital rights» of a person: essence, system, meaning]. In: *Konstitutsionnoye i munitsipalnoye pravo* [Constitutional and municipal law], 2019, no. 10, pp. 26–32.
8. Nersesyants V. S. [Processes of universalization of law and the state in a globalizing world]. In: *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2005, no. 5, pp. 38–47.
9. Purge A. R. [On the question of the need to expand the administrative and legal regulation of family relations in Russia]. In: *Administrativnoye i munitsipalnoye pravo* [Administrative and municipal law], 2018, no. 8, pp. 1–6.
10. Subochev V. V. [Political and legal manipulation as a basis for social management in the era of post-truth]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo* [Bulletin of Tomsk State University. Law], 2019, no. 34, pp. 29–43.
11. Sheinov V. P. *Manipulirovaniye i zashchita ot manipulyatsiy* [Manipulation and protection against manipulations]. St. Petersburg, Piter Publ., 2022. 303 p.
12. Schiller G. *Manipulators of consciousness* (Rus. ed.: Zasursky Ya. N., transl. from English. *Manipulyatory soznaniyem*. Moscow, Mysl Publ., 1980. 326 p.).
13. Sirazetdinova M., Stoletov A., Lukmanova R. Manipulation, Individuation, and the Self. In: *CogITO Smart Journal*, 2021, no. 13 (4), pp. 103–123.
14. Vylegzhanin A. N., Nefedov B. I., Voronin E. R., et al. The Term «Rules-based International Order» in International Legal Discourses. In: *Moscow Journal of International Law*, 2021, no. 2, pp. 35–60.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куликов Михаил Алексеевич – кандидат юридических наук, заместитель руководителя международного бюро по кибербезопасности «КИБЕРПОЛ», докторант МГИМО МИД России;
e-mail: Mikhail.a.kulikov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail A. Kulikov – Cand. Sci. (Law), Deputy Head, International Bureau for cybersecurity «CYBERPOL», doctoral student, MGIMO University;
e-mail: Mikhail.a.kulikov@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Куликов М. А. Государственная стратегия современной России по противодействию манипулированию целями и средствами в правовом регулировании: вопросы реализации и оптимизации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 4. С. 45–56. DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-45-56

FOR CITATION

Kulikov M. A. The State Strategy of Modern Russia to Counter the Goals and Means Manipulation in Legal Regulation: Issues of Implementation and Optimization. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2022, no. 4, pp. 45–56.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-45-56

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

УДК 342.415

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-57-64

СОЦИАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ГАРАНТИИ В ПОПРАВКАХ 2020 ГОДА В КОНСТИТУЦИЮ РОССИИ: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Глотов С. А.¹, Алешкова И. А.²

¹ *Московский государственный областной университет*

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

² *Институт научной информации по общественным наукам РАН*

117418, г. Москва, Нахимовский пр-д. 51/21, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотреть состояние, новые горизонты и перспективы развития института социально-экономических прав граждан, создающего основу российской модели социального государства.

Процедура и методы. Исследованы поправки 2020 г. в Конституцию России посредством использования общенаучных и частнонаучных методов исследования.

Результаты. Авторы обращают внимание на то, что имеется положительная тенденция в осуществлении системы мер и мероприятий, направленных на улучшение качества и уровня жизни российских граждан, характеризующаяся активной и действенной деятельностью органов, осуществляющих социальную политику. Отмечено, что новые конституционные положения, закреплённые в тексте Конституции 2020 г., являются логическим продолжением совершенствования российской модели социальной политики. Перспективы её развития зависят от того, будет ли обеспеченность социально-экономических прав иметь постоянно действующий характер или их горизонт будет лишь видимым.

Теоретическая и/или практическая значимость. Сформулированные выводы имеют теоретическое и прикладное значение для совершенствования социальной политики государства.

Ключевые слова: социальное государство, социальное партнёрство, социальное обеспечение, социально-экономические права граждан, социальные гарантии, социальная политика

SOCIAL AND SOCIO-ECONOMIC GUARANTEES IN THE 2020 AMENDMENTS TO THE RUSSIAN CONSTITUTION: NEW HORIZONS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

S. Glotov¹, I. Aleshkova²

¹ *Moscow Region State University*

ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

² *Institute of Scientific Information of Social Sciences*

Nakhimovskiy prospect 51/21, Moscow 117418, Russian Federation

Abstract

Aim. To consider the state, new horizons and prospects for the development of the institution of socio-economic rights of citizens, which forms the basis of the Russian model of the welfare state.

Methodology. The 2020 amendments to the Constitution of Russia were studied through the use of general scientific and particular scientific research methods.

Results. The authors draw attention to the fact that there is a positive trend in the implementation of a system of measures and activities aimed at improving the quality and standard of living of Russian citizens, characterized by active and efficient activities of the bodies implementing social policy. It is noted that the new constitutional provisions enshrined in the text of the Constitution of 2020 are a logical continuation of the improvement of the Russian model of social policy. The prospects for its development depend on whether the provision of socio-economic rights will have a permanent character or their horizon will be only visible.

Research implications. The formulated conclusions are of theoretical and applied importance for improving the social policy of the state.

Keywords: welfare state, social partnership, social security, socio-economic rights of citizens, social guarantees, social policy

Введение

Социальная политика, проводимая в современный период Российским государством, направлена на обеспечение благополучия граждан, совершенствование социальных услуг и реализацию социальной поддержки, социальной помощи определённым категориям граждан.

Правовую основу российской социальной политики составляют как классические, так и новаторские конституционные принципы, конкретизированные в различных нормативных правовых актах. В числе классических принципов, составляющих основу российской модели социального государства, следует выделить принципы: государственной охраны труда и здоровья; гарантированности государственных пенсий и пособий; обеспеченности государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства; поддержки социально незащищённых категорий населения и др. Как справедливо отмечал В. Е. Чиркин, «совокупность таких принципов, основных socioэкономических положений, конституционных институтов, регулирующих главные socioэкономические отношения, создают определённую socioэкономическую парадигму (модель) для отдельно взятой конституции или группы сходных конституций» [14, с. 170]. В частности, для характеристики социального государства

важно, по мнению В. Е. Чиркина, учитывать юридические и фактические индикаторы [13, с. 28].

Представляется, что одним из правовых инструментов, позволяющим рассмотреть сформировавшуюся модель социального государства и её действенность, является институт социально-экономических прав.

Современное состояние института социально-экономических прав граждан

В 2020 г. в ходе общенародного голосования российские граждане высказались за принятие поправок в Конституцию Российской Федерации, которые 4 июля 2020 г. вступили в силу¹. Реформа коснулась многих сторон государственного строительства, экономики и социальной жизни [1, с. 7]. Существенная часть из них напрямую касается трудовых, социальных и социально-экономических прав и является логическим продолжением ст. 7 Конституции РФ о социальном государстве.

Условно их можно разделить, исходя из их направленности, на 3 группы.

¹ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

I группа: труд, занятость, предпринимательство, зарплата. В неё можно включить поправки 2020 г., указанные в пп. 9–10, 12–14, а также ряд других из обновлённой редакции ст. 114 (полномочия Правительства России). Среди них: обеспечение господдержки научно-технического развития России, развития её научного потенциала (п. «в¹.1» ст. 114); содействие развитию предпринимательства и частной инициативы (п. «е³.1» ст. 114); обеспечение реализации принципов социального партнёрства в сфере трудовых отношений (п. «е⁴.1» ст. 114).

II группа: социальная защита всего населения. К ней следует отнести поправки 2020 г., указанные в пп. 3–9, 12–15, а также новые положения ст. 114 об обязанностях Правительства России: проведение в стране единой социально ориентированной госполитики в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения; поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных ценностей, а также в области охраны окружающей среды (п. «в.1» ст. 114); поддержка институтов гражданского общества, в т. ч. НКО (п. «е¹.1» ст. 114); поддержка добровольческой (волонтерской) деятельности (п. «е².1» ст. 114); создание благоприятных условий жизнедеятельности населения (п. «е⁵.1» ст. 114).

III группа: социальная защита особо уязвимых групп населения: детей, инвалидов, пенсионеров и т. д. К ней относятся пп. 1–2, 5, 7–9, 11, а также новое положение ст. 114 о Правительстве России: обеспечение функционирования современной системы социальной защиты инвалидов, основанной на полном и равном осуществлении ими прав и свобод человека и гражданина (п. «в².1» ст. 114).

Приведённую систематизацию поправок 2020 г. в ходе конституционной реформы, конечно, нельзя считать идеальной. Однако, по мнению авторов, она даёт более «рельефное» (обобщённое) представление о состоянии и направлениях развития социальной сферы нашей страны.

В определённой мере это соответствует и положению Стратегии национальной безопасности Российской Федерации¹, в т. ч. в части, касающейся долгосрочных тенденций развития ситуации в современной России (пп. 25–26, 29–30, 32–33 Стратегии).

К такой долгосрочной тенденции п. 25.1 Стратегии относит «сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан», что теперь является нормой-целью новой ст. 75.1 Конституции России. Данная проблематика государственной социально-экономической политики получила развитие в пп. 29–32 Стратегии, а п. 33 фактически содержит краткий план действий по достижению целей этой политики: увеличение реальных доходов населения; сокращение числа малообеспеченных граждан; повышение качества социальных услуг; рост рождаемости; обеспечение устойчивости системы здравоохранения и т. д.

Новый горизонт социального государства: идеальное, реальное и оптимальное

Сформированные в рамках конституционной реформы 2020 г. принципы социальной и социально-экономической направленности являются новым горизонтом для российской модели социального государства. Они представляются идеальной конструкцией для устойчивого развития России как социального государства. В целом горизонт является видимым, но реален ли он, особенно в условиях международных санкций против России?

Как известно, многие из конституционных принципов были уточнены соответствующим Указом Президента России «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»². Среди

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

² Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на

них: сохранение населения, здоровье и благополучие людей; возможность для самореализации и развития талантов; комфортабельная и безопасная среда для жизни. В отмеченном Указе также установлены и следующие целевые показатели, характеризующие содержание национальных целей-2030: повышение продолжительности жизни до 78 лет; вхождение России в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования; формирование эффективной системы выявления и поддержки способных детей и молодежи; увеличение доли граждан, занимающихся волонтерской деятельностью, до 15%; улучшение качества городской среды в 1,5 раза; увеличение доли занятых в сфере малого и среднего бизнеса, а также индивидуальных предпринимателей и самозанятых до 25 млн чел.; увеличение доли домохозяйств, которым доступны информационно-коммуникационные технологии и широкополосный интернет, до 97%, и т. д.

Как видим, речь идет о конкретных индикационных показателях эффективной социальной и социально-экономической политики государства, направленной на повышение количественных и качественных характеристик жизни граждан.

Отмечая тенденцию развития мер социальной направленности, следует подчеркнуть, что за основу выбрана оптимальная модель.

В частности, Российское государство в значительной мере (под воздействием COVID-19, санкций и т. д.) осуществляет серьезный разворот в сторону активной и действенной социальной политики, которая сегодня реализуется посредством использования новых цифровых технологий.

В ноябре 2022 г. правительство России направило на ежемесячные выплаты нуждающимся семьям с детьми от 8 до 17 лет дополнительно 27,5 млрд руб. Цель – свести к минимуму угрозу бедности российских семей. В зависимости от ситуации в семье, размер пособия составляет 50%, 75%

период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.

или 100% регионального прожиточного минимума на ребенка (от 6 до 13,5 тыс. руб.). Обсуждается вопрос единого пособия на детей от рождения до 17 лет. Он будет введен с 1 января 2023 г.¹

В среднем максимальный размер пособия составляет 13 тыс. руб.

Программа материнского капитала в РФ продлена до 2026 г. Его размер в 2007 г. составлял 250 тыс. руб., в 2011 г. – 365,69 тыс., в 2015 г. – 453,02 тыс., в 2020 г. – 466,61 тыс., в 2022 г. – 524,52 тыс. и 590 тыс. руб. в 2023 г. за первого ребенка. За второго ребенка в 2020 г. – 616,61 тыс. руб., в 2021 г. – 639,43 тыс., в 2022 г. – 693,14 тыс. и в 2023 г. – 780 тыс. руб.

Материнский капитал стал действительно одной из самых эффективных и полезных для многих семей современных социальных технологий.

В 2023 г., по данным того же Минтруда, МРОТ вырастет по сравнению с 2022 г. на 16,8%, а прожиточный минимум на 13,6%. Повышение прожиточного минимума напрямую затрагивает интересы 15 млн чел., в т. ч. семьи с детьми, пожилых людей, которые получают социальные доплаты к пенсии².

С 2020 г. введены ежемесячные пособия на детей в возрасте от 3 до 8 лет, а с 1 июля 2021 г. поддержку от государства получили ещё 2 категории граждан: будущие матери и одинокие родители, воспитывающие детей в возрасте от 8 до 17 лет. А с 1 апреля 2022 г. ежемесячную помощь стали получать все нуждающиеся семьи, воспитывающие детей от 8 до 17 лет [10, с. 4–6].

По данным Минфина России, «детский бюджет» в 2020 г. составлял 0,95 трлн руб., в 2021 г. – 1,5 трлн, в 2022 г. – 1,7 трлн, в 2023 г. – 2,7 трлн руб. (план).

Это и поддержка значительной части населения (а не только отдельных социальных групп), в т. ч. семей с детьми до 17 лет,

¹ Кузьмин В. В адрес семьи // Российская газета. 2022. 11 ноября.

² Интервью с Министром труда и социальной защиты населения России А. Котяковым // Российская газета. 2022. 10 ноября.

увеличение сумм выплат по материнскому капиталу, поддержка сферы труда и т. д.

Минтруд предлагает потратить на поддержку рынка труда 27 млрд руб. Эти средства пойдут на реализацию ряда госпрограмм, предполагающих, в частности, организацию временных общественных работ и профессиональное переобучение. Госпрограммы рассчитаны на 383 тыс. чел. На первом этапе они охватят 176 тыс. чел. Из них 123 тыс. займутся временными работами, 40 тыс. – общественными, а 12 тыс. смогут пройти курсы переобучения.

Вместе с тем следует отметить, что остаются и нерешённые проблемы. Одной из них является уровень безработицы, который продолжает держаться на низких отметках. Несмотря на то, что стабильность на рынке труда подтверждается возросшей активностью работодателей, объявляющих о вакансиях (активность, по данным сервиса «Работа.ру», выросла на 10%), активность соискателей сократилась на 6%. Во втором квартале 2022 г. самая высокая доля неформальной активности наблюдалась в Ингушетии (56,6%), Дагестане (48,6%) и Чечне (45,4%), а самая низкая – в Чукотском АО (1%), Москве (3%) и Санкт-Петербурге (6,7%)¹.

По-прежнему в сложном положении в стране находится малый и средний бизнес (МСП), который призван активно решать проблемы поддержания и создания новых рабочих мест. Однако ситуация, конечно, не столь драматична, как в период COVID-19 и режима самоизоляции (апрель 2020 – апрель 2021), который затронул 3/4 субъектов МСП.

В марте – апреле 2021 г. падение выручки в этом сегменте экономической деятельности составило 90%, могли быть полностью закрыты более 10% всех предприятий МСП с несколькими миллионами работающих. Со стороны Правительства России были предприняты шаги, направленные на поддержку наиболее пострадавших отраслей. В т. ч. вводились: отсрочка платежа в уплате налогов и страховых взносов, сни-

жение таких взносов; отсрочки и реструктуризация кредитов, кредитных каникулы для ИЧП; безвозмездная финансовая помощь и бесплатные кредиты на выплаты заработной платы; был введён мораторий на налоговые проверки.

И хотя господдержка носила ограниченный характер, в целом ситуация стала выравниваться после сокращения субъектов МСП к 2021 г. на 4,2%, в том же 2021 г. их число выросло на 0,5%, что отразилось на занятости населения². Значительный рост наблюдался среди самозанятых, число которых в 2022 г. составило 5 млн чел. из потенциально 16 млн граждан, которые могут участвовать в самостоятельной деятельности на привлекательных условиях налогообложения [3, с. 98].

Имеются проблемы с трудовой миграцией – в 2022 г. из 9 млн въехавших в Российскую Федерацию патент оформил только каждый шестой. Но и эта проблема³ также имеет своё решение.

Серьёзным вызовом государственной социально-экономической политики и лично почти каждого были и остаются обязательные платежи населения и взносы. За минувшие почти 10 лет их доля в структуре доходов населения России выросла, приблизилась к 14%. С 2013 по 2020 гг. денежные доходы населения увеличилось примерно на 44%, а затраты на обязательные платежи и взносы выросли более чем в 1,5 раза – на 61%, в потребительских расходах домохозяйств на жилищные услуги – воду, электричество, газ и другие виды топлива в 2013 г. приходилось 10,5%, в 2020 г. – 11,4%, в 2022 г. – 11%. Это немало⁴.

Таким образом, очевидно, что социальные права имеют не только эволюционный характер, который подчёркивается

¹ Вьюжтович В. Занятость поддержат рублём // Российская газета. 2022. 28 окт.

² Малый и средний бизнес в регионах России: тренды, драйверы и антикризисная политика: национальный доклад. М: РАНХиГС: АИРР: Интерфакс, 2022. С. 54.

³ Трифонова Е. Для миллиона гастарбайтеров Россия стала «серой зоной» // Независимая газета. 2022. 27 окт.

⁴ Башкирова А. Каждый седьмой рубль идёт на обязательные платежи // Независимая газета. 2022. 9 нояб.

многими учёными и практиками [5, с. 5–9; 9, с. 37–42; 11, с. 23–26; 12, с. 3–10], но и их действенность зависит от совокупности социальных и социально-экономических факторов. Одним из инструментов в этом вопросе являются публичные финансы [2, с. 76–85]. В этой связи важным представляется решение проблемы социальных стандартов и их финансовой основы [7, с. 76–85].

Полностью разделяем позицию О. С. Забраловой, что «государство должно искать золотую середину между либеральной и патерналистской моделью» [4, с. 21–31], а также учитывать возможности использования искусственного интеллекта, направленного на повышение качества услуг в социальной сфере [8, с. 19–31]. Ведь задача вполне ясная – обеспечение достойного и качественного жизненного уровня граждан Российской Федерации.

Заключение

В целом многие учёные и практики отмечают, что в сложносоставной структуре социального права происходит про-

гресс, ибо развитие социальной политики идёт устойчиво и планомерно. Социально значимые сферы – труд, занятость, предпринимательство, социальная защита и др. – обеспечены надёжными конституционными гарантиями. При этом, как отмечал О. Е. Кутафин, в понимании социального государства, вкладываемом в него Конституцией РФ, важно стремиться к максимально возможному равномерному содействию благоу всех граждан и к максимально возможному равномерному распределению жизненных тягот [6, с. 170].

На этом пути Российской Федерации предстоит ещё немало сделать, но перемены есть, в т. ч. и под воздействием социальных поправок 2020 г. в Конституцию РФ. Важно, чтобы эти положительные тенденции обрели постоянно действующий характер. Сама же формула социального государства теперь имеется не только в ст. 7 и гл. 2 Конституции России, но и ст. 75.1 и ряде других.

Статья поступила в редакцию 26.08.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авакьян С. А. Конституционная реформа 2020 и российский парламентаризм: реальность, ожидания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 3. С. 7–33.
2. Антонова Н. В., Еремина О. Ю. Социальные функции государства: новые векторы развития // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 89–102.
3. Глотов С. А., Куркина Н. В., Глотова Л. С. Самозанятость в современной России. Состояние и перспективы развития. Правовые и социально-экономические аспекты: учебное пособие. М.: Белый ветер, 2021. 194 с.
4. Забралова О. С. Социальное государство: понятие, сущность и виды // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 6. С. 21–31.
5. Колотова Н. В. Конституционализация социальных прав – тенденция развития современного права // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 1. С. 5–9.
6. Кутафин О. Е. Избранные труды. Т. 7: Российский конституционализм. М.: Проспект, 2011. 541 с.
7. Омелехина Н. В. Обеспечительная функция публичных финансов в контексте конституционных принципов социального государства // Журнал российского права. 2021. № 8. С. 76–85.
8. Певцова Е. А. Влияние искусственного интеллекта на правовую деятельность человека // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 19–31.
9. Путило Н. В. Европейская социальная хартия и иные акты о социальных правах человека и гражданина: некоторые вопросы соотношения // Социальное и пенсионное право. 2022. № 1. С. 37–42.
10. Социальная политика государства: российская и зарубежная практика / С. А. Глотов, А. Л. Журавлёв, М. Г. Ращупкина, К. А. Синяева, Л. М. Терентий. М., 2020. 278 с.
11. Степанова А. А. К вопросу о социальном государстве в России // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 23–26.

12. Умнова-Конюхова И. А. Конституционные основы российского социального права: состояние и перспективы формирования // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 10. С. 3–10.
13. Чиркин В. Е. Конституция и социальное государство: юридические и фактические индикаторы // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 24–37.
14. Чиркин В. Е. Социально-экономические положения Конституции: новое регулирование и изучение в курсе конституционного права // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 170–176.

REFERENCES

1. Avakyan S. A. [Constitutional reform 2020 and Russian parliamentarism: reality, decisions, expectations]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence], 2020, no. 3, pp. 7–33.
2. Antonova N. V., Eremina O. Yu. [Social functions of the state: new vectors of development]. In: *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian law], 2020, no. 12, pp. 89–102.
3. Glotov S. A., Kurkina N. V., Glotova L. S. *Samozanyatost v sovremennoy Rossii. Sostoyaniye i perspektivy razvitiya. Pravovyye i sotsialno-ekonomicheskiye aspekty* [Self-employment in modern Russia. Status and development prospects. Legal and socio-economic aspects]. Moscow, Belyy veter Publ., 2021. 194 p.
4. Zabalova O. S. [Social state: concept, essence and types]. In: *Aktualnyye problemy rossiyskogo prava* [Actual problems of Russian law], 2022, no. 6, pp. 21–31.
5. Kolotova N. V. [Constitutionalization of social rights - a trend in the development of modern law]. In: *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo* [Constitutional and municipal law], 2019, no. 1, pp. 5–9.
6. Kutafin O. E. *Izbrannyye trudy. T. 7: Rossiyskiy konstitutsionalizm* [Selected Works. Vol. 7: Russian constitutionalism]. Moscow, Prospekt Publ., 2011. 541 p.
7. Omelekhin N. V. [The provision of public finance in the context of the constitutional principles of the social state]. In: *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian law], 2021, no. 8, pp. 76–85.
8. Pevtsova E. A. [The impact of artificial intelligence on human legal activity]. In: *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian law], 2020, no. 9, pp. 19–31.
9. Putilo N. V. [European Social Charter and other acts on the social rights of man and citizen: some issues of correlation]. In: *Sotsialnoye i pensionnoye pravo* [Social and pension law], 2022, no. 1, pp. 37–42.
10. Glotov S. A., Zhuravlev A. L., Rashchupkina M. G., Sinyaeva K. A., Terenty L. M. *Sotsialnaya politika gosudarstva: rossiyskaya i zarubezhnaya praktika* [Social policy of the state: Russian and foreign practice]. Moscow, 2020. 278 p.
11. Stepanova A. A. [On the question of the social state in Russia]. In: *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo* [Constitutional and municipal law], 2021, no. 1, pp. 23–26.
12. Umnova-Konyukhova I. A. [Constitutional foundations of Russian social law: state and prospects for formation]. In: *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo* [Constitutional and municipal law], 2022, no. 10, pp. 3–10.
13. Chirkin V. E. [The Constitution and the social state: legal and factual indicators]. In: *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian law], 2008, no. 12, pp. 24–37.
14. Chirkin V. E. [Socio-economic provisions of the Constitution: new regulation and study in the course of constitutional law]. In: *Aktualnyye problemy rossiyskogo prava* [Actual problems of Russian law], 2018, no. 10, pp. 170–176.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Глотов Сергей Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий учебно-научной лабораторией проблем развития современного права Московского государственного областного университета, заведующий кафедрой международного права Международного юридического института; e-mail: glotov_rgsu@mail.ru

Алешкова Ирина Александровна – кандидат юридических наук, доцент, заведующая сектором НБИ по социальным наукам Института научной информации по общественным наукам РАН; e-mail: ialeshkova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey S. Glotov – Dr. Sci. (Law), Prof., Head of the Educational and Scientific Laboratory for Problems of the Development of Modern Law, Moscow Region State University, Departmentally Head, Department of International Law, International Law Institute;
e-mail: glotov_rgsu@mail.ru

Irina A. Aleshkova – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Head of the Social Sciences Sector of the NBI INION RAS;
e-mail: ialeshkova@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Глотов С. А., Алешкова И. А. Социальные и социально-экономические гарантии в поправках 2020 года в Конституцию России: новые горизонты и перспективы развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 4. С. 57–64.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-57-64

FOR CITATION

Glotov S. S., Aleshkova I. A. Social and Socio-Economic Guarantees in the 2020 Amendments to the Russian Constitution: New Horizons and Development Prospects. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2022, no. 4, pp. 57–64.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-57-64

УДК. 347.97

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-65-72

О МОДЕЛЯХ УПРАВЛЕНИЯ СУДАМИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЕ И СРАВНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Джиоев С. Х.

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина
125933, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Анализ китайской модели управления судами.

Процедура и методы. В процессе исследования применялись методы анализа, сравнительно-правовой, системный, формально-юридический.

Результаты. Китайская модель прежде характеризовалась как модель внешнего управления судами. На основе анализа отечественных и зарубежных директивных и литературных источников в статье показано появление за последнее десятилетие в КНР новых элементов судебного самоуправления. Изменения китайского законодательства и юридической практики привели к трансформации типа судебного управления – на современном этапе модель судебного управления в КНР может быть охарактеризована как модель раздельного управления судами.

Теоретическая и/или практическая значимость. Российской науке, по справедливому мнению современных российских правоведов, необходимо тщательно следить за развитием законодательной системы КНР и проводить её масштабные компаративистские исследования для возможного использования прогрессивного китайского опыта в научной и практической деятельности. В некоторых публикациях последнего времени подчёркивается необходимость для России общего видения восточных проблем и их обсуждения в рамках научных конференций.

Ключевые слова: Российская Федерация, Китайская Народная Республика, Верховный народный суд КНР, министерство юстиции КНР, судебная система, судейское сообщество, основные типы (модели) управления судами, модель внешнего управления судами, модель раздельного управления судами

ON COURT MANAGEMENT MODELS: RETROSPECTIVE AND COMPARATIVE ASPECTS

S. Dzhioev

Kutafin Moscow State Law University
ul. Sadovaya-Kudrinskaya 9, Moscow 125933, Russian Federation

Abstract

Aim. Analysis of the Chinese model of court management.

Methodology. In the process of research, methods of analysis, comparative legal, systematic, formal legal, were used.

Results. Formerly the Chinese model has been characterized as a model of external management of courts. Based on the analysis of domestic and foreign directive and literary sources, the article shows the appearance of new elements of judicial self-government in the PRC over the past decade. It seems that changes in Chinese legislation and legal practice have led to a transformation in the type of judicial administration – at the present stage, the model of judicial administration in the PRC can be characterized as a model of separate administration of courts.

Research implications. Russian science, according to the fair opinion of modern Russian jurists, needs to carefully monitor the development of the legislative system of the PRC and conduct its large-scale comparative studies for the possible use of progressive Chinese experience in scientific and practical activities. Some recent publications emphasize the need for Russia to have a common vision of Eastern problems and discuss them at scientific conferences.

Keywords: the Russian Federation, the People's Republic of China, Supreme People's Court of the PRC, Ministry of Justice of the PRC, judicial system, judicial community, main types (models) of court management, model of external court management, model of separate court management

Введение

В российских правовых исследованиях в зависимости от того, как разделена функция управления судами между органами исполнительной власти (прежде всего министерствами юстиции), судами и органами судейского сообщества, выделяются следующие основные модели (типы) управления судами:

1. *Модель внутрисистемного управления.* Административная функция осуществляется в рамках судебной ветви власти, принадлежит самой судебной организации, а органы судейского самоуправления осуществляют выработку политики в указанной сфере. В рамках концепции внутрисистемного управления судами (при условии, что количество судей невелико) органы судейского сообщества могут не создаваться, что наблюдается в Японии, где в силу Конституции «вся полнота судебной власти принадлежит Верховному суду и судам низших инстанций».

2. *Модель разделённого управления.* При данной модели сохраняется присутствие органов исполнительной власти в администрировании судами, однако их полномочия скоординированы с органами судейского самоуправления в пользу придания исключительности многим полномочиям последних в сфере правового статуса судей.

3. *Модель внешнего управления судами.* Обеспечение судебных органов полностью возложено на исполнительные органы государства [3].

В Российской Федерации, отнесённой по этой классификации к первой группе, в рамках внутрисистемного управления судами были созданы органы судейского сообщества, на которые возложена ответ-

ственность за отбор кандидатов в судьи, развитие их карьеры, привлечение судей к ответственности, а также участие в администрировании судами.

Китайскую систему управления судами в 2011 г. российские исследователи рассматривали как модель внешнего управления, отмечая, что в Китайской Народной Республике (КНР) при сильной зависимости судей от партийных и государственных органов в вопросах финансирования, назначения судей и продвижения их в карьере органы судейского сообщества не создаются, а отдельные организационные функции выполняет Верховный народный суд КНР [7]. При характеристике модели внешнего управления судами отмечалось, что полное возложение на исполнительные органы государства управления судами «противоречит идее независимости и самостоятельности судебной власти» [4].

Анализ эволюционирования китайской правовой системы за последнее десятилетие

Последнее десятилетие ознаменовалось бурным развитием китайской правовой системы. В 2018 г. были внесены масштабные изменения в Конституцию КНР, серьёзно обновлено действующее китайское законодательство во многих сферах правового регулирования. Как подчёркивалось в Докладе на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая (КПК): «Великие преобразования, произошедшие за последние 10 лет, являются важными вехами в истории КПК, истории Нового Китая, истории реформ и открытости, истории развития социализма и истории развития китайской нации ...

Мы интенсивно продвигали строительство социалистического правового государства, сформировали общую архитектуру всестороннего управления государством на правовой основе, ускорили процесс создания социалистической правовой системы с китайской спецификой и добились значительного прогресса в реформе судебной системы»¹. «Необходимо в полной мере понимать глубокий смысл и важное значение великих перемен, произошедших за последнее десятилетие новой эпохи»², подчеркнул товарищ Си Цзиньпин.

Опыт быстроразвивающихся стран, к которым относятся и КНР, показывает, что их успехи базируются на целом ряде факторов, в числе которых отсутствуют «неолиберальные рецепты», «ловушка глобализации» и «ложно понимаемые основы постиндустриализма». Наоборот, их успехи обусловлены грамотным сочетанием глобализации, опоры на национальную идентичность и собственные конкурентные преимущества, а также формированием промышленного ядра и наращиванием интеллектуального потенциала [1].

Российские исследователи китайской правовой системы также отмечают значительные изменения китайского законодательства [8]. За прошедшие 10 лет, «вслед за сменой руководства КПК в 2012 г., в стратегии развития КНР произошли существенные изменения. Центр тяжести работы партии и государства с экономической модернизации, с которой начались реформы в декабре 1978 г., постепенно был перенесён на государственное строительство и повышение эффективности государственной власти» [5].

¹ Си Цзиньпин. Высоко неся знамя социализма с китайской спецификой, сплочённо бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства: доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 16 октября 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2022-10/26/content_78486132.htm (дата обращения: 10.11.2022).

² Си Цзиньпин подчеркнул необходимость изучения, усвоения и претворения в жизнь духа XX съезда КПК [Электронный ресурс]. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2022-10/26/content_78487270.htm (дата обращения: 10.11.2022).

Современное государство китайцам удалось сформировать фактически только к 2000-м гг., использовав все существующие наработки, в т. ч. и СССР, создав модель прагматично ограниченного социального государства с китайской спецификой на основе существующего мирового и китайского опыта. Заимствовал наработки западных стран, Японии, Республики Корея, Тайваня и Сингапура, Китай фактически построил *эklekтично-синкретичную модель*, приспособленную к конкретным условиям развития страны и ориентированную на экономический успех с опорой на внешние рынки. Дальнейшее продолжение политической модернизации на основе предоставления более открытого и справедливого социально-политического доступа не гарантировано, в виду чего политический опыт Китая может быть применён в ограниченных формах в отдельных странах для уменьшения бедности и строительства стратегической инфраструктуры [6].

Вместе с тем российской науке, по справедливому мнению П. В. Трощинского, необходимо тщательно следить за развитием законодательной системы КНР и проводить её масштабные компаративистские исследования для возможного осторожного использования прогрессивного китайского опыта в своей научной и практической деятельности [8].

В некоторых публикациях последнего времени подчёркивается необходимость для России общего видения восточных проблем, предлагается «создать первую конференцию по юридическим проблемам стран Востока» [2].

Судебные преобразования в КНР

Внимательный анализ практической деятельности по реализации судебных преобразований в Китае показывает, что со временем высшие суды КНР стали осуществлять всё больше полномочий в сфере судебного управления.

Так, с 2013 по 2016 гг. Верховный народный суд КНР реформировал систему отбора и назначения судей, улучшил си-

стему управления судебным персоналом, способствовал установлению разрядов должностей для судей и соответствующего определения их вознаграждения, чтобы «повысить у судей чувство чести и призвания к своей профессии». Высшие народные суды провинциального уровня во всех регионах научно установили «квоты судей для судов 3 уровней в зависимости от количества рассмотренных дел, ситуации экономического и социального развития, количества населения и других основных данных о местах, где суды расположены, принимая во внимание уровень судебного разбирательства и функции судов, загруженность судей, укомплектованность вспомогательным судебным персоналом и другие факторы, и динамически корректируют судебные квоты в соответствии с изменениями количества дел и кадрового состава»¹.

Как видно из раздела IX «Улучшение упорядочения, специализации и профессионализации судебных кадров» Белой книги (документ Китайской академии информационных и коммуникационных технологий – САICT), уже к 2016 г. Верховный народный суд (совместно с соответствующими департаментами Центрального правительства) разработал пилотные программы реформы отдельных званий судей и системы оплаты труда судей, пилотную программу по реформированию должностей помощников судей и судебных клерков, усовершенствовал методы набора помощников судей. Совместно с соответствующими департаментами Центрального правительства Верховный народный суд также опубликовал документы, запрещающие сотрудникам судебных органов «вступать в 6 видов контактов или сношений с тяжущимися сторонами, юристами, особо связанными со сторонами или посредниками». А, к примеру, Высший народный суд Цзянсу

«энергично продвинул» реформу системы делопроизводства, «сформулировал стандарты рангов служащих и меры по обучению и оценке служащих, должным образом определил должности, количество и обязанности служащих»².

Следует отметить активность не только Верховного суда КНР, но и высших судов провинций, которые весьма успешно взаимодействуют при осуществлении судебных функций с административными органами. Так, в Белой книге Высшего народного суда Гуйчжоу (2022) указано, что за последние 3 года суды в провинции «активно расширили свои судебные функции, углубили связь между правительством и судом и ускорили построение правительства, руководствующегося верховенством закона»³. В 2022 г. к опыту издания Белых книг с отчётами о взаимодействии с административными органами стали прибегать также некоторые районные суды⁴.

В соответствии со ст. 3 Конституции КНР⁵ «все административные органы, судебные органы и органы прокуратуры государства формируются собраниями народных представителей, ответственны перед ними и им подконтрольны. Разграничение полномочий центральных и местных государственных органов проводится по принципу всемерного развития инициативы и активности на местах при

¹ Судебная реформа в Китае (2013–2016 гг. Белые книги, март 2017 г.). Ч. 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/p/court-reform-in-china-2013-2016-march-2017-1> (дата обращения: 10.11.2022).

² Судебная реформа в Китае (2013–2016 гг. Белые книги, март 2017 г.). Ч. 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/p/court-reform-in-china-2013-2016-march-2017-1> (дата обращения: 10.11.2022).

³ Высший народный суд Гуйчжоу опубликовал «Белую книгу» по административным судебным разбирательствам на 2019–2021 гг. Дела правительства: Народный суд промежуточной инстанции Цяньдуннань [Электронный ресурс]. URL: https://m.thepaper.cn/baijiahao_19289170/ (дата обращения: 10.11.2022).

⁴ Районный суд Бэйдайхэ издал «белую книгу» для административных процессов в 2021 году. Дела правительства: Суд промежуточной инстанции [Электронный ресурс]. URL: https://m.thepaper.cn/baijiahao_19736393/ (дата обращения: 10.11.2022).

⁵ Конституция Китайской Народной Республики (в редакции 2018 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (дата обращения: 10.11.2022).

едином руководстве центра». Согласно ст. 131 Конституции КНР: «Народные суды в пределах, установленных законом, осуществляют правосудие самостоятельно, без вмешательства со стороны административных органов, общественных организаций и частных лиц».

В 2018 г. в соответствии с Решением Центрального Комитета (ЦК) КПК «Об углублении реформы партийно-государственных учреждений и Плана дальнейшего реформирования партийно-государственных учреждений», принятому на 3-м пленуме ЦК КПК 19-го созыва, и Государственным планом институциональной реформы Совета, утверждённым первой сессией Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) 13-го созыва, на официальном сайте обнародованы следующие функции Министерства юстиции:

– Министерство юстиции КНР входит в состав Государственного совета и является органом на уровне министерства;

– Аппарат Комиссии по всеобщему правовому управлению ЦК КПК находится в Министерстве юстиции;

– миссия Министерства юстиции заключается в реализации принципов, политики и механизмов принятия решений ЦК КПК для всеобщего правового управления. В ходе выполнения своих обязанностей министерство придерживается и укрепляет централизованное и единое руководство партии над всеобъемлющим верховенством закона¹.

Указаны также основные обязанности Министерства юстиции КНР, связанные со сферой судебного управления:

– построение правового управления, руководство и надзор за административным пересмотром и административным реагированием по всей стране, а также проведением административного пересмотра и рассмотрением судебных дел;

¹ Ministry of Justice of the People's Republic of China [Электронный ресурс]. URL: http://en.moj.gov.cn/2019-06/20/c_383604.htm (дата обращения: 10.11.2022).

– планировать строительство правового общества; формулировать планы гласности и просвещения о верховенстве закона; осуществлять гласность для популяризации закона и организовывать пропаганду верховенства закона; направлять управление и обеспечение верховенства закона; осуществлять подбор, назначение и руководство народными и присяжными заседателями; способствовать строительству судебных учреждений;

– разрабатывать план строительства системы публичной юридической службы и руководить его реализацией; координировать и организовывать городские, сельские и районные ресурсы юридической службы; направлять и контролировать юристов, юридическую помощь, судебную оценку, нотариальные и арбитражные услуги, а также юридические услуги на низовом уровне;

– организовывать и проводить национальный единый юридический профессиональный квалификационный экзамен;

– планировать, координировать и направлять создание команд юристов и судебной системы; помогать провинциям, автономным районам и муниципалитетам в управлении ведущими должностными лицами их судебного ведомства².

Как видим, полномочия органа юстиции отчасти скоординированы с полномочиями судебных органов.

Судейское самоуправление в Китае

Закон КНР о судьях³ был принят на 12-ом заседании Постоянного комитета (ПК) ВСНП 9-го созыва 28 февраля 1995 г., последние поправки в него были внесены на 10-ом заседании ПК ВСНП 13-го созыва 23 апреля 2019 г.

² Ministry of Justice of the People's Republic of China [Электронный ресурс]. URL: http://en.moj.gov.cn/2019-06/20/c_383604.htm (дата обращения: 10.11.2022).

³ Информационный центр Всекитайского собрания народных представителей [Электронный ресурс]. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2019-04/23/content_2086082.htm (дата обращения: 10.11.2022).

В последней редакции этого закона можно обнаружить нормы, закрепляющие отдельные *элементы* судейского самоуправления. Так, ст. 16 закрепляет, что провинции, автономные районы и муниципалитеты, непосредственно подчиняющиеся Центральному правительству, должны создавать комиссии по отбору судей, которые будут отвечать за проверку профессиональной компетентности кандидатов на первоначальные должности судей. В состав комиссии по отбору судей провинциального уровня должны входить представители местных народных судов различных уровней, другой персонал, занимающийся юридической профессией, и представители соответствующих партий, из которых не менее 1/3 судей являются представителями судов. Ежедневная работа провинциальной комиссии по отбору судей осуществляется внутренними функциональными подразделениями Высшего народного суда. Для отбора судей Верховного народного суда КНР должна быть создана комиссия по отбору судей Верховного народного суда, которая будет отвечать за проверку профессиональной компетентности судей.

В соответствии со ст. 48 этого же закона Верховный народный суд КНР, а также провинции, автономные районы и муниципалитеты, непосредственно подчиняющиеся Центральному правительству, создают дисциплинарные комиссии для судей, которые рассматривают и определяют с профессиональной точки зрения, нарушили ли судьи свои судебные обязанности, представляют заключения о проверке преднамеренных нарушений обязанностей, грубой халатности, общей халатности или об отсутствии нарушений со стороны судей. После того как дисциплинарная комиссия представит свои заключения, народный суд должен принять решение о том, следует ли наказывать судью. Дисциплинарная комиссия состоит из представителей судов, другого персонала, занятого в юридической профессии, и представителей соответствующих сторон, из которых не менее половины являются представителями судов.

Повседневная работа Дисциплинарной комиссии Верховного народного суда и Дисциплинарных комиссий судов провинций обеспечивается внутренними функциональными подразделениями соответствующих народных судов.

Такие комиссии – это постоянно действующие органы *сложной* правовой природы, поскольку они, являясь межведомственными публично-правовыми образованиями, осуществляют государственно-властные полномочия разных ведомств. Вместе с тем деятельность этих комиссий в основном направлена на реализацию интересов судейского корпуса.

При выяснении судейским сообществом собственной идентичности в межличностном общении и сопоставлении с политическим сообществом («политическим кругом») китайские исследователи используют термин «судебный круг» – «司法界»¹. Основываясь на философии судебного прагматизма, на тезисе о том, что право *инструментально* и зависит от фактической необходимости, судьи как члены юридического профессионального сообщества должны «не только механически использовать правовые положения, но и понимать принципы их сочетания с общественными отношениями, взаимосвязь между судебной сдержанностью и судебным динамизмом, правовым и социальным существованием, процессуальной и материальной справедливостью в контексте социалистической системы верховенства права с китайской спецификой, чтобы добиться научной организации судебного процесса»².

¹ Цзян Цзэн. О зарождении и эволюции судейского сообщества в современном Китае // Закон NTU. 2021 [сайт]. URL: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2021&filename=NJFL202103009&uniplatform=NZKPT&v=GLE05kGjApQUKPPfwXcCFUG4VcKLVpeXjqgPg1hkY6kihwCLkoJHUEzRoLZRCY> (дата обращения: 10.11.2022).

² Лю Хуэй. О судебной точке зрения Холмса: дис. Хэйлунцзянский университет, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?filename=1020095567.nh&dbcode=CMFD&dbname=CMFD2021&v=PKgHh8lwrwn1oBfPrcGWEg7eyO0wUwVh7FCEDVHMFNobt7j4hPgRz7t1VcrZ2-1> (дата обращения: 10.11.2022).

Заключение

Верховный народный суд КНР (единолично или, чаще, совместно с соответствующими департаментами Центрального правительства) участвует в работе по управлению в судебной сфере. Он имеет «очень широкий круг полномочий, играет одну из ведущих ролей в государственной системе по координации работы всей судебной системы»¹. В качестве примера расширения полномочий этого суда может быть названо Решение № 42 ПК ВСНП от 28.12.2019 «О наделении Верховного народного суда КНР полномочиями провести пилотную реформу разделения сложных и простых гражданских процедур в некоторых регионах», вступившее в силу 29.12.2019². Комиссии по отбору судей и

судейские дисциплинарные комиссии при наличии политической воли могут стать прообразами органов судейского сообщества, которые, однако, не являются (как уже отмечалось на примере японской модели управления судами) обязательными элементами модели раздельного управления судами.

Как мы видим, изменения китайского законодательства и юридической практики последнего десятилетия привели к трансформации модели (типа) судебного управления – на современном этапе модель судебного управления в КНР может быть охарактеризована как модель раздельного управления судами.

Статья поступила в редакцию 07.09.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирюков А. В. Опыт Китая: уроки для России в XXI веке // Экономические стратегии. 2013. № 5. С. 6–15.
2. Богатуров А. Д. Россия была и остаётся европейской страной, что не мешает ей поворачиваться больше к Азии // Закон. 2022. № 8. С. 8–12.
3. Бурдина Е. В. Правовая природа, организация и деятельность органов судейского сообщества в судебной системе России: дис. ... док. юрид. наук. М., 2016. 537 с.
4. Бурдина Е. В. Типология органов судейского сообщества в Российской Федерации и зарубежных странах // Российское правосудие. 2014. № 6. С. 51–61.
5. Виноградов А. В. Заключительная сессия ВСНП 13-го созыва и некоторые итоги государственного строительства за 10 лет // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 4. С. 7–21.
6. Воскресенский А. Д. Реализация «китайской мечты» в период «эпохи Си Цзиньпина»: что ожидать России? // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 10. С. 5–16.
7. Модернизация статуса судьи: современные международные подходы / отв. ред. Т. Н. Нешатаева. М.: Норма, Инфра-М, 2011. 335 с.
8. Трощинский П. В. Законодательство // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2019–2021 / под ред. К. В. Бабаева. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2022. С. 18–38.

REFERENCES

1. Biryukov A. V. [Experience of China: lessons for Russia in the XXI century]. In: *Ekonomicheskiye strategii* [Economic strategies], 2013, no. 5, pp. 6–15.
2. Bogaturov A. D. [Russia was and remains a European country, which does not prevent it from turning more towards Asia]. In: *Zakon* [Law], 2022, no. 8, pp. 8–12.
3. Burdina E. V. *Pravovaya priroda, organizatsiya i deyatel'nost organov sudeyskogo soobshchestva v sudebnoy sisteme Rossii: dis. ... dok. yurid. nauk* [Legal nature, organization and activity of the bodies of the judicial community in the judicial system of Russia: Dr. Sci. thesis in Juridical Sciences]. Moscow, 2016. 537 p.
4. Burdina E. V. [Typology of the bodies of the judicial community in the Russian Federation and foreign countries]. In: *Rossiyskoye pravosudiye* [Russian justice], 2014, no. 6, pp. 51–61.

¹ Непейвода Н. Правосудие на кончиках пальцев: опыт КНР [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2020/5/2/pravosudie_na_konchikah_palcev_opyt_knr_83633?ysclid=la1bgwsojf46516357 (дата обращения: 10.11.2022).

² Верховный народный суд начинает пилотную реформу разделения сложного и простого гражданского процесса, издал и выпустил пилотный план реформы и меры по реализации [Электронный ресурс]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1655816119752561032&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 10.11.2022).

5. Vinogradov A. V. [The final session of the NPC of the 13th convocation and some results of state construction for 10 years]. In: *Problemy Dalnego Vostoka* [Problems of the Far East], 2022, no. 4, pp. 7–21.
6. Voskresensky A. D. [Realization of the «Chinese dream» during the «epoch of Si Jinping»: what can Russia expect?] In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World economy and international relations], 2019, vol. 63, no. 10, pp. 5–16.
7. Neshataeva T. N., ed. *Modernizatsiya statusa sudi: sovremennyye mezhdunarodnyye podkhody* [Modernization of the status of a judge: modern international approaches]. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2011. 335 p.
8. Troshchinsky P. V. [Legislation]. In: Babaeva K. V., ed. *Kitayskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kultura. 2019–2021* [People's Republic of China: politics, economics, culture. 2019–2021]. Moscow: Institut Dalnego Vostoka RAN Publ., 2022, pp. 18–38.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Джиоев Сослан Хазбиевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина;
e-mail: SHDZHIOEV@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Soslan H. Dzhioev – Dr. Sci. (Law), Prof., Department of Organization of Judicial and Prosecution and Investigation Activities, Kutafin Moscow State Law University;
e-mail: SHDZHIOEV@msal.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Джиоев С. Х. О моделях управления судами: ретроспективные и сравнительные аспекты // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 4. С. 65–72.

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-65-72

FOR CITATION

Dzhioev S. H. On Court Management Models: Retrospective and Comparative Aspects. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2022, no. 4, pp. 65–72.

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-65-72

УДК: 342.728

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-73-82

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Никитина Е. Е.

*Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
117218, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, д. 34, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить тенденции, характерные для развития законодательства субъектов Российской Федерации в сфере государственной поддержки институтов гражданского общества.

Процедура и методы. Проведён анализ регулирования государственной поддержки институтов гражданского общества законодательством субъектов Российской Федерации. В ходе работы использовались методы: диалектический, системно-структурный, формально-юридический, сравнительной правовой, аксиологический и др.

Результаты. Выявлены проблемы в развитии регионального компонента в системе действующего законодательства, регулирующего государственную поддержку институтов гражданского общества в Российской Федерации, среди которых централизация и унификация, дублирование и противоречивость норм, отсутствие комплексного подхода и учёта региональных особенностей развития гражданского общества. Обращено внимание на характерную особенность развития рассматриваемого законодательства: в нём отсутствуют отличия между правовыми формами, в которых оказывается поддержка социально ориентированным некоммерческим организациям, и формами поддержки иных институтов гражданского общества, осуществляющих свою деятельность на территории субъекта России.

Теоретическая и/или практическая значимость. Автором предложены направления совершенствования регионального законодательства в сфере государственной поддержки институтов гражданского общества. Целью регионального законодательства должны стать комплексное регулирование поддержки институтов гражданского общества, повышение прозрачности и прозрачности указанного процесса, учёт особенностей развития гражданского общества каждого региона. Предложенные меры будут способствовать укреплению доверия между региональными органами публичной власти, гражданами и их объединениями.

Ключевые слова: государственная поддержка, гражданское общество, институты гражданского общества, органы публичной власти, региональное законодательство, субъект Российской Федерации.

LEGISLATIVE REGULATION OF GOVERNMENT SUPPORT TO CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS: REGIONAL ASPECT

E. Nikitina

*The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
ul. Bolshaya Cheremushkinskaya 34, Moscow 117218, Russian Federation*

Abstract

Aim. Identification of trends specific to the development of legislation of the subjects of the Russian Federation on civil society institutions support by the state.

Methodology. The article presents the analysis of the regulation of state support provided for civil society institutions by the legislation of the subjects of the Russian Federation. In the course of the research, the following methods were used: dialectical, system-structural, formal-legal, comparative legal, axiological, etc.

Results. The main issues in the development of the regional component constituting the system of current legislation that regulates civil society institutions support by the state in the Russian Federation are revealed. Among them are: centralization and unification, duplication and inconsistency of provisions, lack of an integrated approach and consideration of regional special factors of civil society development. Attention is drawn to a characteristic feature of the development of the legislation under consideration: the absence of differences in the regulation of the system of legal forms of support between socially oriented non-profit organizations and other civil society institutions functioning on the territory of the subject of the Russian Federation.

Research implications. The author suggests ways to improve regional legislation on the state support of civil society institutions. The intended purpose of regional legislation should be a comprehensive regulation of support for civil society institutions, increasing transparency and transparency of this process, taking into account the peculiarities of civil society development in each region. The proposed measures will contribute to strengthening trust between regional public authorities, citizens and their associations.

Keywords: state support, civil society, civil society institutions, public authorities, regional legislation, subject of the Russian Federation

Введение

Развитие теории гражданского общества как категории правового государства является актуальной задачей современной науки. Постановка названной задачи обусловлена современными изменениями социума, онтологически связанными с революционным развитием технологий и их глубоким влиянием на различные сферы общественных отношений [2]. Одним из последствий названных процессов стало активное развитие в Российской Федерации законодательства об институтах гражданского общества, различных формах их взаимодействия с государством.

Важной формой взаимодействия государства и гражданского общества является поддержка его институтов и стимулирование их социально значимой деятельности. Поддержка институтов гражданского общества органами публичной власти – это комплекс мер, реализуемых государственными органами, органами федеральной территории и органами местного самоуправления, которые направлены на содействие осуществлению общественно полезной деятельности институтами гражданского общества или на их развитие.

Система законодательства, регулирующего данные вопросы, складывалась постепенно. В нормативно-правовом массиве можно выделить традиционные блоки, которые типизируются в зависимости от уровня правового регулирования: федеральный, региональный и местный. От качества и полноты федерального законодательства во многом зависят уровень зрелости российского гражданского общества, возможность реализовать гражданам и их объединениям свой потенциал, направленный на социально-экономическое развитие России. Фундаментом данной системы являются Конституция Российской Федерации и федеральные законы, которые определяют основные цели, виды, формы поддержки институтов гражданского общества государством.

Поддержка органами публичной власти гражданского общества закрепляется на уровне Конституции России в рамках регулирования полномочий Правительства Российской Федерации (пп. е¹ и е² п. 1 ст. 114). Анализируя указанные нормы, можно выделить 2 основных способа законодательного закрепления государственной поддержки:

1) институциональный способ, заключающийся в содействии развитию институтов гражданского общества, формированию инфраструктуры их поддержки;

2) функциональный способ, заключающийся в содействии отдельным видам деятельности, субъектами которой являются преимущественно институты гражданского общества, например, волонтерство [3].

Одним из первых специальных законов РФ, в котором были установлены формы государственной поддержки отдельных институтов гражданского общества, стал Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях». Нормы о государственной поддержке объединений, которые относятся к институтам гражданского общества, содержатся в целом ряде федеральных законов, которые регулируют либо конкретные сферы деятельности¹, либо отдельные формы таких организаций². Базовым федеральным законом в рассматриваемой сфере является Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (Закон о некоммерческих организациях). На основе анализа федерального законодательства в части государственной поддержки различных объединений можно выделить следующие законодательно определённые формы государственной поддержки институтов гражданского общества: экономическую, финансовую, имущественную, информационную, консультационную, методическую, организационную, включающую подготовку специалистов для указанных объединений. Наиболее полная и развитая система государственной поддержки законодательно закреплена в

отношении социально ориентированных некоммерческих организаций.

Существенная часть правовых форм государственной поддержки на федеральном уровне регулируется вне рамок федерального законодательства. Соответствующий механизм действует на основе нормативных правовых актов, принимаемых Президентом Российской Федерации, Правительством РФ и иными федеральными органами исполнительной власти. В частности, важнейшим элементом механизма, целенаправленно осуществляющим финансовую поддержку институтов гражданского общества, являются специальные фонды Президента России, порядок распределения финансовой помощи из которых урегулирован положением о грантах Президента РФ, предоставляемых на развитие гражданского общества. Правовой основой рассматриваемого механизма являются Указы Президента РФ³. В 2021 г. создан новый Президентский фонд культурных инициатив для проведения конкурсов на предоставление грантов Президента РФ на реализацию проектов в области культуры, искусства и креативных (творческих) индустрий. Через названные фонды распределяются наибольшие суммы федеральной финансовой поддержки институтов гражданского общества.

Указанный механизм распределения финансовой поддержки институтов гражданского общества является достаточно гибким инструментом реализации государственной политики Российской Федерации в области развития гражданского общества. Использование подзаконных нормативно-правовых актов позволяет оперативно перераспределить федеральные финансовые ресурсы при изменении социально-экономической ситуации или наступлении различных кризисных событий.

Таким образом, на федеральном уровне создана работающая модель законодательного регулирования поддержки институ-

¹ Федеральный закон от 06.05.2011 № 100-ФЗ «О добровольной пожарной охране», Федеральный закон от 02.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» и др.

² Федеральный закон от 28.06.1995 № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений»; Федеральный закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии»; Федеральный закон от 20.07.2000 № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» и др.

³ Указы Президента Российской Федерации от 03.04.2017 № 137, от 30.01.2019 № 30, от 17.05.2021 № 287.

тов гражданского общества. В то же время при сохранении тенденции повышения уровня и объёма государственной поддержки, которая сформировалась в последний период времени, требуется модернизация действующего как федерального, так и регионального законодательства, которое базируется на первом и во многом зависит от его качества. Вместе с тем система регионального законодательства о государственной поддержке институтов гражданского общества развивается и с учётом только ей присущих тенденций, которые обуславливают наличие отдельных недостатков в законодательном регулировании рассматриваемой сферы.

Система регионального законодательства о поддержке институтов гражданского общества

В Российской Федерации органы публичной власти регионального и муниципального уровней находятся в наибольшей близости к институтам гражданского общества, что обуславливает значение регионального законодательства для обеспечения и поддержки их эффективного функционирования на всей территории страны. Важность оказания государственной и муниципальной поддержки на региональном уровне подтверждается тем объёмом государственной помощи, которая на нём распределяется: ежегодный объём финансовой поддержки институтов гражданского общества органами государственной власти субъекта РФ превышает аналогичные суммы, распределяемые на федеральном уровне. По официальным данным, опубликованным Министерством экономического развития РФ, общий объём финансовой поддержки, предоставляемой социально ориентированным некоммерческим организациям из бюджетов субъектов РФ, в 2018 г. составил 34,6 млрд руб. (федеральный уровень – 21,8 млрд руб.), в 2019 г. – 48,7 млрд руб. (34,7 млрд руб.), в 2020 г. – 58 млрд руб. (53,4 млрд руб.)¹.

¹ См.: Доклад о деятельности и развитии социально ориентированных некоммерческих органи-

Органы государственной власти в субъектах Российской Федерации учитывают необходимость развития гражданского общества на своих территориях для достижения цели стабильного социально-экономического развития региона и законодательно закрепляют свою обязанность поддерживать его институты. Нормы о такой поддержке уже содержались в учредительных актах субъектов РФ задолго до аналогичных положений, вошедших в текст Конституции России в 2020 г. В частности, в Конституции Республики Тыва ст. 4 носит наименование «Институты гражданского общества», и в ней установлен принцип невмешательства государственной власти в соответствующую закону деятельность общественных объединений, содержатся нормы о поддержке институтов гражданского общества и о деятельности Общественной палаты Республики Тыва. В ст. 100 Конституции Республики Башкортостан закрепляется положение о том, что органы публичной власти способствуют развитию гражданского общества.

Во многих субъектах РФ приняты государственные или муниципальные программы развития гражданского общества на соответствующей территории. Региональные документы стратегического планирования можно разделить на 2 группы: акты, направленные на развитие всего гражданского общества в регионе²; акты, направленные на поддержку отдельных институтов или направлений деятельности институтов гражданского общества³.

заций [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/8be0adaa07fd23125c4920afe40e8757/Doklad_NKO.pdf (дата обращения: 10.09.2022); Доклад о деятельности и развитии социально ориентированных некоммерческих организаций за 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/6e0b95bace2f3e90da56ef04545e5f35/Doklad_2021.pdf (дата обращения: 10.09.2022).

² Постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 31.10.2021 № 487-п; Постановление Правительства Красноярского края от 30.09.2013 № 509-п и др.

³ Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 15.09.2021 № 362 и др.

Для реализации взаимодействия органов публичной власти и институтов гражданского общества в некоторых субъектах Российской Федерации были созданы соответствующие структуры в исполнительных органах: в Кабардино-Балкарии действует Министерство по взаимодействию с институтами гражданского общества и делам национальностей Кабардино-Балкарской Республики, в Камчатском крае – Министерство развития гражданского общества и молодежи Камчатского края, в большинстве субъектов при высшем должностном лице субъекта РФ действует Совет по развитию гражданского общества.

Поддержка институтов гражданского общества является одной из форм их взаимодействия с государством, что даёт основание для органов публичной власти субъектов России регулировать вопросы указанной поддержки в законах, определяющих формы и порядок такого взаимодействия. В некоторых субъектах РФ приняты самостоятельные законы о взаимодействии органов публичной власти с институтами гражданского общества. В иных регионах предмет соответствующих законодательных актов объединён¹: в одном законе регулируются общественные отношения, касающиеся распределения государственной поддержки, и устанавливаются формы и порядок взаимодействия с различными объединениями, являющимися институтами гражданского общества.

Основой структуры законодательства субъекта Российской Федерации в сфере оказания помощи развитию гражданского общества на его территории являются законы о государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций. Соответствующие законы приняты почти во всех субъектах страны. В таком законе, как правило, устанавливаются принципы государственной поддержки на территории субъекта РФ, полномочия органов государственной власти в данной сфере, виды деятельности социально ори-

ентированных некоммерческих организаций, формы поддержки и источники их обеспечения, порядок осуществления мониторинга её оказания и ещё ряд вопросов, которые относятся к данной деятельности.

В рассматриваемую систему регионального законодательства входят законы субъектов Российской Федерации, осуществляющие регулирование поддержки конкретных видов объединений: молодёжных и детских общественных объединений, казачьих обществ, национально-культурных автономий, общин малочисленных народов, творческих и профессиональных союзов, ветеранских объединений и иных объединений. В качестве видов деятельности региональными законами поддерживаются добровольная пожарная охрана, включая формирования добровольных пожарных, охрана общественного порядка, в т. ч. объединения, участвующие в её обеспечении, благотворительность, добровольчество, меценатство и некоторые иные виды деятельности. У всех субъектов РФ разный объём нормативно-правовой базы регулирования соответствующей сферы. В частности, законы о поддержке творческих союзов действуют только в 3-х регионах (Республике Башкортостан, Республике Дагестан и Кабардино-Балкарской Республике), а о поддержке детских и молодёжных объединений – в 32 регионах.

Муниципальная поддержка некоммерческих организаций оказывается на основе нормативных правовых актов муниципального образования. Структура таких актов повторяет закон субъекта Российской Федерации, в котором находится муниципальное образование, сохраняя позитивные и негативные черты регионального закона. Некоторые субъекты, как, например, Республика Крым², приняли законы, устанавливающие единые подходы к оказанию государственной и муниципальной поддержки социально ориентированным некоммерческим организациям.

¹ Закон Брянской области от 11.07.2003 № 41-3.

² Закон Республики Крым от 07.12.2015 № 185-ЗРК/2015.

Кроме того, значительный объём распределения государственной поддержки для институтов гражданского общества регулируется нормативными правовыми актами, принятыми различными должностными лицами, в т. ч. высшим должностным лицом субъекта РФ, исполнительными органами, органами местного самоуправления.

Тенденции развития регионального законодательства о поддержке институтов гражданского общества

Оценивая изменения регионального законодательства в сфере поддержки институтов гражданского общества, можно указать на разнонаправленные тенденции, которые влияют на его развитие. Одним из важнейших направлений является нормативная унификация регионального законодательства, что означает общее для всех субъектов России детальное регламентирование почти всех правоотношений на уровне федерального законодательства, в т. ч. по вопросам взаимодействия и поддержки институтов гражданского общества.

Можно отметить положительные стороны указанного процесса, среди которых: обеспечение единых стандартов в области реализации конституционных прав, соблюдение принципа системности, исключение коллизий и противоречий федеральному законодательству, повышение уровня юридической техники региональных актов. Вместе с тем названная тенденция оказывает не только позитивное влияние на законодательство субъектов РФ в рассматриваемой сфере. К её негативным последствиям можно отнести создание правовой ситуации, при которой в региональном законодательстве существенно сужается сфера самостоятельного правового регулирования по вопросам поддержки и развития гражданского общества. В ситуации, при которой основной массив нормативно-правового регулирования государственной поддержки институтов гражданского общества в субъекте РФ со-

ставляют дублирующие нормы федерального законодательства, становится очевидно, что региональное законодательство не имеет потенциала для учёта особенностей состояния институтов гражданского общества в субъекте страны. Данный тезис означает, что законодательство субъекта Российской Федерации не может оказывать соответствующего регулятивного воздействия на рассматриваемые правоотношения.

Анализ регионального законодательства показывает, что данная ситуация не всегда является следствием влияния излишнего федерального регулирования. Нередко и сами субъекты РФ не стремятся использовать свои законодательно установленные права в рассматриваемой сфере. В качестве примера можно указать на самостоятельное закрепление видов деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций, которым субъекты Российской Федерации могут оказывать поддержку (ст. 31¹ Закона о некоммерческих организациях). В соответствии с п. 2 указанной статьи субъекты РФ имеют право самостоятельно устанавливать и иные виды деятельности, направленные на решение социальных проблем и развитие гражданского общества в субъекте РФ. Таким образом, субъекты РФ, как и федеральные территории, и муниципальные образования самостоятельно определяют виды деятельности, занятие которой даёт некоммерческим организациям право на получение государственной поддержки от соответствующих органов публичной власти.

Многие регионы используют данное право, и в законодательстве целого ряда субъектов РФ устанавливаются дополнительные виды деятельности для признания социально ориентированными некоммерческих организаций, функционирующих на его территории. В частности: в рассматриваемой сфере региональным законодательством закрепляются виды деятельности, связанные с поддержкой самого гражданского общества (развитие институтов гражданского общества и обще-

ственного самоуправления, исследовательские работы по проблемам деятельности и развития социально ориентированных некоммерческих организаций, проведение мониторингов и оценки состояния и результативности мер поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций¹); в сфере поддержки и защиты семьи (развитие детского и молодёжного общественного движения, защита семьи, детства, материнства и отцовства, укрепления традиционных семейных отношений и ценностей, профилактики и преодоления социального сиротства, развития семейных форм устройства детей)² и в других сферах социальной политики³.

В то же время некоторые субъекты Российской Федерации в региональных законах полностью повторяют федеральный перечень деятельности некоммерческих организаций, которая может быть признана социально ориентированной, что не может положительно оцениваться. Перечень, закреплённый в Законе о некоммерческих организациях, часто меняется, вводятся новые виды такой деятельности, что требует внесения изменений в региональное законодательство. Однако самым значительным негативным последствием применения указанного правового подхода является то, что в региональном законе не выделяются те виды деятельности, на которых необходимо сконцентрировать усилия органам публичной власти субъекта РФ, и которые станут основой развития институтов гражданского общества в регионе.

¹ *Напр.*: Закон Кабардино-Балкарской Республики от 16.12.2011 № 109-РЗ; Закон Пермского края от 07.03.2013 № 174-ПК.

² *Напр.*: Закон Липецкой области от 05.03.2015 № 374-ОЗ; Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 16.12.2010 № 229-оз и др.

³ Иногда законами субъектов Российской Федерации в нарушение норм федерального законодательства закрепляются иные виды деятельности: деятельность в сфере развития промышленности в субъекте Российской Федерации; деятельность, направленная на обеспечение проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах в субъекте Российской Федерации. *См.*: Закон Санкт-Петербурга от 11.04.2011 № 153-41.

Для некоторых регионов важную роль в их социально-экономическом развитии могут играть отдельные институты гражданского общества. Например, значительная часть субъектов РФ приняла законы о поддержке и развитии казачества на своей территории (в 44 регионах), одновременно в Краснодарском крае в рассматриваемой сфере принят целый ряд законов⁴. В них не только устанавливается порядок распределения государственной помощи, но происходит комплексное законодательное регулирование взаимоотношений с кубанским казачеством, включая определение деятельности казачьих обществ, оказание социальной поддержки их отдельным членам, что способствует развитию гражданского общества в Краснодарском крае, а в законодательстве региона учитываются особенности структуры институтов гражданского общества субъекта РФ.

Ещё одной тенденцией развития регионального законодательства в сфере государственной поддержки институтов гражданского общества является его централизация, которая означает непропорциональное расширение реализации полномочий РФ в сфере совместного ведения. Чрезмерное регулирование на федеральном уровне порождает фрагментарность регионального законодательства, сужение правового воздействия на развитие институтов гражданского общества [4]. Например, в регионах почти исчезли законы о религиозной деятельности и религиозных организациях, которые регулировали, в т. ч. взаимодействие и поддержку

⁴ Закон Краснодарского края от 09.10.1995 № 15-КЗ «О реабилитации кубанского казачества»; Закон Краснодарского края от 01.07.2008 № 1518-КЗ «О наградах Краснодарского края за вклад в дело служения кубанскому казачеству»; Закон Краснодарского края от 13.03.2000 № 247-КЗ «О дополнительных мерах социальной защиты членов казачьих обществ Кубанского войскового казачьего общества, привлекаемых к несению государственной и иной службы в Краснодарском крае»; Закон Краснодарского края от 05.11.2002 № 539-КЗ «О привлечении к государственной и иной службе членов казачьих обществ Кубанского казачьего войска в Краснодарском крае».

данных институтов гражданского общества¹.

Традиционно в региональном законодательстве распространённой продолжает оставаться практика дублирования федеральных норм соответствующего законодательства. В качестве примера можно привести регулирование дополнительных форм государственной или муниципальной поддержки, которые могут устанавливать органы публичной власти субъекта РФ на основании п. 4 ст. 31¹ Закона о некоммерческих организациях. В законах субъектов РФ, как правило, закрепляется полный перечень форм из указанной федеральной нормы, включая норму о возможности использовать иные формы поддержки. Следует согласиться с мнением, высказанным в литературе, что региональное законодательство должно создавать новые, отражающие конкретную специфику субъекта России, правовые нормы, а не воспроизводить (дублировать, копировать) общероссийские правила поведения [1, с. 119].

Важной тенденцией развития регионального законодательства в рассматриваемой сфере является отсутствие различий в особых статусах некоммерческих организаций для использования различных форм государственной поддержки, как это установлено на федеральном уровне. В целом, формы государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций соответствуют формам государственной поддержки, закреплённым на федеральном уровне. Среди особых форм поддержки можно выделить следующие: привлечение к участию в плане мероприятий по реализации стратегии социально-

экономического развития субъекта РФ, государственных программ субъекта РФ, предоставление социально ориентированным некоммерческим организациям на конкурсных условиях социальной рекламы², предоставление микрозаймов, поручительство³. Но все формы поддержки, установленные для содействия деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций, могут применяться и для иных объединений граждан. Кроме того, в законодательстве субъектов РФ не проводится принципиальных различий между поддержкой самих институтов гражданского общества и поддержкой видов деятельности, которую они преимущественно осуществляют.

Таким образом, отличительной чертой регионального законодательства о государственной и муниципальной поддержке является отсутствие различий в перечне форм её оказания для социально ориентированных некоммерческих организаций и иных институтов гражданского общества, действующих на его территории.

Следует обратить внимание на ситуацию, которая пока не может быть квалифицирована как сложившаяся тенденция регулирования государственной поддержки институтов гражданского общества. Однако в случае её формирования она может оказать негативное воздействие на взаимодействие государства и гражданского общества, уровень доверия между ними. В региональном законодательстве, как и в федеральном, существуют два подхода к распределению финансовой поддержки некоммерческих организаций: прямое распределение и распределение на конкурсной основе. Из официальных данных⁴

¹ Законы о религиозных объединениях продолжают действовать на территории 6 субъектов Российской Федерации. Законы в 17 субъектах регулируют отдельные вопросы, связанные с поддержкой религиозных организаций (отведение земель под аренду или бесплатное пользование, передача в собственность имущества религиозного назначения, установление льгот по налогообложению), 17 регионов отменили аналогичные акты и не приняли новых законов о религиозных объединениях.

² Закон Пермского края от 07.03.2013 № 174-ПК.

³ Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 16.12.2010 № 229-оз.

⁴ Доклад о деятельности и развитии социально ориентированных некоммерческих организаций [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/8be0adaa07fd23125c4920afe40e8757/Doklad_NKO.pdf (дата обращения: 10.09.2022); Доклад о деятельности и развитии социально ориентированных некоммерческих организаций за 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/6e0b95bace2f3e90d>

следует, что без проведения конкурсов распределяется почти половина финансовых средств (об устойчивой положительной динамике указанной доли пока рано делать вывод, поскольку в 2020 г. сложились особые условия, сформированные необходимостью выделения существенных средств для поддержания всего сектора некоммерческих организаций в связи с экономическим спадом, вызванным распространением коронавирусной инфекции).

Положительные стороны прямого распределения позволяют сосредоточить усилия субъекта Российской Федерации на финансировании конкретной деятельности и конкретных организациях. Но данный подход не безупречен. Широкие дискреционные полномочия должностных лиц и влияние субъективного фактора при решении вопроса об оказании поддержки могут привести к злоупотреблениям и снижению доверия между гражданским обществом и государством. Представляется, что порядок распределения указанной поддержки должен носить максимально открытый и конкурентный характер. Во избежание наступления негативных последствий при использовании распределительной модели поддержки институтов гражданского общества в региональном законодательстве необходимо более строго обеспечивать принцип конкурсного отбора для определения субъектов финансовой помощи.

Заключение

Оценивая региональный сегмент законодательства, касающийся государственной поддержки институтов гражданского общества, с точки зрения создания условий для развития гражданского общества в субъектах Российской Федерации, можно сделать следующие выводы.

На региональном уровне создана достаточно гибкая модель законодательного регулирования поддержки институтов гражданского общества. В то же время при

сохранении тенденции повышения уровня и объёма государственной поддержки, которая сформировалась в последний период времени, требуется модернизация действующего законодательства.

В значительном количестве регионов Российской Федерации законодательство о государственной поддержке в целом носит фрагментарный и несистемный характер.

Проведённый анализ позволяет выявить следующие недостатки рассматриваемого правового регулирования на уровне субъектов РФ:

- наблюдается централизация и унификация соответствующего законодательства;
- отдельные нормы региональных законов, нормативных правовых актов органов местного самоуправления противоречат федеральному законодательству в рассматриваемой области;
- в законах субъектов Российской Федерации широко используются положения, дублирующие нормы федеральных законов.

Одной из проблем регионального регулирования в рассматриваемой сфере является необходимость закрепления поддержки большого количества различных объединений, вытекающая из норм федерального законодательства, которое достаточно противоречиво и непоследовательно регулирует данные вопросы. Проведённый анализ позволяет утверждать о тождественности законодательно установленных форм государственной поддержки на федеральном и региональном уровнях. Вместе с тем, использование различных форм поддержки некоммерческих организаций на уровне регионального законодательства не связывается напрямую с их принадлежностью к определённой категории объединений, выделяемой на уровне федерального законодательства. Это позволяет региональным органам публичной власти проводить более гибкую самостоятельную политику в отношении поддержки институтов гражданского общества.

Статья поступила в редакцию 05.10.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданское общество как гарантия политического диалога и противодействия экстремизму: ключевые конституционно-правовые проблемы: монография / отв. ред. С. А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2015. 652 с.
2. Либанова С. Э. Информационное гражданское общество в «эпоху разобщенности» // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 19–22.
3. Организация добровольческой (волонтерской) деятельности и взаимодействия с социально ориентированными НКО: учеб. / отв. ред. И. В. Мерсиянова. М.: НИУ ВШЭ, 1992. 456 с.
4. Пузенцова Ю. А. Анализ проблем правового регулирования институтов гражданского общества в субъектах Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 5. С. 12–16.

REFERENCES

1. Avakyan S. A., ed. *Grazhdanskoye obshchestvo kak garantiya politicheskogo dialoga i protivodeystviya ekstremizmu: klyuchevyye konstitutsionno-pravovyye problemy* [Civil society as a guarantee of political dialogue and countering extremism: key constitutional and legal problems]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2015. 652 p.
2. Libanova S. E. [Information civil society in the «epoch of disunity»]. In: *Konstitutsionnoye i munitsipalnoye pravo* [Constitutional and municipal law], 2019, no. 7, pp. 19–22.
3. Mersyanova I. V., ed. *Organizatsiya dobrovolcheskoy (volonterskoy) deyatel'nosti i vzaimodeystviya s sotsialno oriyentirovannymi NKO* [Organization of volunteer (volunteer) activities and interaction with socially oriented NGOs]. Moscow, NRU VSHE Publ., 1992. 456 p.
4. Puzentsova Yu. A. [Analysis of the problems of legal regulation of civil society institutions in the constituent entities of the Russian Federation]. In: *Gosudarstvennaya vlast i mestnoye samoupravleniye* [State power and local self-government], 2021, no. 5, pp. 12–16.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никитина Елена Евгеньевна – кандидат юридических наук, ведущий сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: const@izak.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena E. Nikitina – Cand. Sci. (Law), Leading Researcher, Constitutional Law Department, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation;
e-mail: const@izak.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Никитина Е. Е. Законодательное регулирование государственной поддержки институтов гражданского общества: региональный аспект // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 4. С. 73–82.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-73-82

FOR CITATION

Nikitina E. E. Legislative Regulation of Government Support of Civil Society Institutions: Regional Aspect. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2022, no. 4, pp. 73–82.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-73-82

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

УДК 342

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-83-93

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБОРОТА ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ НА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОМ РЫНКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Вильгоненко И. М.¹, Слепенко Ю. Н.¹, Станкевич Г. В.²

¹Северо-Кавказский федеральный университет, Пятигорский институт (филиал)
357500, г. Пятигорск, пр. 40 лет Октября, д. 56, Российская Федерация

²Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет)

362021, г. Владикавказ, ул. Николаева, д. 44, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Проанализировать роль государственного контроля за оборотом лекарственных средств, выявить проблемы правового регулирования оборота лекарственных средств на потребительском рынке РФ.

Процедура и методы. В процессе исследования применялись методы аналогии, анализа, сравнительно-правовой, формально-юридический.

Результаты. Выявлено наличие пробелов в законодательстве, регулирующем отбор образцов фармацевтических препаратов, отсутствие чётких норм отбора образцов при проведении контроля качества на потребительском рынке фармацевтических препаратов и исполнении правил, применяемых в государственной фармакопее.

Теоретическая и/или практическая значимость. Сформулированные выводы имеют особое значение для совершенствования государственного регулирования оборота лекарственных средств.

Ключевые слова: государственное регулирование, фармацевтические препараты, лекарственные средства, контроль, надзор, лицензирование, отбор образцов, фальсификация

STATE REGULATION OF DRUG TRAFFIC IN THE CONSUMER MARKET OF THE RUSSIAN FEDERATION

I. Vilgonenko¹, Yu. Slepenco¹, G. Stankevich²

¹Pyatigorsk Institute, branch of the North Caucasian Federal University
prospekt 40 let Ocyabrya 56, Pyatigorsk 357500, Russian Federation

²North Caucasian Institute of Mining and Metallurgy (State Technological University)
ul. Nikolaeva 44, Vladikavkaz 362021, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyze the role of state control over the circulation of medicines, to identify the problems of legal regulation of the circulation of medicines in the consumer market of the Russian Federation.

Methodology. In the process of the research methods of analogy, analysis, comparative legal, formal legal were used.

© CC BY Вильгоненко И. М., Слепенко Ю. Н., Станкевич Г. В., 2022.

Results. The study revealed the presence of gaps in the legislation governing the sampling of pharmaceuticals, the lack of clear sampling standards for quality control in the consumer market of pharmaceuticals and the implementation of the rules used in the state pharmacopoeia.

Research implications. The formulated conclusions are of particular importance for improving the state regulation of the circulation of medicines.

Keywords: government regulation, pharmaceuticals, medicines, control, supervision, licensing, sampling, falsification

Введение

Определяя степень важности фармацевтических препаратов для населения, законодатель как осуществляет регулирование их обращения, так и контролирует оборот этих препаратов. Обратим своё внимание именно на государственное регулирование оборота фармацевтических препаратов на потребительском рынке Российской Федерации.

Государственное регулирование в работах некоторых учёных трактуется как система воздействия государства на деятельность предпринимателей с помощью различных способов и методов [4, с. 137]. Главной целью законодательного регулирования могут являться приведение к строгой системе экономических отношений в среде предпринимательства для защиты общественных и частных интересов всех сторон таких отношений, их организация для эффективной деятельности предпринимателей, а также достижение баланса развития экономики и общего экономического роста.

Грамотная разработка содержания к законодательному регулированию деятельности предпринимателей является очень важным и сложным делом, поскольку этот процесс делает возможным обозначить границы необходимого регулирования и не ограничить при этом свободы предпринимательской деятельности.

Законодательное регулирование деятельности предпринимателей необходимо рассматривать как воздействие государства на хозяйствующих субъектов с помощью законодательного установления норм, входящих в различные акты, целью которых является поддержание конкуренции на потребительском рынке и установление баланса публичных и частных ин-

тересов. Законодательное регулирование потребительского рынка фармацевтических препаратов происходит в основном за счёт прямых методов регулирования.

Главным прямым методом законодательного регулирования деятельности предпринимателей (в т. ч. и для потребительского рынка фармацевтических препаратов) необходимо считать надзор и контроль государства в сфере деятельности хозяйствующих субъектов. Весьма важным на потребительском рынке фармацевтических препаратов необходимо назвать получение лицензий на фармацевтическую деятельность [7, с. 223].

Государственный контроль за оборотом фармацевтических препаратов на потребительском рынке

Лекарственные средства как продукт реализации имеют огромное значение для граждан. Доступность лекарственных препаратов на потребительском рынке входит в перечень первостепенных задач государства. Устанавливая на этом рынке свой контроль, государство этим обеспечивает права потребителей на своевременную медицинскую помощь надлежащего качества, которую невозможно представить без наличия лекарственных средств.

Однако в Российской Федерации весьма насущна проблема наличия в обороте фальсифицированных и контрафактных недоброкачественных фармацевтических препаратов, и государственный надзор необходим для того, чтобы имеющиеся в обороте на потребительском рынке лекарственные средства соответствовали утверждённым стандартам качества и безопасности.

Контроль государства в этой сфере необходим для выявления недостатков и проблем в деятельности предпринимателей на рынке фармацевтических препаратов. Его целью на потребительском рынке является заблаговременное предупреждение нарушений закона о фармацевтической деятельности [12, с. 54]. При ухудшении эпидемиологической обстановки на территории страны зачастую возникает повышенный спрос на необходимые лекарственные препараты или происходит рост цен на эти лекарства, и контроль (надзор) государства необходим для предотвращения таких ситуаций.

Это обосновывает необходимость законодательного контроля (надзора) на потребительском рынке фармацевтических препаратов.

Юристы, изучающие государственный контроль, имеют разные точки зрения на вопрос о соотношении терминов «контроль» и «надзор». Были высказаны разные мнения:

– контроль и надзор – понятия, тождественные друг другу;

– контроль является разновидностью надзора, а надзор входит в состав определения контроля;

– контроль и надзор, по сути, являются 2-мя видами контрольной деятельности [11, с. 175].

При глубоком рассмотрении нормативно-правовых актов можно выявить, что надзор может осуществляться исключительно специальными, уполномоченными Правительством РФ органами государственной власти. Исполнение контролирующих функций может быть передано также органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации. В научных работах нельзя найти единого мнения, касающегося границ, которые были бы установлены для контроля или надзора.

Не вызывает сомнений, что при существовании чётких правил и норм, регламентирующих хозяйственную деятельность, крайне важен контроль за их соблюдением. Надзор и контроль также помогают соблюсти баланс интересов хозяйствующих

субъектов для должного ведения ими предпринимательской деятельности во взаимоотношениях свободной конкуренции. Необходимо помнить, что в соответствии с Конституцией России права и свободы человека и гражданина, в т. ч. и на предпринимательскую деятельность, могут иметь ограничения в соответствии с федеральным законом исключительно в той мере, в которой это необходимо для охраны основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, укрепления обороны государства и безопасности страны. Из этого напрашивается вывод, что границы контроля хозяйствующих субъектов государством закреплены в Конституции Российской Федерации и их необходимо в деталях закрепить в федеральных законах.

В дополнение к этому: государственный контроль необходимо осуществлять именно за выполнением норм, установленных законом, не допуская вмешательства при осуществлении этого контроля в оперативно-хозяйственную деятельность субъекта. Эти границы контроля органами государственной власти должны быть чётко установлены в зависимости от вида предпринимательской деятельности. Контролю и надзору подвержена практически вся деятельность предпринимателей и её результаты, если они так или иначе направлены на защиту прав и законных интересов населения. Ярким доказательством этого утверждения является ст. 40 Закона «О защите прав потребителей», указывающая на то, что федеральный государственный надзор в сфере защиты прав потребителей реализуется специально на то уполномоченным органом федеральной исполнительной власти в утверждённом Правительством Российской Федерации порядке. Закон «О защите прав потребителей» не даёт повода для различий каких-либо видов предпринимательской деятельности, в т. ч. подлежащих образовательному лицензированию. Следовательно, под Федеральный государственный надзор в сфере защиты прав потребителей подпадают все участники рынка всех фармацевтических препаратов. Так как лекарствен-

ные препараты являются товаром, то и на рынке фармацевтических препаратов проводится тщательный надзор государственными органами за соответствием продукции нормам безопасности, установленным в соответствующих нормативных документах. На рынке потребительских товаров во исполнение ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» прокуратура предпринимает меры по надзору за соблюдением прав и свобод граждан, управляющих подразделений и непосредственно руководителей как коммерческих, так и некоммерческих организаций [9, с. 54].

Государством устанавливается главенство государственного регулирования безопасности, качества и эффективности фармацевтических препаратов в процессе их обращения, и это приводит к тому, что на потребительском рынке лекарственных средств проводится государственный контроль (надзор), имеющий определённые особенности.

Главным при проведении контроля на рынке фармацевтических препаратов является недопущение нарушений прав граждан на охрану здоровья. Законодательный контроль (надзор), проводимый на рынке оборота фармацевтических препаратов, в соответствии с законом Российской Федерации об обращении лекарственных средств, по сути, представляет собой один из способов контроля в сфере охраны здоровья человека. В Федеральном законе «Об обращении лекарственных средств» присутствует обособленная глава, которая регламентирует вопросы контроля государством в сфере обращения фармацевтических препаратов. К законодательному контролю на рынке фармацевтических препаратов относится необходимость наличия лицензии при производстве лекарственных препаратов и осуществлении фармацевтической деятельности и строгий надзор, и контроль государства при обращении фармацевтических препаратов.

На потребительском рынке фармацевтических препаратов государственный контроль (надзор) их оборота включает в себя

контроль лицензирования хозяйствующих субъектов в сфере фармацевтической деятельности, надзор федеральных государственных органов за оборотом фармацевтических препаратов, а также проведение выборочного контроля качества.

В законе РФ не определено понятие контроля и лицензирования. В некоторых научных трудах [5, с. 110] можно встретить мнение, что определение «лицензионный контроль» считалось легально закреплённым, но не употреблялось в потерявшем силу Федеральном законе № 128-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности». Существует также мнение, о возможности отнести лицензионный контроль к одной из групп управленческого контроля, т. е. в экономическую, и о его глубокой интеграции во всю процедуру лицензирования, присутствию контроля на всех её этапах в виде работы органов лицензирования, которая направлена на поиск допущенных лицензиатами нарушений условий и требований лицензирования [1, с. 5].

Из вышесказанного следует, что под контролем лицензирования необходимо понимать проводимый уполномоченными на то органами государства и власти контроль за должным выполнением установленных законом норм лицензирования, как при начальном получении лицензии, так и в дальнейшем за соблюдением этих требований в процессе осуществления хозяйственной деятельности, подлежащей лицензированию.

Лицензионный контроль, связанный с лицензированием розничной продажи фармацевтических препаратов, регулируется ч. 2 ст. 9 Федерального закона «Об обращении лекарственных средств». Этот специальный закон, направленный на регулирование обращения фармацевтических препаратов, не регламентирует никаких особенностей лицензионного контроля лекарственных средств, а отсылает к Федеральному закону «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», а также к

Федеральному закону «О лицензировании отдельных видов деятельности».

Лицензионный контроль является одной из разновидностей контроля, поэтому в Федеральном законе «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» закрепляется только общий порядок к действию по осуществлению контроля, включая и лицензионный контроль, ссылаясь на специальный закон, в котором могут регламентироваться особенности лицензионных проверок, их организация и проведение [3, с. 92]. Всё вышесказанное приводит к тому, что лицензионный контроль, включая фармацевтическую отрасль, в первую очередь регулируется Федеральным законом «О лицензировании отдельных видов деятельности».

К сожалению, в данном федеральном законе прослеживается конкуренция статей. Например, в ст. 5 в полномочия органов лицензирования не включены полномочия для осуществления за лицензиатами и соискателями лицензии должного контроля. Однако в ст. 19 ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности», которая регламентирует порядок организации и проведения лицензионного контроля, указывается, что именно этот орган лицензирования должен проводить как плановые, так и внеплановые проверки. Кроме того, в ст. 7 вышеназванного ФЗ в права должностных лиц органов лицензирования включено право на проведение проверок лицензиатов, как и соискателей лицензий. Исходя из этого, по нашему мнению, ст. 5 ч. 2 ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» необходимо дополнить пунктом о предоставлении соответствующих полномочий органам лицензирования для осуществления контроля за надлежащим соблюдением лицензионных требований.

В ст. 6 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» разрешена передача полномочий РФ в сфере лицензирования некоторых видов деятельности государственным органам субъектов Российской Федерации в регла-

ментированных федеральными законами случаях. Следовательно, лицензионный контроль может осуществляться и федеральными государственными органами РФ, и региональными. С 03.10.2016 г. в задачи органов исполнительной власти региональных субъектов РФ входит осуществление лицензионного контроля исключительно соискателей лицензии и лицензиатов, подавших заявление на переоформление лицензии. Если лицензия на осуществление деятельности в сфере фармацевтики выдаётся впервые, то лицензионный контроль должен осуществляться Федеральной службой по надзору в сфере здравоохранения. Целью установления такого порядка государством являются соблюдение принципа разграничения контрольных и разрешительных функций, а также создание универсальной эффективно действующей системы лицензионного контроля [8, с. 57]. В реальности мы видим, что этот принцип не соблюдается из-за того, что лицензирование на осуществление фармацевтической деятельности (исключая деятельность организаций оптовой продажи фармацевтических препаратов и подведомственных органам федеральной исполнительной власти аптечных организаций), как и раньше, осуществляют органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации.

Лицензионный контроль проводят как при принятии решения о лицензировании кандидатов, так и в дальнейшем при осуществлении лицензиатом лицензируемой деятельности. Таким образом, изменения, принятые в редакции закона ещё в 2019 г., в части полномочий лишь усложнили осуществление лицензионного контроля.

Для того чтобы поставленная цель была достигнута, т. е. происходило разграничение контрольных и разрешительных функций, критически важно осуществление лицензионного контроля в отношении соискателей лицензий и лицензиатов фармацевтической сферы поручить органам исполнительной власти РФ, т. е. Росздравнадзору, а первичное оформление и переоформление лицензий, оформление

дубликатов и копий лицензий – органам государственной власти региональных субъектов РФ. Это приведёт к соблюдению принципа разделения контрольных и разрешительных функций, т. к. в ведении Росздравнадзора будут находиться функции по контролю, а у органов государственной власти субъектов РФ останутся разрешительные функции.

Осуществление лицензионного контроля должно быть направлено на юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, лицензированных на осуществление фармацевтической деятельности в целом, а не подвергать контролю конкретное место хозяйственной деятельности¹.

Государственный надзор в сфере обращения фармацевтических препаратов для медицинского использования на федеральном уровне осуществляется Федеральной службой по надзору в сфере здравоохранения и её территориальными органами (Росздравнадзором)².

В проекте Концепции обеспечения качества лекарственных средств в Российской Федерации указывается, что в практике международной фармацевтики широко применяется определение термина «качество», почти идентичное определению American Society for Quality (Американское общество качества): «Качество – пригодность субстанции и лекарственной формы к предназначенному использованию» и определяющее релевантную взаимосвязь критериев качества с эффективностью и безопасностью товаров³.

¹ Приказ Минздрава России от 01.09.2017 № 585н «Об утверждении Административного регламента исполнения Федеральной службой по надзору в сфере здравоохранения государственной функции по осуществлению лицензионного контроля фармацевтической деятельности» // Гарант: [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71677350/> (дата обращения: 24.10.2022).

² Постановление Правительства РФ от 15.10.2012 № 1043 «Об утверждении Положения о федеральном государственном надзоре в сфере обращения лекарственных средств» // СЗ РФ. 2012. № 43. Ст. 5877.

³ Отчёт о научно-исследовательской работе «Разработка Концепции обеспечения качества лекарственных средств в Российской Федерации» // Pandia: [сайт]. URL: <https://pandia.org/text/80/198/58527-11.php> (дата обращения: 24.10.2022).

Фармацевтические препараты в зависимости от параметров, которым они не соответствуют, делятся на:

- 1) фальсифицированный фармацевтический препарат;
- 2) недоброкачественный фармацевтический препарат;
- 3) контрафактный фармацевтический препарат.

Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств» термин «фальсифицированный» трактует как «фармацевтическое средство, снабжённое недостоверной информацией о его составе и (или) производителе»; термин «недоброкачественный» указывает на фармацевтический препарат, не выполняющий нормы фармакопейной статьи, а если такая статья не существует, – не выполняющий требования и нормы нормативной документации; под «контрафактным фармацевтическим препаратом» подразумевается лекарственный препарат, участвующий в обороте, но нарушающий при этом гражданское законодательство, т. е. контрафактным фармацевтическим препаратом признаётся лекарственный препарат, на этикетке либо упаковке которого незаконно размещается зарегистрированный товарный знак или сходное с ним до степени смешения обозначение, в т. ч. и на котором без законных на то оснований указывается место происхождения продукта или сходное с ним до степени смешения наименование.

Путём отбора образцов фармацевтических препаратов, а также с помощью контроля за соблюдением субъектами фармацевтического рынка регламентированных требований к хранению, перевозке фармацевтических препаратов осуществляется контроль за качеством лекарственных средств на потребительском рынке [2, с. 55].

В соответствии с Информацией о результатах государственного контроля (надзора) в сфере обращения лекарственных средств, предоставленной Росздравнадзором⁴, в

[org/text/80/198/58527-11.php](https://pandia.org/text/80/198/58527-11.php) (дата обращения: 24.10.2022).

⁴ Информация о результатах государственного кон-

2017 г. при осуществлении государственного контроля (надзора) в сфере оборота фармацевтических препаратов было изъято из обращения 915 серий лекарственных средств, качество которых не отвечает установленным требованиям, в 2020 г. – 540, а на начало 2022 г. – 443.

Не существует агрегированных статистических сведений о реальных масштабах оборота поддельных фармацевтических препаратов. В работах многих авторов встречаются различные данные, касающиеся поддельных фармацевтических препаратов в России. Однако информация о результатах государственного контроля (надзора) в сфере обращения лекарственных средств, представленная Федеральной службой по надзору в сфере здравоохранения РФ, показывает, что выявление фальсифицированных лекарственных препаратов имеет следующую динамику. Так, в 2018 г. было выявлено 7 серий фальсифицированных лекарственных препаратов, в 2019 г. эта цифра увеличилась до 12 серий, однако на начало 2022 г. данный показатель составляет всего 2 серии препаратов¹.

28 октября 2011 г. в Москве утверждена Конвенция Совета Европы «О борьбе с фальсификацией медицинской продукции и сходными преступлениями, угрожающими здоровью населения»². ВОЗ считает эффективным использование процессов регулирования качества фармацевтических препаратов на национальном уровне и систем контроля качества, являющихся

единственными средствами для обеспечения безопасности и качества фармацевтических препаратов.

Некоторые источники свидетельствуют о том, что обеспечение качества фармацевтических препаратов, участвующих в обращении на потребительском рынке России, является приоритетной задачей в сфере здравоохранения. Государственный контроль, проводимый на всех этапах оборота фармацевтических препаратов, не может гарантировать 100% качество фармацевтических препаратов, продаваемых на рынке [10, с. 95].

В рамках мероприятий по контролю качества медицинских препаратов работники органа государственного надзора в установленном законом Российской Федерации порядке могут отбирать некоторые образцы фармацевтических препаратов, предназначенных для продажи, в целях проверки их качества, а также исследований и испытаний, проводимых с учётом правил отбора образцов, регламентируемых уполномоченным органом Федеральной исполнительной власти.

В ходе отбора фармацевтических препаратов на потребительском рынке у субъектов, ведущих торговлю в розницу, необходимо решение вопроса о том, какие нормативно-правовые акты дают основание осуществлять этот отбор и на кого должны ложиться затраты, возникающие в связи с изъятием из процесса продажи фармацевтического препарата для отбора.

Государство устанавливает принципы, обеспечивающие бесплатность осуществление проверок, что подразумевает недопустимость требования оплаты за осуществление контрольных мероприятий органами государственного или муниципального контроля (надзора) с подконтрольных юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, гарантирует оплату из соответствующих бюджетов проводимых органами государственного и муниципального контроля (надзора) проверок, включая мероприятия по контролю [5, с 113]. В утратившей силу ст. 9 Федерального закона «Об обращении

контроля (надзора) в сфере обращения лекарственных средств за 1-е полугодие 2022 года // Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения: [сайт]. URL: <https://roszdravnadzor.gov.ru/i/upload/images/2022/7/15/1657878926.46103-1-167669.pdf> (дата обращения: 24.10.2022).

¹ Информация о результатах государственного контроля (надзора) в сфере обращения лекарственных средств за 1-й квартал 2022 года // Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения: [сайт]. URL: <https://www.roszdravnadzor.gov.ru/i/upload/images/2022/4/27/1651055879.2905-1-49845.pdf> (дата обращения: 24.10.2022).

² Конвенция Совета Европы о борьбе с фальсификацией медицинской продукции и сходными преступлениями, угрожающими здоровью населения (CETS N 211) (заключена в г. Москве 28.10.2011) // СЗ РФ. 2019. № 45. Ст. 6279.

лекарственных средств» указывалось, что реализация контроля государства при обращении фармацевтических препаратов относится к расходным обязательствам РФ или расходным обязательствам региональных субъектов Российской Федерации по видам контроля.

Сегодня предприниматели не оплачивают проведение самой экспертизы фармацевтических препаратов, однако стоимость образцов, отобранных для экспертизы, является убытком для них. Возникает уместный вопрос: нет ли в данном случае нарушения принципов бесплатности, потому что цена на образцы, отобранных для проверки, может быть достаточно велика? На данный вопрос ответа пока нет ни в юридической литературе, ни в судебной практике. Можно предположить, что стоимость медицинских препаратов, отобранных для проведения контроля качества, должна входить в статью затрат предпринимателя. К тому же если в результате экспертизы качества фармацевтический препарат признают некачественным, то розничный продавец может потребовать возмещения понесённых убытков от партнёра, поставившего некачественный фармацевтический препарат. В этом случае нормы, регулирующие бесплатное проведение проверок, при отборе образцов фармацевтических препаратов на экспертизу качества не будут нарушены.

В законодательстве, регламентирующем розничную торговлю фармацевтическими препаратами и государственный надзор, не закреплены правила отбора на экспертизу образцов на потребительском рынке РФ. Изъятие образцов фармацевтических препаратов для проведения выборочного контроля качества фармацевтических средств регулируется требованиями, предъявляемыми государственной фармакопеей [7, с. 224].

Во время проведения отбора образцов для выборочного контроля случается, что проверяющие (проверяемые) встречаются с нехваткой достаточного количества фармацевтических препаратов для отбора образцов в данном торговом месте. Объяснить это можно отсутствием чётких норм отбора образцов при проведении контроля каче-

ства на потребительском рынке фармацевтических препаратов и исполнений правил, применяемых в государственной фармакопее, которые устанавливают, что в процессе производства (изготовления) правила отбора проб определяются внутренними нормативными документами предприятия-производителя (изготовителя) фармацевтических препаратов.

Заключение

Итак, мы видим, что норм отбора образцов, чётко определённых уполномоченным органом федеральной исполнительной власти, на которые ссылается законодатель в ФЗ «Об обращении лекарственных средств», не существует. Поэтому целесообразно установить «правила отбора образцов лекарственных средств для проверки их качества, проведения исследования, испытаний», в которых будут отображены все проблемы отбора образцов фармацевтических препаратов на потребительском рынке фармацевтических средств, включая решение вопроса о затратах на отобранные для экспертизы фармацевтические препараты, которые в данный момент возложены на субъектов розничной торговли.

Надо также отметить, что помимо вопроса проведения необходимых мероприятий по непосредственному отбору образцов фармацевтических препаратов, до сих пор не имеющего решения, главной проблемой для Росздравнадзора по-прежнему остаётся то, что возможность отбора образцов фармацевтических препаратов для проведения государственного контроля качества имеется лишь во время контрольно-надзорных мероприятий, но так как время выполнения этих мероприятий среди субъектов малого бизнеса фармацевтического рынка весьма ограничено, то получается, что из-под государственного контроля практически выпадают многие фармацевтические препараты, продаваемые субъектами малого бизнеса [6, с. 19].

Изъятие образцов фармацевтических препаратов в своей массе проходит в процессе запланированных мероприятий при

осуществлении выездной проверки, которая может проходить не чаще 1 раза в 3 года. Обязанность по контролю качества продаваемых фармацевтических препаратов возложена законодателем на самого предпринимателя и должна им исполняться самостоятельно по месту их розничной продажи.

Плановые выездные проверки по контролю с заблаговременной отправкой уведомления о сроках проведения мероприятий дают предпринимателю возможность и время для подготовки к проверке. Естественно, такие плановые мероприятия по контролю находящихся в торговом обороте фармацевтических препаратов на соответствие обязательным регламентированным требованиям к качеству лекарственных средств не приносят необходимого эффекта.

Проведение отбора образцов фармацевтических препаратов без заблаговременного предупреждения даст возможность выявлять намного больше некачественных фармацевтических препаратов. В связи с этим рекомендуем внести в законодательство корректировки и дать разрешение Росздравнадзору проводить отбор образцов чаще, чем 1 раз в 3 года, и осуществлять эти мероприятия без заблаговременного уведомления подконтрольного субъекта обращения фармацевтических препаратов.

Изучение законодательства, регламентирующего государственный надзор (контроль) фармацевтической деятельности, приводит нас к выводу, что надзор, который трактуется как деятельность

по осуществлению права хозяйствующих субъектов для контроля и выполнения установленных законом требований, которые содержатся в нормативно-правовых актах, и должны предъявляться к различного вида экономической деятельности, проводится исключительно органами исполнительной власти Российской Федерации, а контроль, трактуемый как деятельность, осуществляемая для проверки субъектов предпринимательства по контролю соблюдения баланса правовых взаимоотношений между потребителями и предпринимателями, включая и цели осуществления проверок хозяйственной деятельности юридических лиц, имеет возможность проведения дополнительно и органами исполнительной власти регионального субъекта Российской Федерации.

Надзор регулирует безопасность фармацевтических препаратов и контролирует соблюдение прав граждан по охране их здоровья. Контроль обеспечивает своевременное пресечение существующих нарушений участниками обращения фармацевтических препаратов установленных законом норм осуществления этой деятельности.

Государственный контроль на потребительском рынке фармацевтических препаратов имеет несколько направлений, среди которых необходимо выделить лицензионный контроль, а также государственный контроль за установлением цен на фармацевтические препараты на региональном уровне.

Статья поступила в редакцию 15.08.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балакина П. А., Савина Т. А. Административно-правовое регулирование лицензирования фармацевтической деятельности // Государственное управление и развитие России: вызовы и перспективы: сб. статей III Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Н. А. Володиной. Пенза, 2019. С. 3–8.
2. Вильгоненко И. М., Слепенко Ю. Н., Сухачева Л. К. Специфика правового регулирования отдельных видов лекарственных средств // Черные дыры в Российском законодательстве. 2017. № 6. С. 55–56.
3. Вронская М. В. Правовое регулирование фармацевтической деятельности в РФ: тенденции и перспективы «модернизационной» политики // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2018. Т. 10. № 4 (43). С. 90–98.

4. Грачева Н. Н., Цыбулько М. К. Актуальные аспекты государственного регулирования отношений в сфере обращения лекарственных средств // Итоги и перспективы научных исследований: сб. науч. трудов / под ред. Р. В. Бисалиева. Краснодар, 2015. С. 134–146.
5. Актуальные вопросы безопасности лекарственных средств, возможности совершенствования системы фармаконадзора / М. В. Журавлева, Б. К. Романов, Г. И. Городецкая, О. В. Муслимова, В. С. Крысанова, Е. Ю. Демченкова // Безопасность и риск фармакотерапии. 2019. Т. 7. № 3. С. 109–119.
6. Косенко В. В., Трапкова А. А., Тарасова С. А. Организация государственного контроля качества лекарственных средств на базе федеральных лабораторных комплексов // Вестник Росздравнадзора. 2012. № 6. С. 19–22.
7. Нормативно-правовые аспекты функционирования системы фармаконадзора на государственном уровне и в рамках системы менеджмента качества аптечных организаций / М. А. Мищенко, Н. К. Минеева, А. А. Пономарева, Е. С. Мищенко // Modern Science. 2020. № 2-2. С. 220–226.
8. Мохов А. А. Фармацевтическое право как феномен // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 12 (85). С. 54–62.
9. Мырина А. Л., Туева И. А. Эффективность функционирования системы фармаконадзора на стационарном этапе (учрежденческий уровень) // Естественные науки и медицина: теория и практика: сб. статей по материалам XIII–XV Международной научно-практической конференции. Т. 8–10. Новосибирск, 2019. С. 52–59.
10. Рузаева М. А. Гражданско-правовое регулирование фармацевтической деятельности // Образование и право. 2019. № 2. С. 94–97.
11. Чикунев А. Ю. Соотношение понятий «контроль» и «надзор» в российской правовой системе // Молодой учёный. 2018. № 43 (229). С. 173–178.
12. Шандра М. Ю. Особенности правового регулирования розничной купли-продажи лекарственных средств // Юридическая наука. 2018. № 3. С. 51–57.

REFERERNCES

1. Balakina P. A., Savina T. A. [Administrative and legal regulation of pharmaceutical activity licensing]. In: Volodina N. A., ed. *Gosudarstvennoye upravleniye i razvitiye Rossii: vyzovy i perspektivy: sb. statey III Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Public Administration and Development of Russia: Challenges and Prospects: Sat. articles of the 3^d All-Russian Scientific and Practical Conference]. Penza, 2019, pp. 3–8.
2. Vilgonenko I. M., Slepencok Yu. N., Sukhacheva L. K. [Specificity of legal regulation of certain types of medicines]. In: *Chernyye дыры v Rossiyskom zakonodatelstve* [Black holes in Russian legislation], 2017, no. 6, pp. 55–56.
3. Vronskaya M. V. [Legal regulation of pharmaceutical activity in the Russian Federation: trends and prospects of the «modernization» policy]. In: *Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa* [Territory of new opportunities. Bulletin of Vladivostok State University of Economics and Service], 2018, vol. 10, no. 4 (43), pp. 90–98.
4. Gracheva N. N., Tsybulko M. K. [Actual aspects of state regulation of relations in the sphere of drug circulation]. In: Bisaliev R. V., ed. *Itogi i perspektivy nauchnykh issledovaniy* [Results and prospects of scientific research]. Krasnodar, 2015, pp. 134–146.
5. Zhuravleva M. V., Romanov B. K., Gorodetskaya G. I., Muslimova O. V., Krysanova V. S., Demchenkova E. Yu. [Actual issues of drug safety, the possibility of improving the pharmacovigilance system]. In: *Bezopasnost i risk farmakoterapii* [Safety and risk of pharmacotherapy], 2019, vol. 7, no. 3, pp. 109–119.
6. Kosenko V. V., Trapkova A. A., Tarasova S. A. [Organization of state control of the quality of medicines on the basis of federal laboratory complexes]. In: *Vestnik Roszdravnadzora* [Bulletin of Roszdravnadzor], 2012, no. 6, pp. 19–22.
7. Mishchenko M. A., Mineeva N. K., Ponomareva A. A., Mishchenko E. S. [Regulatory and legal aspects of the pharmacovigilance system functioning at the state level and within the framework of the quality management system of pharmaceutical organizations]. In: *Modern Science*, 2020, no. 2-2, pp. 220–226.
8. Mokhov A. A. [Pharmaceutical law as a phenomenon]. In: *Aktualnyye problemy rossiyskogo prava* [Actual problems of Russian law], 2017, no. 12 (85), pp. 54–62.
9. Myrina A. L., Tueva I. A. [The effectiveness of the pharmacovigilance system functioning at the sta-

- tionary stage (institutional level)]. In: *Yestestvennyye nauki i meditsina: teoriya i praktika: sb. statey po materialam XIII–XV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. T. 8–10* [Natural Sciences and Medicine: Theory and Practice: Sat. articles based on materials of the 13th–15th International Scientific and Practical Conference. Vol. 8–10]. Novosibirsk, 2019, pp. 52–59.
10. Ruzaeva M. A. [Civil law regulation of pharmaceutical activity]. In: *Obrazovaniye i pravo* [Education and law], 2019, no. 2, pp. 94–97.
 11. Chikunov A. Yu. [The relationship between the concepts of «control» and «supervision» in the Russian legal system]. In: *Molodoy uchonyy* [Young scientist], 2018, no. 43 (229), pp. 173–178.
 12. Shandra M. Yu. [Features of the legal regulation of the retail sale of medicines]. In: *Yuridicheskaya nauka* [Legal Science], 2018, no. 3, pp. 51–57.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Вильгоненко Ирина Михайловна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Пятигорского института, филиала Северо-Кавказского федерального университета; e-mail: vil-irina-m@yandex.ru

Слепенюк Юлия Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Пятигорского института, филиала Северо-Кавказского федерального университета; e-mail: slep.80@mail.ru

Станкевич Галина Викторовна – доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры предпринимательского и трудового права, Северо-Кавказского горно-металлургического института (государственного технологического университета); e-mail: stankevich.g@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina M. Vilgonenko – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Civil Law and Process, Pyatigorsk Institute, branch of the North Caucasus Federal University; e-mail: vil-irina-m@yandex.ru

Yuliya N. Slepenuk – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Departmentally Head, Department of Civil Law and Procedure, Pyatigorsk Institute, branch of the North Caucasus Federal University; e-mail: slep.80@mail.ru

Galina V. Stankevich – Dr. Sci. (Political), Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Prof., Department of Business and Labor Law, North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (State Technological University); e-mail: stankevich.g@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Вильгоненко И. М., Слепенюк Ю. Н., Станкевич Г. В. Государственное регулирование оборота лекарственных средств на потребительском рынке Российской Федерации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 4. С. 83–93.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-83-93

FOR CITATION

Vilgonenko I. M., Slepenuk Yu. N., Stankevich G. V. State Regulation of Drug Traffic in the Consumer Market of the Russian Federation. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2022, no. 4, pp 83–93.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-83-93

УДК 341.241.8:347.451

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-94-106

THE CONFORMITY OF GOODS UNDER THE CISG

Yunus Emre AY*Antalya Bar Association**Soğuksu Mah. 300. sok. Aylar Apt. Kat:3 Daire:7 Muratpaşa, Antalya, Turkey*

Abstract

Aim. To analyse CISG Article 35 which regulates conformity of goods.**Methodology.** The method of analysis, empirical research method were used**Results.** In international sales law, the buyer is entitled to receive what was bargained between both parties and the seller has an obligation to send the goods in accordance with the contract of sale. Naturally, the goods must be suitable as agreed in the contract of sale. Therefore, the conformity of goods is the duty of the seller. Article 35 CISG is only provision which regulates the conformity of goods.**Research implications.** Conformity of goods is a very significant part of the contract of sale in international sales law and non-conformity of goods may amount to the fundamental breach of the contract of sale. Conformity of goods is shaped by the expectations of the buyer and is the duty of the seller. Pursuant to Article 35 CISG, conformity of goods is categorized in two different groups; the express conformity of goods and the implied conformity of goods. The express conformity of goods criteria are contractual quality, contractual quantity, contractual description and packaging in CISG Article 35(1). The implied conformity of goods criteria are fitness for the ordinary purpose, fitness for the particular purpose, sample goods and packaging in CISG Article 35(2). Packaging is the common criterion for both criteria.**Keywords:** Conformity of Goods, CISG Article 35, international sales law

СООТВЕТСТВИЕ ТОВАРОВ ДОГОВОРАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ

Эмре Ю.*Ассоциация адвокатов Антальи**пров. Анталия, р-н Муратпаша г. Согуксу, ул. Айлар, д. 300, Турецкая Республика*

Аннотация

Цель. Анализ ст. 35 Договора международной купли-продажи товаров, регулирующей соответствие товаров.**Процедура и методы.** В работе использованы методы анализа и эмпирический.**Результаты.** В соответствии с международным правом купли-продажи покупатель имеет право получить то, что было заключено между обеими сторонами, и продавец обязан отправить товар в соответствии с договором купли-продажи. Естественно, товар должен быть подходящим, как оговорено в договоре купли-продажи. Поэтому соответствие товара является обязанностью продавца. Ст. 35 CISG является лишь положением, регулирующим соответствие товара.**Теоретическая и/или практическая значимость.** Соответствие товара является весьма значительной частью договора купли-продажи в международном праве купли-продажи, и несоответствие товара может представлять собой существенное нарушение договора купли-продажи. Соответствие товара определяется ожиданиями покупателя и является обязанностью продавца. Согласно ст. 35 CISG соответствие товаров подразделяется на 2 группы: явное соответствие товаров и подразумеваемое соответствие товаров. Критериями явного соответствия товаров являются договорные качество, количество, описание и упаковка, описанные в ст. 35 (1)

CISG. Подразумеваемыми критериями соответствия товаров являются пригодность для обычной цели, пригодность для конкретной цели, образцы товаров и упаковка, описанные в ст. 35 (2). Упаковка является общим критерием для обеих групп.

Ключевые слова: соответствие товаров, статья 35 CISG, международное право купли-продажи

Introduction

In Post II World War Era, the international trade escalated dramatically and triggered the globalization. The globalization of trade become the reason of the regional and global unification of sales law¹. Since the law of the destination of goods is the applicable law in international sales contracts between the buyer and the seller, the seller is not familiar to the applicable law unlike the buyer. This situation causes legal uncertainty for the seller because national contract law provisions are insufficient to regulate the international sales transactions between the buyer and the seller. Therefore, the UNCITRAL («the United Nations Commission on International Trade Law») prepared the draft of CISG (United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods) in 1980 to promote uniformity of sales law and to eliminate legal uncertainty at global level in international sales law. It offers standard rules in international sales law².

Non-conformity of goods means that the quality and quantity of the goods do not fulfil conditions of the quality and quantity as agreed by the contractual terms between them³. After the contract of sale is concluded, the seller has obligation to send goods as required by the contract. The goods must conform as required by the contract. Article 35 of CISG is only provision which regulates the conformity

of goods⁴. Article 35(1) is the basic rule of the determination of conformity of goods. It embodies one basic principle of contract law, i.e. freedom of contract. Therefore, the buyer is entitled to receive exactly what was bargained by the parties pursuant to Article 35(1). These criteria are known as the express conformity obligations. They are contractual quantity, contractual quality, contractual description and package respectively. Article 35(2) includes four subparts which regulates the situation that the parties have not agreed otherwise on their contractual conditions. It is applied where there are no relevant provisions which regulating conformity of goods⁵. They are known as the implied conformity obligations. They are fitness for the ordinary purpose, fitness for the particular purpose, sample or model and package respectively. As a result, the goods must be conformed to

¹ Ruangvichathorn J. The Harmonization of ASEAN Sales Law: A Comparative Study with Thai Sales Law and CISG. In: *Thammasat Business Law Journal*, 2020, vol. 49, no.1, p. 133.

² Oktavíandra S. Indonesia and Its Reluctance to Ratify the United Nations Convention on Contracts For the International Sale of Goods(CISG). In: *Indonesia Law Review*, 2018, vol:8, no. 3, p. 244.

³ Mai Nan Kham. Exclusion and Limitation of Liability for Non-conformity of Goods: A Comparative Study on CISG, UCC and UK Law: PhD Thesis, Nigata University, 2017, p. 12.

⁴ CISG Article 35: (1) The seller must deliver goods that are of the quantity, quality and description required by the contract and which are contained or packaged in the manner required by the contract.

(2) Except where the parties have agreed otherwise, the goods do not conform with the contract unless they:

(a) are fit for the purposes for which goods of the same description would ordinarily be used,

(b) are fit for any particular purpose expressly or impliedly made known to the seller at the time of the conclusion of the contract, except where the circumstances show that the buyer did not rely, or that it was unreasonable for him to rely, on the seller's skill and judgment;

(c) possess the qualities of goods, which the seller has held out to the buyer as a sample or model,

(d) are contained or packaged in the manner usual for such goods or, where there is no such manner, in a manner adequate to preserve and protect the goods.

(3) The seller is not liable under subparagraphs (a) to (d) of the preceding paragraph for any lack of conformity of the goods if at the time of the conclusion of the contract the buyer knew or could not have been unaware of such lack of conformity.

⁵ Williams J. Analysis of CISG Article 35 – Conformity of the Goods in the Changing Power Dynamics of Corporate Social Responsibility. In: *Comparative Law Journal of the Pacific*, 2015, vol. XIX, pp. 304-305.

the express terms of the contract of sale and implied terms which do not appear in express terms of the contract of sale. Their quality has an obligation to comply with the standard stipulated in the law¹.

The Express Conformity Obligations

1. Contractual Quantity

The seller must deliver the exact quantity of goods the buyer as agreed in the contract. A failure of the delivery of more or less amount of goods constitutes breach of contract. However, it should be emphasized that variations in quantity is considered normal within certain limits². For example, Pursuant to UCP 600 Rules Article 30(a), various tolerances in credit amount, weight and value of goods are allowed as follows³:

a) *the words «about» or «approximately», used in connection with the amount of the credit or the quantity or the unit price stated in the credit, are to be construed as allowing a tolerance not to exceed 10% more or 10% less than the amount or the quantity or the unit price to which they refer;*

b) *a tolerance not to exceed 5% more or 5% less than the quantity of goods is allowed, provided the credit does not state the quantity in terms of a stipulated number of packing units or individual items and the total amount of the drawings does not exceed the amount of credit;*

c) *even when partial shipments are not allowed, a tolerance not to exceed 5% less than the amount of the credit is allowed, provided that the quantity of the goods, if stated in the credit, is shipped in full and a unit price, if stated in the credit, is not reduced or that sub-Art 30(b) is not applicable. This tolerance does not apply when the credit stipulates a specific tolerance or uses the expressions referred in sub-Art30(a).*

In English law, the national courts disallow the buyer to take the advantage of a merely «*de minimis*» variation which is «*not capable of influencing the mind of the buyer*»⁴. Gravity, nature of goods may affect the quantity of total goods⁵. However, it should be at «*de minimis level*».

Quantity of the goods may be delivered less or more than the agreed quantity in contract of sale. Both situations violate the conformity of goods obligations. If the seller delivers less quantity of goods which has been agreed by the parties, the buyer may fix an additional time for the delivery of the missing goods, price reduction or partial avoidance of contract of sale for the missing parts. If the partial delivery of goods amounts to fundamental breach of contract of sale, there is the avoidance of the contract of sale as a legal remedy⁶. This article became the subject matter of many civil cases. On 28 December 2008, the Shanghai First Instance Court held that there is the fundamental breach of the contract of sale in case the seller had delivered only minor parts of the liquors requested by the buyer and -additionally- none of the brands listed in the contract of sale. Other courts delivered similar judgments in cases where the major part of the goods was either non-confirming or considerably affected by the non-confirming goods. An American court ruled that a fundamental breach of the contract of sale is considered that 93% of delivered goods performing below the standard cooling capacity for air conditions. In a French case, it was held that 380 of 445 non-confirming motherboards amount to the fundamental breach. A German court ruled that 420 kg out of 22 tons non-confirming goods constitute the fundamental breach. In an Italian case, the value of more than 90% of the non-confirming goods more than 90% constitute fundamental breach⁷. However, it

⁴ Huber / Mullis, p. 480.

⁵ Ekşi N., Milleterarası T. H., Beta Yayıncılık. Bası, İstanbul, Mart 2010, p. 11.

⁶ De Luca V. The Conformity of the Goods to the Contract in International Sales. In: *Pace International Law Review*, 2015, iss. 1, vol. 27, article 4, p. 188.

⁷ Chen M. M., Pair L. M. Chapter 35: Avoidance for non-Conformity of Goods under Art.49(1)(A)

¹ Maï Nan Kham, p. 12.

² Huber P., Mullis A. The CISG A New Textbook for Students and Practitioners. In: *European Law Publishers*, 2007, p. 131.

³ Carr I. International Trade Law. In: *Routledge*, 2009, p. 480.

should be noted that excess delivery of goods does not constitute fundamental breach as a rule¹. If the seller delivers excessive quantity of goods, the buyer has two options, accepting the excess goods or refusing the excess quantity. It is accepted that if the buyer cannot reject the «extra» goods, it may amount to the fundamental breach of contract of sale and the contract of sale may be totally avoided. The CISG Official Records exemplifies this situation as follows:

«If it is not feasible for the buyer to reject only the excess amount, as where the seller tenders a single bill of lading covering the total shipment in exchange for payment for the entire shipment, the buyer may avoid the contract if the delivery of such an excess quantity constitutes a fundamental breach»².

2. Contractual Quality

The second condition of CISG Article 35(1) is the delivery of goods of the quality provided in the contract of sale. CISG Article 35(1) does not specify criterion as to the allowed divergence from the agreed standard; any variation, therefore, is assessed non-conformity regardless of the consequences on the value or usability of the goods. Given the broad significance attributed to «quality», It is commonly accepted that the term is broadly interpreted in order to comprise both the lack of physical conditions and «all factual and legal circumstances concerning the relationship of the goods to their surroundings.» For example, the French Court of Cassation ruled that the seller «*had not honoured its contractual obligation to supply a wine confirming to the contract and of fair merchantable quality*» since he delivered chaptalized wine that had transformed into vinegar³.

It is common practice that the buyer must inform the seller regarding the public law regulation in the country of the destination of the goods. The «*New Zealand Mussels*» case, which was heard by the German Court in 1995 is one of the most popular cases related to CISG Article 35(1)⁴. The German buyer requested 1.750 kg of New Zealand Mussels from the Swiss seller and the seller delivered the goods on time to the place agreed by the seller and the buyer. Upon the seller's payment request, the buyer notified that the level of cadmium concentration is higher than the rate set by the German public authorities. The German court held that the foreign seller is unable to know the administrative criteria and public law regulations; therefore, the buyer cannot rely upon the knowledge of the foreign seller; it can be expected that the buyer has such information in the place of destination of goods or in his own country. The buyer has an obligation to share relevant information to the seller in detail. Therefore, the German court approved the seller's payment request to the buyer⁵. In this respect, the German courts set three exceptions as follows:

- The countries of the seller and the buyer has the same or very similar standards.
- The information was given to the seller regarding the standards of goods by the buyer.
- Relevant factors (such as: the relationship between the existence of the headquarter or branch of the seller in the country of the buyer, the buyer and the seller in pre-shipment of goods, the fact that the seller sells the goods to the country of the buyer for a long while or other reasonable or similar conditions) showing that the seller knows the public law regulations or criteria in the country of the buyer party⁶.

CISG, Liber Amicorum Eric Bergsten International Arbitration and Commercial Law: Synergy, Convergence and Evolution, Edited by Stefan Kröll, L. A. Mistelis, P. Perales Viscasillas & V. Rogers, Kluwer Law International, 2011, p. 669.

¹ Chen / Pair, p. 669.

² De Luca V. The Conformity of the Goods to the Contract in International Sales. In: *Pace International Law Review*, 2015, iss. 1, vol. 27, article 4, pp. 189–190.

³ De Luca, pp. 189–190.

⁴ CISG Article 35(2)(a) «fit for the purpose for which they would ordinarily be used».

⁵ Atamer Y. M. Uluslararası Satım Sözleşmelerine İlişkin Birleşmiş Milletler Antlaşması (CISG) Uyarınca Satıcının Yükümlülükleri ve Sözleşmeye Aykırılığın Sonuçları, 1. Bası, Beta Yayınları, İstanbul, 2005, p. 202.

⁶ Can Hacı, Tuna Ekin, Sınırtaşın Sözleşmelere İlişkin Meseleler Gümrükten Geçmeyen Mallardan Kaynaklanan Hukuki Sorumluluğa İlişkin Bir Vaka İncelemesi, Dokuz Eylül Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi, vol. 19, iss. 2, 2019, p. 2186. See also AY Yunus Emre, The Fundamental Breach of Contract of Sale

a. Trade Usage

The contractual quality is also related to the trade usages because trade usage is a source of law and can be applied to solve commercial dispute¹. It is a part of *lex mercatoria*². It may call for certain ethical rules and standards in commercial life. Pursuant to CISG Article 9, the parties are bound by any usage to which they have agreed and by any practices which they have established between themselves. The parties are considered, unless otherwise agreed, to have impliedly made applicable to their contract or its formation a usage of which the parties knew or ought to have known and which in international trade is widely known to, and regularly observed by, parties to contracts of the type involved in the particular trade concerned³. For instance, private initiatives have to fulfil minimum ethical standards such as setting a maximum number of working hours, the prohibition of child labour, and prescribing human treatment in many trade sectors⁴. If the buyer and the seller are located in different countries in the European Union, relevant European regulations or directives can be considered trade usage that sets criteria for the quality of goods as gap-filling rule between parties.

A prominent trade usage example is the Kimberley Process Certification Scheme that is an international certification scheme for rough diamonds as a trade usage. Participants of this scheme must ensure that any diamond cannot be obtained from the country which does not finance a rebel group (so-called blood diamonds). Every diamond is imported (from) or exported (to) by a Kimberley

process certificate. Therefore, the Kimberley Process Certification became the trade usage⁵.

Above-mentioned trade usages are not created by the buyer and the seller. A trade usage cannot be created by way of concluding of the mere contract. Repeated transactions are necessary to establish trade usage between the parties⁶. The buyer and the seller may create a trade usage between them if they have long-lasting relationship. If the seller exports the certain quality goods to the buyer in many times for certain long period, there may be considered trade usage between them. Especially, a revolving letter of credit may be evidence to prove trade usage between the parties in such situations.

3. Contractual Description

The seller has an obligation to deliver the goods which were agreed in contract of sale. Pursuant to CISG Article 35(1), any deviation from the contractual description of the goods is considered a breach of contract of sale. For example, parties decide to trade beef between them. The buyer from Muslim country ordered beef from the seller to sell them butcher in his country but the seller delivers pork. There is a breach of contract of sale. In this situation, the issuing bank reject payment based on the strict compliance principle if there is letter of credit relationship because there is violation of contractual description criterion.

Within the context of contractual description, there has been debates amongst scholars is whether the delivery of goods of a different kind (known as «*aliud*») may be regarded as delivery of non-confirming goods or failure to deliver. The first view that regards «*aliud*» as failure to deliver rejects distinction between defective delivery and failure to deliver goods. The second view that regards «*aliud*» as non-confirming goods is more accepted in the doctrine⁷. It makes drawing the distinction between delivery of wholly different goods and merely defective goods

under the CISG, *Facta Universitatis*, Series: Law and Politics, 2022, vol. 20, iss. 1, p. 30.

¹ Arbitration Rules of the Arbitration Center of Iran Chamber of Commerce Art. 42(D): «*The Arbitrator is obliged to decide in accordance with provisions of the contract and shall take into account the relevant trade usage.*»

² Pamboukis Ch. The Concept and Function of Usages in the United Nations Convention on the International Sale of Goods. In: *Journal of Law and Commerce*, 2005, vol. 25, iss. 1, p. 107.

³ Pambouki states that CISG Article 9 grants normative value to trade usage. See Pamboukis, p. 108.

⁴ Schwenger I. Ethical Standards in CISG Contracts. In: *Uniform Law Review*, 2017, pp. 124–125.

⁵ Schwenger, *Ethical Standards in CISG Contracts*, p. 125.

⁶ Graffi L. Remarks on Trade Usages and Business Practices in International Sales Law. In: *Journal of Law and Commerce*, 2011, vol. 29, no. 2, pp. 278–279.

⁷ De Luca, pp. 192–193.

unnecessary. Furthermore, it is unreasonable situation to put the buyer obligation to give notice of delivery of completely different goods and to notify avoidance of contract¹. Supposing that the buyer and the seller agreed on the documentary letter of credit as the payment method. Letter of credit relationship is a triparty relationship. The three parties are the buyer (known as the applicant), the buyer's bank (known as the issuing bank) and the seller (known as the beneficiary). There is an underlying contract (the contract of sale) between the buyer and the seller. This contract may contain a letter of credit clause as the payment method. The letter of credit is independent relationship from the underlying contract. The issuing bank has obligation to make payment to the seller upon the proper presentation of the documents stipulated in the documentary letter of credit proving the seller's performance of the underlying contract, which generally include a bill of lading, proforma invoice and insurance policy². In this relationship, these three documents contain the information regarding the contractual description in the contract of sale between the buyer and the seller. If these three documents prove that the seller delivers the goods against contractual description and there is «aliud», the issuing bank does not make payment to the seller³.

The Implied Conformity Obligations

1. Fitness for the Ordinary Purpose

Unless the parties specify the purpose of the ordered goods, the goods must be «fit for the purpose for which goods of the same description would ordinarily be used» pursuant to CISG Article 35/2. Although goods are purchased for a purpose of the buyer, the purpose of purchasing goods may not be discussed in pre-contractual negotiations⁴.

¹ Huber / Mulli, p. 133.

² Gao Xiang, The Fraud Rule in Law of Letters of Credit in the P.R.C., The International Lawyer, 2007, vol. 41, p. 1069.

³ Graffi L. Remarks on Trade Usages and Business Practices in International Sales Law, p. 288.

⁴ Yara A. I., Conformity of Goods in International Sales Under CISG and English Law. In: *LLM Thesis*,

In this respect, the term «ordinary use» gained importance. It is not defined in any international commercial convention but if it is defined, it is necessary to abstain from absolute rules or definitions⁵. «Ordinary use» can be defined as «the function of goods that comes in mind at first under normal conditions» in the legal doctrine. In the light of this definition, if the buyer orders the goods from the seller only with general description without the need to further communication, for example, cars must be suitable for drivable, fruit must be suitable for consumption and so on⁶. If the buyer orders the same type of goods for the same purpose for a long time, the last order is considered that it is like previous purposes unless its purpose is specified.

HENSCHEL is of the opinion that «*The rule in Article 35(2)(a) on the fitness of the goods for their ordinary purposes is not an objective legal standard, but a rule about the presumed intention of the parties which should be interpreted on the basis of all the relevant circumstances of the case, cf. Article 8 and Article 9*»⁷. As a departure point, the determination of ordinary use of goods is interpreted in accordance with the «objective view of a person in the trade sector concerned». The determination of ordinary use of goods depends on consuming or using purpose of the buyer in market expectations. It is related to various factors such as culture, traditions, legal regulations (especially public law provisions) and economic requirements⁸. For example, steering wheel is located on the left side of the front of car in continental Europe. In the UK, steering wheel is located on the right side of the front of car. It is a good example of the relationship between

Amsterdam, 2016, p. 17.

⁵ Henschel R. F., Conformity of Goods in International Sales Governed by CISG Article 35: Caveat Venditor, Caveat Emptor and Contract Law As Background Law and As a Competing Set of Rules. In: *Nordic Journal of Commercial Law*, 2004, iss. 1, p. 7.

⁶ De Luca, p. 197.

⁷ Henschel R. F. Conformity of Goods in International Sales Governed by CISG Article 35: Caveat Venditor, Caveat Emptor and Contract Law As Background Law and As a Competing Set of Rules. In: *Nordic Journal of Commercial Law*, 2004, iss. 1, p. 7.

⁸ Schlechtriem P./Butler P., *UN Law on International Sales*, Springer, 2009, p. 116.

public law provisions, culture and fitness for the ordinary purpose. Therefore, the ordinary use may be defined by the criteria set by the country or region in which the buyer enjoys the goods¹. As the seller always does not know this information, supporters of this view emphasize that the buyer should inform to the seller where the goods will be received². Therefore, the above-mentioned *New Zealand Mussels* case is a very good example of this situation.

Pursuant to Article 35(2)(a) CISG, there is no stipulation regarding the average quality to be fit for average purpose which is required by many domestic legal systems³. This problem was discussed in a Dutch Arbitral Award in 2002. This dispute is related to contract of sale of a condensate derived from the exploration of gas reservoirs after they separate from the gas stream. The condensate was sold through series of contract of sale and is subject to refining on behalf of the buyer as part of mixture which consists of condensate and crude oil known as «Rijn Blend». The buyer and sellers had entered into numerous contracts of sale for several years to sell Rijn Blend. In 1998, however, the buyer claimed that it would not accept any more Rijn Blend due to the high level of mercury in condensate. The sellers resold the Rijn Blend at lower prices than contract price and requested the coverage of damages from the buyer before the arbitral tribunal. The Arbitral Tribunal discussed the term of fitness for the ordinary purpose in Article 35(2)(a) CISG under three different terms to solve the dispute. There are reasonable standard, average quality standard, and merchantability standard⁴.

Merchantability standard derived from the common law systems. The arbitral tribunal states that «*a reasonable buyer would have concluded contracts for Rijn Blend at similar prices if such a buyer had been aware of the mercury concentrations*». Relying on the

seller's resale of condensate at lower prices after the buyer's non-acceptance, the arbitral tribunal ruled that if this standard were practiced, there would be breach by the seller since «*other buyers in the market for Rijn Blend were <...>. unwilling to pay the price [sellers] had agreed with [buyer]*»⁵. Average quality standard derived from civil law systems. The arbitral tribunal ruled that the buyer had failed to meet its onus of proof as regards the issue of «whether there [was] a common understanding in the refining industry what average quality for blended condensates (such as Rijn Blend) should have been and what levels of mercury [were] tolerable.» Therefore, the buyer could not be responsible if that test were practiced⁶. Ultimately, both of these standards were dismissed in favour of a «reasonable quality standard» for the interpretation of Article 35(2)(a) by the Arbitral Tribunal⁷. The Arbitral Tribunal emphasized that the standard of reasonable quality is more compatible with the Convention's international character and is more available to the promotion of uniformity. It was ruled that the seller breached the reasonable quality standard for two reasons. First, the arbitral tribunal stated that the contract price could not have been agreed from selling Rijn Blend in all likelihood if other buyers knew about the levels of mercury. The Rijn Blend with lower mercury level was clearly valued more highly than that with higher level mercury. Second, the buyer and the seller have had a long-term business relationship and it is an important factor to shape the expectations of the buyer. Therefore, the buyer «*was entitled under the contracts to a constant quality level of the Rijn Blend corresponding to the quality levels that had been obtained during the <...> initial period of the Contracts and on which [buyer] and its customers could reasonably rely*»⁸.

¹ See Schlechtriem, supra note 106, at 6 ff. quoted in: De Luca, p. 204.

² See Schlechtriem & Butler, supra note 5, at 119. quoted in: De Luca, p. 204.

³ Schlechtriem / Butler, p. 116.

⁴ Gillette C. P., Ferrari F. Warranties and «Lemons» under CISG Article 35 (2) (a), *Internationales Handelsrecht(IHR)*, 2010, vol. 1, p. 8.

⁵ Saidov D. Article 35 of the CISG: Reflecting on the Present and Thinking About the Future. In: *Villanova Law Review*, 2014, vol. 58, iss. 4, p. 535.

⁶ Saidov, pp. 535, 536.

⁷ Gillette / Ferrari, p. 9.

⁸ Saidov, p. 536.

2. Fitness for the Particular Purpose

The particular purpose criterion has priority over the ordinary purpose criterion. The goods that do not have the particular purpose criterion do not conform to the contract of sale even if they are fit for ordinary purposes in CISG Article 35(a) because they do not conform to the purpose for which they were produced or made¹. Under Article 35(2)(b) CISG, the seller is responsible for the fitness of the goods for a particular purpose other than the fitness of the good for the ordinary purpose, if such a purpose has been informed to him expressly or impliedly or known by the seller². The buyer may rely on the seller's skill and judgment reasonably. For example, the buyer's particular purpose could be the use of the goods in a specific way of processing or certain region having special standards related to religion. There is no problem when the seller is clearly informed to the buyer with the particular purpose of the goods. If such a purpose is impliedly informed to the seller, «an objective test» shall be applied. In both situations, the seller shall be made aware of the particular purpose of use of the buyer. Therefore, it is ruled by the *Cour d'Appel de Grenoble* in France that: «because the seller deliver some metallic elements which could not be used for the reassembling of the second hand hanger as agreed upon by the parties, there was a lack of conformity as the seller knew at the time of contracting that such metallic elements had to be used for that particular purpose and were not fit for it»³.

¹ Andrushchenko S. Non-conformity of goods under Article 35 of the United Nations Convention on Contracts for International Sale of Goods, Knowledge Transfer in the Global Academic Environment, Volume I: Book of Research Papers, TESOL – Ukraine Research Academy, Lviv, 2020, p. 20.

² Shabani F., Non-conformity of Goods in Light of the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods and the Law on Obligations of the Republic of Macedonia as Part of South-Eastern European Law. In: *Academic Journal of Interdisciplinary Studies*, MCSER Publishing, 2015, vol. 4, no. 2, p. 87.

³ Decision No RG 93/4879, dated 26.04.1995.; DAWWAS Amin, Non-Conformity of Goods in Light of CISG, Unidroit Principles and the Palestinian Commercial Law Draft. In: *Journal of Sharia & Law*, 2012, iss. 52, p. 40.

A particular purpose rule is the result of the fact that the buyer has intention to enjoy the goods in a certain country or economic area. Good manufacturing practice(GMP) plays an important role for the interpretation of «fitness for the particular purpose» since it means that well-known regulation which ensures the appropriate production process on the impact of the quality of the goods⁴. For example, If the goods are imported into the European Union, they must have the CE Mark («European Conformity») on the surface of their packages or goods. This is clearly required in European Union directives. The importers of the products have to confirm that the producers outside the EU have taken the necessary steps and the documentation is presented upon request. Distributors must present the documents to national authorities that they have acted with due care and must have submit affirmation from the importer or/and manufacturer that the necessary measures have been taken. If the seller sells medical devices to the United States, the seller must be aware of the fact that the goods are in accordance with the good manufacturing practices set by the Food and Drug Administration. The merchants must be aware of this situation⁵.

Another emerging field is the awareness of consumers for the production of goods sustainably and ethically. The same is true for foods that must undertake the process in a certain way to fulfill religious standards such as halal or kosher food. Although there is no difference in the physical features of the goods in such situations, consumers are generally ready to pay a higher price for the goods compared to goods that are not traded or produced in such way. Therefore, there is a

⁴ Roland D. Sales and Conformity of Goods: A Legal Discourse, Banking and Finance, Editors: HARON Razali, HUSIN Maizaitulaidawait Md, MURG Micheal, 2020, p. 9.

⁵ Schwenzer I. Conformity of the Goods – Physical Features on the Wane? Conference in Honour of Peter Schlechtriem 1933–2007: the 3rd Annual MAA Schlechtriem CISG Conference, The Hague, 2012, pp. 104–108.

special market with higher prices for relevant consumers¹.

3. Sample or Model

In a contract of sale, the purpose of the sample or model goods is to describe the consideration. Instead of using words to describe the goods and their characteristic, the performance of task is carried out by the sample or model². In Article 35(2)(c) CISG, it is accepted that the goods conform to the contract of sale, if they have features which the seller has presented to the buyer as a sample or model. This situation can be deduced from two similar situations: the first, where the buyer and the seller have clearly agreed on strict compliance in performance (as in fitness for the particular purpose of the goods); and the second, where the applicable law assumes the qualities of sample good to be treated as a contractually promised quality in the sense of rule that can be found in some domestic legislations Section 2-313(1)(c) UCC, Section 15 of the English Sale of Goods Act(1893)³.

In the *Packaging Machine* case, the buyer proved that the seller had promised producing a machine of 180 vials per minute while the actual performance of the machine was 52 vials per minute as a sample good although a maximum velocity of the machine was 115 vials per minute was possible. The seller claimed that maximum production capacity of the machine was impossible and had not ever been agreed by parties. The buyer declared the avoidance of the contract of sale and requested the coverage of damages from the seller. The court considered the qualities of the machines the fundamental breach of contract of sale. The court held that the actual production capacity – 52 vials per minute –

caused 71% production loss over the 180 vials per minute and caused 40% production loss over the 115 vials per minute⁴. This situation is considered a fundamental breach of the contract of sale.

A small deviance is acceptable in the standard of the sample or model than that of the delivered goods. It is deduced from a decision delivered by a Belgium Commercial Court in 2006. The buyer ordered doors known as «Tulipwood» after they were sent to the buyer as sample or model goods. When the buyer received the doors, the buyer claimed that they are non-conforming in CISG Art. 35 (2)(c) due to the different colours of the door. In this case, the knowledge and experience of the buyer must be considered for the interpretation of CISG Art. 35(2). Regarding the particular case, «Tulipwood» that is the type of wood is known to have differences in colour, and therefore the buyer should have known that the goods do not correspond to the sample completely⁵.

4. Packaging

Packaging is the common criterion of express and implied conformity obligations. As a rule, the seller is responsible for packaging in international sales law. In light of features of international trade between long distances, packaging is a very important issue⁶. In Article 35(2)(d) CISG, adequate packaging is necessary for the particular kind of goods. Packaging must be suitable for the nature of goods. Different factors such as the time, climate conditions, and the kind of transport are taken into account⁷. If the parties make a

¹ Schwenzer, *Conformity of the Goods – Physical Features on the Wane?* p. 105.

² Huber / Mulli, p. 139.

³ Section 2-313(1)(c) Uniform Commercial Code:

(1) Express warranties by the seller are created as follows:

(a)

(b)

(c) Any sample or model which is made part of the basis of the bargain creates an express warranty that the whole of the goods shall conform to the sample or model. Al-Hajaj, pp. 194–195.

⁴ Al-Hajaj A. *The Concept of Fundamental Breach and Avoidance under CISG: PhD Thesis*, 2015, pp. 197–198.

⁵ Kristensen K. Q., *The Conformity Assessment for International Sale of Goods Contracts*, Master Thesis, Aalborg University, 2021, pp. 51–52.

⁶ Shabanı F. *Non-conformity of Goods in Light of the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods and the Law on Obligations of the Republic of Macedonia as Part of South-Eastern European Law*. In: *Academic Journal of Interdisciplinary Studies*, vol. 4, no. 2, 2015, p. 86.

⁷ Schwenzer in Schlechtriem / Schwenzer, *Commentary*, Article para 29, 31. quoted in Schlechtriem / Butler, p. 120.

contract of sale regarding packaging and the goods are not be packaged in accordance with the contract of sale, there is an infringement of contract of sale¹. If the parties make no contract regarding packaging, the goods must be packaged in the usual manner for the goods of the same description or, where there is no such manner, in a style to preserve the goods. If incorrect packaging causes the consequence that it is impossible to resell in the buyer's place of business, there is fundamental breach. Insufficient packaging gives rise to the passing of risk rules with the result that the seller is held liable although the risk passed from the seller to the buyer. In *Conservas La Soctena v Lanin* case, the Mexican arbitral tribunal ruled that the seller was held responsible for failing to supervise the delivery of the goods shipped by the Chilean supplier which reached the port of discharge in a damaged condition due to improper packaging². Moreover, this situation is compatible with international transportation rules. For example, In Hague Visby Rules (1968) Article IV, the sea carrier is not responsible for loss or damage resulting from insufficient packaging because packaging is under the responsibility of the seller.

Exclusion of Liability for Lack of Conformity of Goods

In CISG Article 35(3), the seller is not responsible in cases where the buyer knew or could not have been unaware of the particular lack of the conformity of goods at the time of the conclusion of contract of sale. If the buyer has the knowledge of the lack of conformity at the time of delivery of goods or after the inspection of goods, the seller is responsible for the lack of conformity of goods³. Lack

of conformity is not claimed that the buyer has the knowledge of the lack of the goods or accepting the goods in that state. For the interpreting the term of «could not have been unaware» within the context of the buyer, there should be a criterion that there is an average buyer. Although the CISG does not lay down the burden of proof rule in this situation, it is common approach that the seller has the burden of proof that the buyer knew or could not have been unaware of the lack of the goods in the legal doctrine. If the seller proves that the reasonable buyer could have the knowledge of the lack of conformity, he cannot be held responsible for the lack of conformity of goods⁴. In one case, the buyer and the seller have decided to trade the second-hand bulldozer. The buyer had examined the second-hand bulldozer and did not mention any defects before both parties made the contract of sale. As the seller managed to prove this examination, the court ruled that the seller is not responsible for defects claimed by the buyer⁵.

A more complex case was related to the sale of a textile machine (rotary printing). The contract has the detail that there is the rapport equipment length 641–1018 mm. Prior to the formation of the contract of sale, the buyer, a trader in textile machinery, had an inspection opportunity to the machine, which was not a new model (being 14 years old) and had no capacity to operate at a full rapport length. Before the contract of sale was made, the seller sent a fax message to the buyer referring to the same rapport length as that is included in the contract of sale, emphasizing that the machine was «*complete and operating as viewed*». After the formation of the contract of sale, the buyer also sent a purchase confirmation that it would take over the machine «*complete and operating as viewed*». The buyer claimed that the reason of the breach of the contract

¹ Doğan H. *Viyana Satım Sözleşmesi ve Türk Borçlar Kanunu Kapsamında Satıcının Ayıptan Doğan Sorumluluğu ve Özellikle Viyana Satım Sözleşmesine Göre Alıcının Tazminat Talep Etme Hakkı*, Master Thesis, Özyeğin University Faculty of Law, Supervisor: Tefrik Fikret Eren, İstanbul, 2017, p. 31.

² Al-Hajaj A., *The Concept of Fundamental Breach and Avoidance under CISG*: PhD Thesis, 2015, p. 202.

³ CISG Article 38(1): «The buyer must examine the goods, or cause them to be examined, within as short a period as is practicable in the circumstances».

Note: International inspection companies may inspect

the standard of goods on the behalf of the buyer if the parties agree. It may be a good examination option for the buyer.

⁴ Galego Dña A. C. *The Concept of Lack of Conformity: From the CISG to the Proposal on Online Sale of Goods*: Master Thesis, Universidade Nova de Lisboa, 2017, p. 66–67.

⁵ Kristensen, p. 60.

is that the stencil holders for a rapport length of 1018 mm were missing was refused on the ground that the buyer had an obligation that the machine does not conform to the latest technical features. Furthermore, the seller «*was entitled to expect that the buyer had concluded the contract in full knowledge of the technical possibilities of machinery and its equipment*». The Swiss First Instance Court ruled that «*rapport equipment was meant as technical information in respect to the possible rapport length, which could be printed if the necessary equipment was used*»¹.

In *Chicago Prime Packers, Inc v. Northam Food Trading Co.* case, the buyer and the seller agreed dealing with frozen ribs. The buyer decided to hire a third-party trucking company to collect the ribs. While accepting shipment, the trucking company signed a bill of lading describing the goods as «*in apparent good order*». The bill of lading also stated that the «*contents and condition of contents of packages [were] unknown*». Several days later, after the buyer's customer had received the ribs, the customer inspected the ribs and found them to be in an «*off condition*». Finally, the customer rejected the ribs. The district court ruled that the buyer underwent the burden of proving non-conformity of goods at the time of the delivery of goods and had the failure of the discharging the burden of proof. In confirming the district court's decision, the appellate court stated that «*the buyer had offered no credited evidence showing that the ribs were spoiled at the time of transfer or excluding the possibility that the ribs became spoiled after the transfer*». Additionally, as emphasized by the court, the buyer could not submit evidence that the seller «*stored the ribs in unacceptable conditions that could have caused them to become spoiled before the transfer*». Finally, the court emphasized the detail that the buyer's customer «*did not present a witness ... to respond to the evidence suggesting that the ribs examined ... were not those sold to [the buyer by the seller]*»².

In the Chinese *Heliotropin* case before CIETAC (the China International Economic & Trade Arbitration Commission), the arbitral tribunal imposes the burden of proof on the seller regarding the conformity of goods after the buyer's inspection report claiming non-conformity of goods. The arbitral tribunal found that the seller's export inspection certificate could not reflect the quality completely and was not an official document. Additionally, the arbitral tribunal ruled that the buyer submitted the inspection report to the seller, and the seller did not object to it within a reasonable time, the seller accepted the buyer's inspection report³.

Conclusion

Conformity of goods is a very crucial part of the contract of sale in international sales law and the violation of conformity of goods may amount to the fundamental breach of the contract of sale. It is one of the duties of the seller. In Art. 35 CISG, conformity of goods is classified in two different groups; the express conformity of goods and the implied conformity of goods. The express conformity of goods criteria are contractual quality, contractual quantity, contractual description and packaging. The implied conformity of goods criteria are fitness for the ordinary purpose, fitness for the particular purpose, sample goods and packaging. Packaging is the common criterion for both criteria. Comparing to above-mentioned situations, the nature of the express conformity obligations has more objective character and the nature of the implied conformity obligations has more subjective character. If the seller does not perform his obligation to send conforming goods to the buyer, he becomes the responsible for non-conforming goods and it may amount to the fundamental breach of contract of sale and cause avoidance of contract.

The seller cannot be held responsible in situations where the buyer knew or could

¹ Saidov, pp. 532–533.

² Linne A. L., Burden of Proof under Article 35 CISG, Pace International Law Review, 2008, vol. 20, iss. 1, p. 36.

³ CIETAC (the China International Economic & Trade Arbitration Commission), 10 July 1993 (P.R.C.), LINNE, pp. 42–43.

not have been unaware of the particular lack of the conformity of goods at the time of the conclusion of contract of sale. If the buyer has the knowledge of the non-conformity of goods at the time of delivery of goods or after the inspection of goods, the seller is held responsible for the non-conformity of goods.

Статья поступила в редакцию 28.07.2022.

REFERENCES

1. Al-ajaj A. The Concept of Fundamental Breach and Avoidance under CISG: PhD Thesis. 2015, 202 p.
2. Andrushchenko S. Non-conformity of goods under Article 35 of the United Nations Convention on Contracts for International Sale of Goods. In: *Knowledge Transfer in the Global Academic Environment*. Vol. I. Lviv, 2020. P. 15–22.
3. Atamer Y. M. Uluslararası Satım Sözleşmelerine İlişkin Birleşmiş Milletler Antlaşması(CISG) Uyarınca Satıcının Yükümlülükleri ve Sözleşmeye Aykırılığın Sonuçları, 1. Bası, Beta Yayınları, İstanbul, 2005. 546 p.
4. Ay Y. E. The Fundamental Breach of Contract of Sale under the CISG. In: *Facta Universitatis. Series: Law and Politics*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 25–32.
5. Can H., Tuna E. Sınıraşan Sözleşmelere İlişkin Meseleler Gümrükten Geçmeyen Mallardan Kaynaklanan Hukuki Sorumluluğa İlişkin Bir Vaka İncelemesi. In: *Dokuz Eylül Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi*, 2019, vol. 19, no. 2, pp. 2161–2194.
6. Carr I. *International Trade Law*. Routledge, 2009. 738 p.
7. Chen M. M., Pair L. M. Chapter 35: Avoidance for non-Conformity of Goods under Art. 49(1)(A) CISG. In: *Liber Amicorum Eric Bergsten International Arbitration and Commercial Law: Synergy, Convergence and Evolution* / ed. S. Kröll, L. A. Mistelis, P. Perales Viscasillas, V. Rogers. Kluwer Law International, 2011, pp. 655–664.
8. Dawwas A. Non-Confirmity of Goods in Light of CISG, Unidroit Principles and the Palestinian Commercial Law Draft. In: *Journal of Sharia & Law*, 2012, no. 52, pp. 25–108.
9. De Luca V. The Conformity of the Goods to the Contract in International Sales. In: *Pace International Law Review*, 2015, vol. 27, iss. 1, pp. 162–257.
10. Doğan H. Viyana Satım Sözleşmesi ve Türk Borçlar Kanunu Kapsamında Satıcının Ayıptan Doğan Sorumluluğu ve Özellikle Viyana Satım Sözleşmesine Göre Alıcının Tazminat Talep Etme Hakkı, Master Thesis. İstanbul, 2017. 148 p.
11. Ekşi N. *Milletlerarası Ticaret Hukuku*, Beta Yayıncılık, 1. Bası, Mart İstanbul 2010, 591 p.
12. Galego Dias A. C. The Concept of Lack of Conformity: From the CISG to the Proposal on Online Sale of Goods. Universidade Nova de Lisboa, 2017, 103 p.
13. Gao X. The Fraud Rule in Law of Letters of Credit in the P.R.C. In: *The International Lawyer*, 2007, vol. 41, pp. 1067–1090.
14. Graffi L. Remarks on Trade Usages and Business Practices in International Sales Law. In: *Journal of Law and Commerce*, 2011, vol. 29, no. 2, pp. 273–295.
15. Gillette C. P., Ferrari F. Warranties and «Lemons» under CISG Article 35(2)(a). In: *Internationales Handelsrecht (IHR)*, 2010, vol. 1, pp. 2–17.
16. Henschel R. F. Conformity of Goods in International Sales Governed by CISG Article 35: Caveat Venditor, Caveat Emptor and Contract Law As Background Law and As a Competing Set of Rules. In: *Nordic Journal of Commercial Law*, 2004, iss. 1, pp. 1–21.
17. Huber P., Mullis A. The CISG A New Textbook for Students and Practitioners. In: *European Law Publishers*, 2007. 408 p.
18. Kristensen K. Q. *The Conformity Assessment for International Sale of Goods Contracts: master thesis*. Aalborg University, 2021. 73 p.
19. Linne A. L., Burden of Proof under Article 35 CISG. In: *Pace International Law Review*, 2008, vol. 20, iss. 1, pp. 31–44.
20. Mai N. K. Exclusion and Limitation of Liability for Non-Conformity of Goods: A Comparative Study on CISG, UCC and UK Law: PhD thesis. 2017. 115 p.
21. Pamboukis Ch. The Concept and Function of Usages in the United Nations Convention on International Sale of Goods. In: *Journal of Law and Commerce*, vol. 25, no. 1, pp. 107–131.

22. Roland D. Sales and Conformity of Goods: A Legal Discourse, Banking and Finance. MURG Micheal, 2020, pp. 1–20.
23. Ruangvichathorn J. The Harmonization of ASEAN Sales Law: A Comparative Study with Thai Sales Law and CISG. In: *Thammasat Business Law Journal*, 2020, vol. 49, no. 1, pp. 131–147.
24. Saidov D. Article 35 of the CISG: Reflecting on the Present and Thinking About the Future. In: *Villanova Law Review*, 2014, vol. 58, no. 4, pp. 529–552.
25. Schlechtriem P., Butler P. UN Law on International Sales. Springer, 2009. 351 p.
26. Schwenzer I. Conformity of the Goods – Physical Features on the Wane? In: *Conference in Honour of Peter Schlechtriem 1933–2007: the 3rd Annual MAA Schlechtriem CISG Conference*. Hague, 2012, pp. 103–112.
27. Schwenzer I. Ethical Standards in CISG Contracts. In: *Uniform Law Review*, 2017, no. 22 (1), pp. 122–131.
28. Shabani F. Non-conformity of Goods in Light of the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods and the Law on Obligations of the Republic of Macedonia as Part of South-Eastern European Law. In: *Academic Journal of Interdisciplinary Studies*, 2015, vol. 4, no. 2, pp. 85–88.
29. Oktaviandra S. Indonesia and Its Reluctance to Ratify the United Nations Convention on Contracts For the International Sale of Goods(CISG). In: *Indonesia Law Review*, 2018, vol. 8, no. 3, pp. 243–255.
30. Yazar A. İ. Conformity of Goods in International Sales Under CISG and English Law: LLM thesis. Amsterdam, 2016. 69 p.
31. Williams J. Analysis of CISG Article 35 – Conformity of the Goods in the Changing Power Dynamics of Corporate Social Responsibility, Trade Development Through Harmonization of Commercial Law. In: *Comparative Law Journal of the Pacific*, 2015, vol. XIX, pp. 299–306.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yunus Emre AY – LLM Degree, Lawyer, Antalya Bar Association;
e-mail: yunusemreay0@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юнус Эмре Ай – магистр права, адвокат, Ассоциация адвокатов Анталыи
e-mail: yunusemreay0@gmail.com

FOR CITATION

AY, Yunus Emre. The Conformity of Goods under the CISG. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 4, pp. 94–106.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-94-106

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Эмре Ю. The Conformity of Goods under the CISG // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 4. С. 94–106.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-94-106

О НЕКОТОРЫХ ПРИЧИНАХ ЛАТЕНТНОСТИ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ СПОРТА

Безбородов Д. А.^{1,2}, Кравченко Р. М.¹, Рахманова Е. Н.²

¹Университет прокуратуры Российской Федерации,

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)

191104, г. Санкт-Петербург, Литейный пр-т, д. 44, Российская Федерация

²Российский государственный университет правосудия, Северо-Западный филиал

197046, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Исследовать причины латентности преступности в сфере спорта, её влияние на показатели преступности.

Процедура и методы. В ходе исследования использованы методы индукции, контент-анализа, сравнения, анализа и синтеза, дедуктивный метод, позволивший сформулировать некоторые общие выводы.

Результаты. Исследование показало, что реальное состояние преступности в сфере спорта не отражается в официальных данных судебной статистики. Это связано как с особенностями статистического учёта преступлений, так и со спецификой сферы спорта. Отсутствие надлежащей правовой оценки и нереализация принципа неотвратимости уголовной ответственности приводят к снижению превентивного воздействия уголовного законодательства, а также к нарушению рекреационной и воспитательной функции спорта.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретико-прикладная направленность исследования в целом позволит повысить систему мер реагирования на преступления, совершаемые в сфере спорта.

Ключевые слова: статистика, исследование преступности, латентность преступности, спортивные преступления

Благодарности. Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 20-011-00414 «Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в сфере спорта».

ON SOME REASONS FOR THE LATENCY OF CRIME IN THE FIELD OF SPORTS

D. Bezborodov^{1,2}, R. Kravchenko¹, E. Rakhmanova²

¹Saint Petersburg Law Institute (branch of the University of Prosecutor's office of the Russian Federation)

Liteiny prospect 44, St. Petersburg 191104, Russian Federation

²Russian State University of Justice (North-West branch)

Alexandrovsky Park 5, St. Petersburg 197046, Russian Federation

Abstract

Aim. To study the grounds for the latency of crime in the field of sports and influence on the crime rate.

Methodology. In the course of the study the methods of induction, content-analysis, comparative method, analysis, and synthesis were used, as well as deductive methods which enabled to formulate certain general conclusions.

Results. The research has shown that the real conditions of crime in the field of sports are not revealed in the court data. The reasons for this are the specifics of the crime statistics and the specifics of the sport field. The lack of the relevant legal assessment and inability to make the principle of unavoidability of punishment come to life leads to the diminishing of the preventive effect of the criminal law and negatively affects the recreational and educational functions of sport.

Research implications. Theoretical and empirical relevance of the research reveals itself in a creation of a theoretical basis that can be used to improve the system of combating sport crimes.

Keywords: data, crime research, crime latency, sport crimes

Acknowledgments. The study was conducted with the financial support of the Russian Fund of Fundamental Investigations (RFFI) within the project no.20-011-00414 A «Criminal Law and Criminological Problems of Combating Crime in the Field of Sports».

Введение

Спорт, несомненно, является неотъемлемой и важной частью жизни современного общества. Спорт считается эффективным механизмом, способствующим позитивному развитию молодёжи, инструментом, позволяющим членам общества стать здоровее и счастливее. Но сфера спорта сталкивается с набором тех же социальных проблем, с которыми сталкивается общество. Одной из них является преступность.

Преступления в сфере спорта совершаются в связи с неправомерным воздействием на результат спортивного соревнования (ст.ст. 184, 230¹, 230² УК РФ) либо на спортивных объектах (нарушения правил техники безопасности, хулиганство болельщиков и т. п.), либо лицами, имеющими непосредственное отношение к спорту, но не всегда в связи со спортом (общественно-уголовные преступления). В качестве отправной точки для дальнейшего анализа за основу можно взять следующее определение: современный спорт – «это рыночная экономическая деятельность, связанная с организацией и проведением различных состязаний, с высокими криминогенными и виктимогенными рисками» [16, с. 14].

Результаты противодействия преступности – одна «из наиболее острых, жизненных и практически значимых проблем, волнующих каждого человека» [4, с. 4]. Вместе с тем латентность преступности негативно сказывается не только на состоянии защиты нарушенных прав граждан, общества и государства, но и на оценке эффективности

деятельности правоохранительных органов по противодействию противоправным посягательствам, следствием чего является неполучение гражданами объективной и достоверной информации о результатах борьбы с преступностью.

Латентная преступность возможна как в силу обычных и распространённых причин, таких как нерегистрация общественно опасного деяния по причинам непоступления сообщения о преступлении в правоохранительные органы [3, с. 94], так и в случае, когда правоохранительные органы, получившие заявление (сообщение) о совершённом преступлении, не реагируют на него или когда правоохранительные органы были осведомлены о реально совершённом преступлении, осуществили его первичную регистрацию, формально принимали какие-то меры к его расследованию, но в силу недостаточного желания, слабой профессиональной подготовки или ошибочной уголовно-правовой квалификации не установили в содеянном событии или составе преступления и не регистрировали его [14, с. 132].

Не углубляясь в вопрос содержания понятия и классификации латентности, отметим, что её негативное влияние особо остро проявляется в сфере спорта. Данная проблема справедливо привлекает внимание отечественных криминологов, они обоснованно указывают на серьёзные трудности в определении количественных и качественных характеристик преступности в сфере спорта [2, с. 74], но до настоящего времени она не нашла должного и всестороннего исследования.

Статистические показатели преступлений, совершаемых в сфере спорта

Эффективность борьбы с преступностью зависит от глубины понимания связи этого явления с характеристиками «окружающей среды», такими как демографические и социальные процессы, степень экономического развития и т. д.¹ Несмотря на то, что «официальная статистика преступности достаточно полно отражает существующие социальные явления, их тенденции и динамику, но кроме них должны учитываться и другие показатели, характеризующие само преступление и правонарушителя» [13, с. 41]. Разделяя справедливое утверждение специалистов о необходимости системного подхода к анализу статистических данных о преступности и учёта воздействия на неё (преступность) широкого круга социальных факторов, следует отметить, что при выполнении большинства криминологических исследований, к сожалению, не учитываются требования нормативных актов официальной статистики преступности.

В структуре преступности в сфере профессионального и любительского спорта одним из наиболее существенных сегментов часто называют коррупционную преступность. По мнению М. П. Клейменова, она находит своё выражение в проведении договорных состязаний, необъективном судействе, фальсификации спортивных рейтингов, незаконном делегировании прав на проведение международных соревнований и т. д. [9]. Это подтверждает доклад Группы разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (ФАТФ), посвящённый футболу, в котором специально обращается внимание на то, что отмыванию денег в профессиональном спорте способствуют высокая доходность отдельных видов зрелищных спортивных состязаний, излишняя коммерциализация спорта, привлечение в эту сферу больших инвестиций, связанной с ними сложной

и многообразной сети многочисленных юридических и физических лиц (агентов, спонсоров, клубов, офшорных компаний)².

В первом полугодии 2022 г. Starlizard Integrity Services (SIS) (специализирующееся на спортивных ставках подразделение консалтинговой компании Starlizard) зафиксировало 84 подозрительные футбольные встречи, что составляет 0,45% от общего числа футбольных матчей за этот период³. Но в России известно лишь о некоторых из них, и в основном благодаря СМИ. При этом результаты анкетирования, посвящённого исследованию причин отсутствия правоприменительной практики в сфере спорта, и, в частности, к договорным матчам, показали, что 410 чел. на вопрос «Как Вы полагаете, насколько широко распространена практика “договорных матчей” в российских чемпионатах высшей лиги по футболу или хоккею» ответили:

- а) совсем не распространена – 4,9% (18 чел.);
- б) скорее не распространена, чем распространена – 17,3% (72 чел.);
- в) не знаю – 25,6% (105 чел.);
- г) скорее распространена, чем не распространена – 35,4% (146 чел.);
- д) очень распространена – 16,8% (69 чел.) [10, с. 323–324].

Косвенным подтверждением роста распространённости договорных матчей являются принятие в последние годы этических кодексов в футболе, фигурном катании и иных видах спорта, а также изменения в Федеральном законе о физической культуре и спорте, которые направлены на противодействие манипулированию спортивным соревнованием, в т. ч. путём оказания противоправного влияния на его результат⁴.

² Money Laundering through the Football Sector [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/pdf> (дата обращения: 16.09.2022).

³ За первое полугодие 2022 года SIS зафиксировала 84 подозрительные футбольные встречи // Sports.Ru: [сайт]. URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/bonusbettingnews/3068751.html> (дата обращения: 26.10.2022).

⁴ Федеральный закон от 06.03.2022 № 43-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» //

¹ Кондратюк Л. В. Система криминологических показателей и методы их вычисления: учебное пособие. М.: МВД, 1978. С. 41.

Но указанные криминогенные факты не находят своего отражения в официальных статистических данных о состоянии преступности в России. Так, за 2021 г. правоохранительными органами зарегистрировано 35 051 преступление коррупционной направленности, при этом среди них преступления, связанные со взяточничеством, составляют 18 591 фактов (зафиксирован рост данной категории преступлений на 27,8% по сравнению с 2020 г.)¹. За 9 месяцев 2022 г. в России зарегистрировано уже 29 817 преступлений данной категории, в т. ч. 16 273 по делам о взяточничестве². Но в отчётах МВД РФ и Судебного департамента при ВС РФ отсутствуют сведения о регистрации и рассмотрении уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 184 УК РФ. Отметим, что в 2022 г. было рассмотрено первое уголовное дело, завершившееся вынесением приговора³.

В то же время согласно результатам отдельных исследований количество зарегистрированных преступлений, содержащих в себе признаки данного состава, составляют 0–1 в год [7, с. 311], что не может не вызывать серьёзных сомнений в полноте регистрации коррупционных проявлений в спорте при условии роста коррупционных преступлений в общем массиве данных.

П. В. Крашенинников объясняет это боязнью участников, спортсменов, судей и иных спортивных деятелей вмешательства правоохранительных органов в специфическую сферу общественных отношений, связанную с профессиональным спортом [12]. Но не меньшее влияние на сложившуюся ситуацию оказывают особенности статистического учёта преступности и их регистрации. В их числе нельзя не назвать юридических

причин значительного «колебания» данных о регистрации преступлений, которые зачастую игнорируются при исследовании динамики преступности, в т. ч. в сфере спорта.

В российском Уголовном кодексе отсутствует самостоятельный состав преступления «коррупция», так же как отсутствует исчерпывающий перечень коррупционных преступлений. Исследователям приходится опираться на ведомственный акт, разработанный Генеральной прокуратурой РФ и МВД РФ⁴. Основная часть составов преступлений коррупционной направленности содержится в гл. 30 УК РФ, аналогичные составы в гл. 23 УК РФ. Можно их также найти и в гл. 21 УК РФ. В принципе, все они могут быть применены к преступлениям, совершаемым в сфере спорта. Кроме того, в статистические сведения, отражающие качество работы органов МВД РФ, в компетенцию органов которого входят расследования преступлений, предусмотренных ст. 184 УК РФ, не вносятся данные о выявленных ими преступлениях небольшой и средней тяжести коррупционной направленности, к которым относятся, в т. ч., чч. 1, 3, 5 ст. 184 УК РФ.

И поскольку уголовный закон, так же как и официальная статистика, не выделяет составы преступления по сферам совершения преступлений, их выявление возможно только в процессе исследования судебно-следственной практики [17] и анализе публикаций в СМИ.

Иные причины латентности противоправных деяний в сфере спорта

К другим факторам, которые также в определённой степени объясняют существование латентной преступности в сфере спорта, необходимо отнести закрытость спорта, а также

Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 10. Ст. 1400.

¹ Состояние преступности в России за январь–декабрь 2021 года // МВД РФ: [сайт]. URL: <https://мвд.рф/reports/> (дата обращения: 05.11.2022).

² Состояние преступности в России за январь–сентябрь 2022 года // МВД РФ: [сайт]. URL: <https://мвд.рф/reports/> (дата обращения: 09.11.2022).

³ Приговор Железнодорожного районного суда г. Воронежа № 1–309/2021 // Правосудие: [сайт]. URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 09.11.2022).

⁴ Указание Генеральной прокуратуры РФ и МВД России от 13.07.2020 г. № 371/11/2 «О внесении изменения в указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации от 24.01.2020 № 35/11/1 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // Гарант: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/74444258> (дата обращения: 29.10.2022).

и том, что в обществе распространено снисходительное отношение к противоправным проявлениям в сфере спорта. В результате далеко не всякий негативный факт, и тем более преступление, имевшее место в сфере спорта, оказывается в поле зрения правоохранительных органов. Ни пострадавший спортсмен, ни его тренер, ни врач, ни спортивный клуб, ни спортивная федерация не заинтересованы в «выносе сора из избы» [8]. Высказывается также мнение, что это происходит из ложной боязни дискредитировать спорт в глазах общественности [11, с. 34].

Так, одной из ключевых обязанностей спортивной организации является обеспечение безопасной спортивной среды как для спортсменов, так и для зрителей. Но особенностью для многих видов спорта является наличие определённого уровня насилия. Более того, специалисты утверждают, что насилие, особенно физическое, необходимо для тренировки спортсмена, поскольку «по своей состязательной сути спорт уже агрессивен, т. к. спортсмены на соревнованиях стремятся подавить своих соперников. Поэтому полностью исключить насилие из спорта невозможно, его порождает дух соперничества, чтобы противостоять сопернику» [15, с. 154]. Более того, для профессиональных спортсменов спортивная травма считается лишь фактором, определяющим продолжительность и качество их спортивной карьеры.

Примечательным в этом смысле является пример, который приводит А. Ю. Боренов: несколько лет назад российский боксёр Максим Дадашев скончался в больнице после поединка с Сабриэлем Матасом. В профессиональном спорте сразу начали высказываться мнения о вине тренера боксёра, который, понимая, что происходит со спортсменом, не остановил бой. Высказывались даже мнения, что он сделал это, преследуя корыстные цели. Но в итоге смерть спортсмена была квалифицирована как несчастный случай [5, с. 36].

Ещё более тяжёлой представляется ситуация в детском спорте. С декабря 2019 г. по июнь 2020 г. по инициативе Всемирной ассоциации спортсменов (World Players

Association) был проведён опрос как действующих, так и бывших профессиональных спортсменов в возрасте старше 18 лет. Анкету заполнили 297 спортсменов из разных стран, было проведено 13 углублённых индивидуальных интервью, посвящённых детскому опыту в спорте. Опрос показал, что:

- 44% – в детстве подвергались физическому насилию в спорте;
- 61% – хотя бы раз подвергались одной из форм психологического насилия;
- 45% – не согласились с тем, что спорт всегда способствует их психическому здоровью;
- 51% – подвергались в детстве экономической эксплуатации;
- 13% спортсменов сообщили, что хотя бы раз подверглись одной из форм сексуального насилия.

Распространённость межличностного насилия в отношении детей самая низкая среди респондентов, занимающихся любительским спортом (68%), и самая высокая среди тех, кто занимается международными видами спорта (84%)¹.

Цифры по каждой форме межличностного насилия в целом были одинаковыми в разных странах, что позволяет предположить, что проблема не уникальна для одной страны. Но никто из опрошенных не сообщил о совершённом в отношении них насилии ни в правоохранительные органы, ни даже своим родителям.

Опасность причинения серьёзного вреда в процессе спортивных мероприятий создают и «случаи занижения возраста участников соревнований, когда тренер вступает в сговор с работниками отдела ЗАГС, которые оформляют свидетельство о рождении его ученику с изменённым годом рождения. Данный документ, представляемый в оргкомитет спортивного состязания, позволяет юному спортсмену принимать участие в соревнованиях младшей возрастной группы, где уровень его физического развития

¹ New research shows scale of child abuse in sport // World Athletics: [сайт]. URL: <https://worldathletics.org/news/news/new-research-child-abuse-in-sport> (дата обращения: 17.06.2022).

и подготовки даёт существенное преимущество перед соперниками» [1, с. 138]. К ответственности за подобные противоправные действия ещё ни разу не привлекались ни тренеры, ни сотрудники ЗАГСов.

Нарушения правил проведения спортивных мероприятий сегодня являются привычными как для спортсменов, так и для болельщиков.

Так, 9 апреля 2022 г. массовой дракой спортсменов закончился хоккейный матч между двумя юниорскими командами. В ней приняли участие оба вратаря команд и полные игроки. И, хотя судьи «наказали 5-х хоккеистов: 3-х ангарчан (двое получили по большому 5-минутному штрафу и дисциплинарному до конца игры), а также 2-х новосибирцев (большой штраф и удаление до конца матча и двойной малый штраф за грубость)», контрольно-дисциплинарная комиссия отказалась рассматривать данный инцидент. Как объяснили её представители, «это хоккей, мальчишки подрались, такое бывает. Тем более что «Ермак» выше третьей строчки уже не сможет подняться, а соперник – не сможет подняться из низов. Нормальная ситуация, инцидент исчерпан»¹.

Самой известной дракой в российском спорте считается драка между подмосковным «Витязем» и омским «Авангардом». Первоначально по факту драки было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 213 УК РФ, но впоследствии прекращено. Основания прекращения дела не известны, но, как указал вице-президент Континентальной хоккейной лиги (КХЛ) Владимир Шалаев, он не видит смысла в возбуждении уголовного дела по факту драки игроков и болельщиков, поскольку считает, что нарушения общественного порядка вне поля не было, а драка во время игры – это чисто спортивные отношения². При том, что вред здоровью разной

тяжести получили 10 хоккеистов команды «Авангард», 3 хоккеиста команды «Витязь» и судья. Матч был сорван на 3-й минуте, а ОМОН был вынужден окружить скамейку запасных игроков для защиты их от разъярённых болельщиков [6].

Антидопинговые проблемы в спорте вызвали и до сих пор вызывают большое внимание политиков, журналистов, юристов, специалистов в сфере спорта. 22 ноября 2016 г. УК РФ был дополнен двумя статьями – ст.ст. 230¹ и 230² УК РФ. Анализ причин их принятия и содержания не является предметом данной работы, но приходится признать, что, несмотря на возлагаемые законодателем надежды на сдерживающий эффект криминализации допинга, существующая система антидопинговых норм в России либо неэффективна, либо имеются обстоятельства, препятствующие возбуждению и рассмотрению уголовных дел данной категории. Об этом можно судить в т. ч. и по данным уголовной статистики – количество рассмотренных уголовных дел по ст.ст. 230.1 и 230.2 УК РФ почти равно нулю. С 2016 г. и до настоящего времени было возбуждено 8 уголовных дел, из которых 7 прекращены по различным основаниям.

В то же время результаты социологических исследований говорят о том, что масштаб распространённости нарушений антидопинговых правил оценивается статистически значимой величиной, которой нельзя пренебречь. Это же подтверждает проведённый нами опрос спортсменов, который показал, что практически все они знали о том, что в их окружении есть спортсмены, принимающие допинг; на вопрос, стали бы они принимать допинг для улучшения результатов, 47% ответили: «зависело бы от ситуации». В числе опрошенных были также тренеры, 10,3% из них сообщили, что спортсмен может использовать допинг без вреда для здоровья, но с помощью врача, а 30% признали, что спортсмен, отказывающийся от допинга, имеет мало шансов на успех. Спортсмены (в среднем от 1 до 5 на тренера) утверждали, что их подталкивали к употреблению допинга тренер, медицинский работник или ближайшее окружение [18].

¹ «Это хоккей, такое бывает»: матч между новосибирцами и ангарчанами закончился массовой дракой // NGS.RU: [сайт]. URL: <https://ngs.ru/text/sport/2022/04/11/71246480/> (дата обращения: 29.10.2022).

² Дело о драке хоккеистов возбуждено по статье «хулиганство» // РАПСИ: [сайт]. URL: <https://rapsinews.ru/news/20100119/205336285.html> (дата обращения: 30.10.2022).

Заключение

Утаивание фактов делинквентного поведения в сфере спорта причиняет не только вред, характерный для преступности в целом (в частности, отсутствие надлежащей правовой оценки и нереализация принципа неотвратимости уголовной ответственности, укоренение мысли о вседозволенности и снижение превентивного воздействия уголовного законодательства, отсутствие у населения возможности доступа к полной и достоверной информации о состоянии преступности и мерах борьбы с ней и т. д.), но и нарушение рекреационной и воспитательной функции спорта.

В качестве элементов детерминантного комплекса этой категории преступлений можно назвать закрытость сферы спорта и недостаточную доступность для социального контроля, недостаточный уровень антидопинговой пропаганды, превалирование интересов группы над общественными интересами как способ нейтрализации правового запрета, высокую степень коммерциализации спорта, а также отсутствие адекватной ответственности спортсменов и лиц, имеющих отношение к спорту (тренеры, функционеры и т. д.).

Граждане, являясь свидетелями фактов безнаказанного нарушения правил про-

ведения спортивных мероприятий, воспринимают их как личные оскорбления, а получение высоких спортивных титулов и званий путём подкупа организаторов, арбитров, судей и руководителей спортивных федераций лишает соревнования состязательного характера, а болельщиков азарта и желания посещения таких мероприятий. Кроме того, подобные факты в сфере спорта лишают граждан мотивации приобщения детей к спорту высоких достижений, что пагубно влияет на организацию их досуга и воспитания.

Таким образом, проведённый анализ свидетельствует об острой потребности общества в действенном законодательном и правоприменительном аппарате по выявлению, пресечению и предупреждению преступности в сфере спорта, необходимости эффективной деятельности контролирующих органов и реализации принципа неотвратимости наказания за совершение противоправных деяний. Но существующие меры по противодействию преступности в сфере спорта не должны ограничиваться рамками уголовной репрессии; важное место должны занять воспитательные мероприятия.

Статья поступила в редакцию 20.08.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева А. П. Коррупционная преступность в детско-юношеском спорте в оценках специалистов // Гражданское общество и правовое государство. 2011. Т. 2. С. 137–138.
2. Алексеева А. П. Коррупционная преступность в сфере профессионального спорта // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 8. С. 74–77.
3. Антонян Ю. М. Основные черты преступности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 2. С. 89–99.
4. Басецкий И. И. Преступность: опыт координации противодействия. Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2001. 827 с.
5. Боренов А. Ю. Криминологическая оценка состояния коррупционной преступности в профессиональном боксе // Вестник Волгоградской Академии МВД России. 2019. № 3 (50). С. 34–41.
6. Варданян А. В. Правовая оценка причинения вреда здоровью человека при проведении спортивных состязаний // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2018. № 2 (85). С. 39–49.
7. Дворецкий М. Ю. Уголовная ответственность за подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов: проблемы теории и практики применения // Вестник Тамбовского государственного университета. 2011. № 4 (96). С. 311–315.
8. Каменков В. С. Спортивная травма: правовые и иные последствия // Спорт: экономика, право, управление. 2015. № 3. С. 19–23.

9. Клейменов М. П. Тенденции развития преступности в сфере спорта // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2013. № 1 (34). С. 201–203.
10. Клейменов И. М. § 1. Криминализация и декриминализация общественных отношений в сфере спорта // Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в спорте / под ред. Е. Н. Рахмановой. СПб.: Астерион, 2021. С. 316–335.
11. Коган О. С. Проблемы профессионального спорта: правовой аспект // Теория и практика физической культуры. 2002. № 8. С. 33–35.
12. Крашенинников П. В., Алексеев С. В. На вопросы читателей отвечают П. В. Крашенинников и С. В. Алексеев // Спорт: экономика, право, управление. 2011. № 1. С. 26–29.
13. Ли Д. А. Преступность в России. Системный анализ. М.: Гелва, 1997. 192 с.
14. Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировой криминологический анализ. М.: Норма, 1997. 525 с.
15. Сбитнев В. С., Харгазев К. В. Насилие в спорте // Союз криминалистов и криминологов. 2018. № 4. С. 150–155.
16. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в сфере спорта / под ред. Е. Н. Рахмановой. СПб.: Астерион, 2022. 460 с.
17. Bezborodov D. A., Berestovoy A. N., Kravchenko R. M., et al. Special features of criminal statistics of criminality in the field of sport // SHS Web Conferences. Kaliningrad, 2021. DOI:10.1051/shsconf/202110803010
18. Rakhmanova E. Criminological Analysis of The Russian Anti-Doping Criminal Law // European Proceedings of Social and Behavioral Sciences. EDP Sciences, 2021. P. 1858–1864.

REFERENCES

1. Alekseeva A. P. [Corruption crime in children's and youth sports in the assessments of specialists]. In: *Grazhdanskoye obshchestvo i pravovoye gosudarstvo* [Civil society and the rule of law], 2011, vol. 2, pp. 137–138.
2. Alekseeva A. P. [Corruption crime in the field of professional sports]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2009, no. 8, pp. 74–77.
3. Antonyan Yu. M. [The main features of crime]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence], 2022, no. 2, pp. 89–99.
4. Basetsky I. I. *Prestupnost: opyt koordinatsii protivodeystviya* [Crime: the experience of coordinating counteraction]. Minsk, Akademiya MVD Respubliki Belarus Publ., 2001. 827 p.
5. Borenov A. Yu. [Criminological assessment of the state of corruption in professional boxing]. In: *Vestnik Volgogradskoy Akademii MVD Rossii* [Bulletin of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2019, no. 3 (50), pp. 34–41.
6. Vardanyan A. V. [Legal assessment of harm to human health during sports competitions]. In: *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii* [Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2018, no. 2 (85), pp. 39–49.
7. Dvoretzky M. Yu. [Criminal liability for bribery of participants and organizers of professional sports competitions and spectacular commercial competitions: problems of theory and practice of application]. In: *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tambov State University], 2011, no. 4 (96), pp. 311–315.
8. Kamenkov V. S. [Sports injury: legal and other consequences]. In: *Sport: ekonomika, pravo, upravleniye* [Sport: economics, law, management], 2015, no. 3, pp. 19–23.
9. Kleimenov M. P. [Trends in the development of crime in the field of sports]. In: *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo* [Bulletin of Omsk University. Series: Law], 2013, no. 1 (34), pp. 201–203.
10. Kleymenov I. M. [§ 1. Criminalization and decriminalization of public relations in the field of sports]. In: Rakhmanova E. N., ed. *Ugolovno-pravovyye i kriminologicheskiye problemy protivodeystviya prestupnosti v sporte* [Criminal law and criminological problems of combating crime in sports]. St. Petersburg, Asterion Publ., 2021, pp. 316–335.
11. Kogan O. S. [Problems of professional sports: legal aspect]. In: *Teoriya i praktika fizicheskoy kultury* [Theory and practice of physical culture], 2002, no. 8, pp. 33–35.
12. Krashennnikov P. V., Alekseev S. V. [P. V. Krashennnikov and S. V. Alekseev answer questions from readers]. In: *Sport: ekonomika, pravo, upravleniye* [Sport: economics, law, management], 2011, no. 1, pp. 26–29.

13. Lee D. A. *Prestupnost v Rossii. Sistemnyy analiz* [Crime in Russia. System analysis]. Moscow, Gelva, 1997. 192 p.
14. Luneev V. V. *Prestupnost XX veka. Mirovoy kriminologicheskii analiz* [Crime of the 20th century. World criminological analysis]. Moscow, Norma Publ., 1997. 525 p.
15. Sbitnev V. S., Kharagezov K. V. [Violence in sports]. In: *Soyuz kriminalistov i kriminologov* [Union of criminologists and criminologists], 2018, no. 4, pp. 150–155.
16. Rakhmanova E. N., ed. *Ugolovno-pravovyye i kriminologicheskiye problemy protivodeystviya prestupnosti v sfere sporta* [Criminal-legal and criminological problems of combating crime in the field of sports]. St. Petersburg, Asterion Publ., 2022. 460 p.
17. Bezborodov D. A., Berestovoy A. N., Kravchenko R. M., at all. Special features of criminal statistics of criminality in the field of sport. In: *SHS Web Conferences*. Kaliningrad, 2021. DOI:10.1051/shsconf/202110803010
18. Rakhmanova E. Criminological Analysis of the Russian Anti-Doping Criminal Law. In: *European Proceedings of Social and Behavioral Sciences*. EDP Sciences, 2021, pp. 1858–1864.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Безбородов Дмитрий Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала Университета прокуратуры Российской Федерации), доцент кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия (Северо-Западного филиала); e-mail: dasansb@mail.ru

Кравченко Роман Михайлович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала Университета прокуратуры Российской Федерации); e-mail: roman888rus2016@yandex.ru

Рахманова Екатерина Николаевна – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права Российского государственного университета правосудия (Северо-Западного филиала); e-mail: ekaterina.rachmanova@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AVTHOURS

Dmitry A. Bezborodov – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law, Saint Petersburg Law Institute (branch of the University of Prosecutor's office of the Russian Federation), Department of Criminal Law, Russian State University of Justice (North-West branch); e-mail: dasansb@mail.ru

Roman M. Kravchenko – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law, Saint Petersburg Law Institute (branch of the University of Prosecutor's office of the Russian Federation); e-mail: roman888rus2016@yandex.ru

Ekaterina N. Rakhmanova – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Criminal Law, Russian State University of Justice (North-West branch); e-mail: ekaterina.rachmanova@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Безбородов Д. А., Кравченко Р. М., Рахманова Е. Н. О некоторых причинах латентности преступности в сфере спорта // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 4. С.107–115.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-107-115

FOR CITATION

Bezborodov D. A., Kravchenko R. M., Rakhmanova E. N. On Some Reasons for the Latency of Crime in the Field of Sports. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2022, no. 4, pp. 107–115. DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-107-115

УДК 343.13

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-116-125

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАЧАЛА АРГУМЕНТАЦИИ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Брянская Е. В.

*Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел России
198206, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Представить основы аргументации по уголовному делу в свете философских, логических и уголовно-процессуальных начал, которые являются предпосылками реализации состязательной концепции уголовного судопроизводства.

Процедура и методы. Применялись методы анализа научной литературы, синтеза, сравнительного правоведения.

Результаты. Представлены основополагающие положения процесса аргументации при рассмотрении уголовного дела в суде по существу. Гносеологические основы познания позволяют сформировать методы и алгоритмы аргументации в суде, которые базируются на логических приёмах и позволяют наиболее эффективно повлиять на внутреннее убеждение как суда, так и противостоящей в условиях состязательности стороны.

Теоретическая и/или практическая значимость. Поскольку концептуальность уголовного процесса заключается в состязательности сторон, по этой причине судья выступает независимым арбитром, который, не придавая ни одному источнику доказательств преимущественной юридической силы, выносит приговор по делу. В этой связи теоретическая и практическая целесообразность исследования видится в изучении истоков оснований формирования внутреннего убеждения и объективности вынесения итогового решения, приговора по уголовному делу, как обвинительного, так и оправдательного, в свете процесса аргументации, который берёт свои начала из гносеологии и законов логики.

Ключевые слова: аргументы, аргументация, гносеология, доказывание, доказательства, истина, оценка доказательств, познание, свойства доказательств, состязательность сторон, убеждение

EPISTEMOLOGICAL BEGINNINGS OF ARGUMENTATION IN A CRIMINAL CASE

E. Bryanskaya

*St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
ul. Letchika Pilyutova 1, St. Petersburg 198206, Russian Federation*

Abstract

Aim. To provide preliminary justifications in a criminal case in the light of philosophical, logical and judicial procedural principles, which are prerequisites for the implementation of the deliberative concept of legal proceedings.

Methodology. The methods of analysis of scientific literature, synthesis, comparative law were used.

Results. The fundamental provisions of the argumentation process when considering a criminal case in court on the merits are given. The epistemological foundations of cognition make it possible to form methods and algorithms of argumentation in court, which are based on logical techniques and allow the most effective influence on the inner conviction of both the court and the opposing party in a competitive environment.

Research implications. Since the conceptuality of the criminal process lies in the competitiveness of the parties, for this reason the judge acts as an independent arbitrator, who, without giving any source

of evidence a predominant legal force, passes judgment on the case. In this regard, the theoretical and practical expediency of the study is seen in the study of the origins of the foundations for the formation of internal conviction and the objectivity of the final decision, the verdict in a criminal case, both accusatory and acquittal, in the light of the argumentation process, which originates from epistemology and the laws of logic.

Keywords: arguments, argumentation, epistemology, substantiation, evidence, truth, evaluation of evidence, cognition, properties of evidence, competitiveness of the parties, persuasion

Введение

В данное время активной цифровизации, развития и модернизации современных технологий процессуальных тонкостей доказательственной деятельности по уголовному делу всё более актуальными становятся вопросы способов реализации состязательности сторон. Сколь часто мы бы не обращались к современным технологиям, человеческий фактор остаётся на первом месте. В частности, такую категорию, как внутреннее убеждение, до сих пор познают и исследуют современные учёные из области уголовного процесса. Исследования о такой процессуальной категории уходят своими началами ещё к научным трудам, которые явились результатом судебной реформы 1864 г. До настоящего времени вопрос формирования внутреннего убеждения вызывает интерес и дискуссии. Следовательно, мы задаёмся вопросом: как, каким образом можно наиболее эффективно оказать влияние на формирование усмотрения судьи, посредством каких алгоритмов и логических приёмов мы сможем помочь судье убедиться в истинности позиции стороны по уголовному делу. В этой связи к нам в помощь приходит такая логико-философская категория, как аргументация.

Теория познания как основа процесса аргументации

Исследуя истоки научной категории «аргументация», мы можем констатировать тот факт, что теоретическое исследование, рассуждения о понятии и способах аргументации связаны с таким именем, как Аристотель. Именно Аристотель является основателем таких дисциплин, которые

имеют прямое отношение к судоговорению, к убеждению, – логики и риторики, несущих в своём содержательном смысле рассуждение и убеждение [12, с. 7].

Действующее уголовное судопроизводство не предусматривает понятия истины по уголовному делу. Да и в целом в уголовном процессе не найти очевидных истин, в реализации научных и практических явлений сложно достичь истинности. Мы ориентируемся на нормы Уголовно-процессуального кодекса России (УПК РФ), на позиции Верховного Суда РФ, но глубинность всех процессуальных явлений уходит своими истоками к философии права. Так, в основе процесса доказывания заложено гносеологическое понятие «познание», которое направлено на получение истинных знаний.

Гносеологические воззрения о процессе доказывания по уголовному делу основываются на постулатах процесса доказывания, что рассматривается в виде отдельного блока знаний философии права и теоретических воззрений о доказывании в уголовном процессе. В самостоятельных разделах упомянутых научных направлений исследуются сущность познания и его реальные способы воплощения в процессуальной деятельности, отношение познания к достоверности сведений, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

В своей сущности процессуальная деятельность суда как самостоятельного и независимого участника уголовного процесса, правоохранительных органов, на которые возлагается функция уголовного преследования и бремя доказывания, участие защитника – ретроспективны. Другими словами, в познании того, что было в прошлом, возникает возможность

воплотить в жизнь так называемую «инверсию», которая выглядит в качестве возврата в прошлые события, которые необходимы для воспроизведения в рамках расследования уголовного дела и рассмотрения его в суде.

Методология процесса аргументации

Поэтому мы обращаемся к такому вопросу, как методология в уголовном судопроизводстве. Фактически можно рассматривать основополагающие методологические элементы процесса доказывания в качестве принципов классической и в то же время концептуальной гносеологии. В виде таких структурных составляющих в научной литературе приводятся принципы отражения, деятельности, развития. Данные основополагающие начала в своём единстве формируют познавательные процессы в качестве постижения стороной защиты и стороной обвинения как в целом окружающего мира, так и в узком смысле имеет место познавательная деятельность – уголовно-процессуальная – в качестве реализации предусмотренных в УПК РФ полномочий.

В уголовно-процессуальном представлении окружающая реальность может отражаться в различных формах. Сугубо в теоретическом аспекте имеют место различные виды отражения, о которых пишут в юридической литературе. В научных трудах выделяют отражение посредством процессуальных действий, отражение через эмоциональное восприятие, познавательное отражение. Тем не менее, не зависимо от разновидностей форм отражения, познавательный процесс во всех случаях ведёт к получению новой информации. Такого рода информация является результатом реализации стороной защиты и стороной обвинения процессуальной активности к познанию действительности.

«Отражение» воплощается посредством того, что на этапе собирания доказательств для нас становятся доступными следы, которые могут быть вербальными и материальными. Смысл видится в ретро-

спективном восприятии тех данных, которые будут значимыми при рассмотрении уголовного дела на центральной стадии, а именно в суде первой инстанции, при разбирательстве дела по существу.

Основополагающее начало «деятельности» воплощается в процессуальной деятельности в виде «специфической человеческой формы активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет целесообразное изменение и преобразование этого мира на основе освоения и развития наличных форм культуры» [16, с. 267–268]. Мы полагаем, что процессуальная форма, имеющая место в УПК РФ, формирует уголовно-процессуальную культуру, которая воплощает в жизни основное назначение уголовного судопроизводства – защиту законных прав и интересов.

Применительно к вопросам аргументации в процессе доказывания, а по иному можно сказать – убеждения, следует остановиться на 2-х формах «деятельности». Во-первых, интерес представляет познавательная деятельность, направленная на получение информации о внешнем мире, во-вторых, та форма деятельности, которая направлена на донесение информации иным субъектом, получив её в процессе познания. Познавая объект и предмет исследования, аргументируя и убеждая в своей позиции по делу, пытаюсь оказать речевое воздействие на субъекта, оценивающего доказательство, очевидна прямая связь и взаимообусловленность познания и аргументирования, которые не реализуемы друг без друга. Аргументация состоятельна только при условии полноценного познания предмета и объектов познания.

Тем не менее нельзя исключать мнение тех авторов, которые полагают, что аргументация безусловно существует в виде мысленной деятельности, которая реализуема сугубо при передаче информации, исключительно в сфере общения. Познание видится в качестве иной формы деятельности, которую стоит рассматривать в иной плоскости. Аргументация ох-

ватывает через процесс передачи одним субъектом сведений процессуального характера другому субъекту, значит, заключается субъект-субъектное отношение, а не в объект-объектное. Поэтому аргументация воплощается в уголовно-процессуальной деятельности исключительно только при наличии второго, на кого направлен вектор внимания и целеполагания, а не на объект познания. Иными словами, мысленная деятельность человека направлена на коммуникацию [13, с. 14.].

Для нас представляется в определённой степени компромиссная позиция, когда мы процесс аргументации рассматриваем в качестве связующего звена между исследованием сведений, имеющих процессуальное значение по уголовному делу, и тактическими формами убеждения субъекта, оценивающего доказательства по делу.

В аспекте компромиссного подхода процесс аргументации может рассматриваться в виде понятия, входящего в концепцию гносеологического подхода к пониманию процесса доказывания.

Речевая сущность аргументации

Аргументация как речевой процесс, описанный на подробном исследовании доказательств, их проверке, оценке в свете свойств, представляется в качестве алгоритма, которому присущи некоторые признаки:

– во-первых, аргументация является деятельностью, которая преследует определённую цель, она направлена на убеждение судьи в вынесении объективного, справедливого, законного приговора;

– во-вторых, даёт возможность раскрыть содержание каждого исследуемого доказательства в суде, посредством чего можно представить ценность каждого доказательства, как в отдельности, так и в взаимосвязанной совокупности;

– в-третьих, благодаря речевому воздействию и содержательности сведений, проходящих в качестве доказательств, формируется усмотрение судьи либо в пользу

обвинительного приговора, либо в пользу оправдательного;

– в-четвёртых, аргументация является коммуникативным процессом, который заключается в познавательном диалоге;

– в-пятых, аргументация в свете состязательных начал уголовного судопроизводства может выгладеть в качестве конфронтации спорящих и противоборствующих сторон: не исключён вариант, когда сторона защиты может противостоять стороне обвинения.

Следовательно, суждения в суде могут нести утрированный характер, не в полной мере объективный, характеризующийся накалом эмоций, что, разумеется, следует исключать судьёй и, отстраняясь от излишних эмоций, выносить взвешенное решение по делу.

Истина и процесс аргументации как форма коммуникации

Философские акценты, несущие в своей идеологии достижение истины по уголовному делу, присущи процессу аргументации. Аргументатор при рассмотрении уголовного дела в суде в первую очередь должен излагать правдивые сведения, фактически указывающие на реальные события по уголовному делу. Фантазирование, ложь, искажение информации по делу несут в себе манипулирование судьёй, что является признаком непорядочного участия в судопроизводстве.

Целью аргументации является «принятие». Если мы рассуждаем о цели доказывания в целом, то мы сводим данный вопрос к назначению уголовного судопроизводства. Однако хотелось бы заметить факт наличия цели непосредственного отдельного доказательства по уголовному делу. Учёные в области философии, логики, риторики, видят в качестве цели доказательства так называемое «принятие». Принятие означает осознанность и восприятие доказательства адресатом. Доказательство может быть аргументированным только в случае его грамотного обоснования. Обоснование, как правило,

должно находить своё выражение и закрепление в материалах уголовного дела, если мы имеем в виду сторону обвинения. К примеру, если мы говорим о необходимости производства выемки, мы представляем обоснование в самом ходатайстве перед судом в случае необходимости получения судебного решения о праве на производство выемки как следственного действия, ограничивающего конституционное право лица, в отношении которого будет производиться выемка. В протоколе о производстве выемки так же приводятся основания и мотивация данного следственного действия, его обоснование в свете норм УПК РФ. Именно поэтому «принятие» доказательства является целевым действием, которое преследует сторона по уголовному делу для влияния на противоположную сторону процесса и сам суд.

Однако прежде чем мы добьёмся принятия доказательства противоположной стороной, в качестве неперемного адресата доказательства выступает сам субъект доказательства. Участник, предоставляющий доказательства для убеждения стороны, сам должен иметь убеждение в своей правоте, для этого он исследует, проверяет доказательство, оценивает и мысленно принимает его своим сознанием, для убеждения участников процесса в своей позиции, правоте своих выводов по делу. Доказать, значит, обязательно удостовериться самому в сведениях, которые могут иметь силу доказательства по уголовному делу. Во-вторых, адресатом доказательства выступает, как правило, реципиент, то лицо, которое мы пытаемся убедить в правильности выбранной линии, в т. ч. и группа людей, к примеру, группа присяжных заседателей.

Следовательно, доказательство может рассматриваться в качестве того предмета процессуальной деятельности, которое оказывает воздействие на выводы участников судебного разбирательства.

Аргументация как промежуточный этап между оценкой доказательств и формированием внутреннего убеждения

В свете гносеологических начал аргументацию можно рассматривать в качестве метода, в виде которого очевидны приёмы и средства. Благодаря способам, мы имеем возможность оказать воздействие на внутреннее убеждение судьи, от которого зависит исход уголовного дела, итоговый результат.

Несмотря на то, что отдельные авторы в качестве способа оценки доказательств рассматривают внутреннее убеждение судьи, мы всё же настаиваем на той позиции, что внутреннее убеждение является целью судебного разбирательства. С одной стороны, внутреннее убеждение является стержнем, посредством которого формируется свобода оценки доказательств. С другой стороны, учёные рассматривают внутреннее убеждение «как метод, как способ достижения истины по уголовному делу; как принцип или критерий, на котором базируется оценка доказательств; как способ оценки имеющихся в уголовном деле доказательств» [14, с. 183]. Разумеется, мы поддерживаем авторов, но в то же время не можем согласиться в полной мере. В свете гносеологических начал всё познание по факту преступного деяния имеет целью формирование итоговой оценки доказательств для достижения истины по делу. Тогда мы понимаем не промежуточный характер внутреннего убеждения, а итоговый, поскольку именно от судьи зависит ответ на вопрос виновно ли лицо в совершении преступления или нет. Следовательно, достаточно разумным будет рассматривать аргументацию в качестве метода формирования внутреннего убеждения. Аргументация отличается обоснованностью фактов с учётом построения в свете объективного и полного исследования доказательств, проверки их на предмет относимости, допустимости, достаточности и достоверности. Аргументация преследует цель повлиять на внутреннее

убеждение судьи так, чтобы убежденность как результат оценки доказательств сложилась в пользу той стороны, за которой правда по делу. Как писал известный учёный Л. Е. Владимиров: «Если я настолько уверен в правильности своего вывода о достоверности фактов, что решаю действовать, значит, мое убеждение сильно, значит моя уверенность велика...» [5, с. 78].

В то же время аргументация не произвольна, ст. 17 УПК РФ регламентирует ограничения, которые являются гарантиями свободы оценки доказательств: доказательства не имеют заранее установленной силы; судья не связан результатами оценки иных лиц; судья оценивает доказательства по внутреннему убеждению, руководствуясь законом и совестью (ст. 17 УПК РФ). В этой связи мы полагаем то, что аргументация не может выступать средством манипуляции и голословности. Условием законной аргументации является правдивость и непротиворечивость фактов по уголовному делу. Судья оценивает доказательства, рассмотрев всесторонне, полно и объективно данные по делу, при этом в первую очередь руководствуется законом и совестью.

Аргументация помогает судье вынести обоснованное решение по делу. Все приводимые доводы для формирования внутреннего убеждения судьи подкрепляются обоснованием, которое формируется не просто по принципу ответственности или весомости доказательств. Обоснованность является важнейшим компонентом аргументации, которая в своём содержании заключается во взаимосвязанной совокупности доказательств. К примеру, авторы справедливо подчёркивают, что нельзя придавать априорную значимость тому или иному источнику доказательств [2, с. 45]. Однако те доказательства, которые признаются недопустимыми, теряют свою юридическую силу и не закладываются в основу принимаемого решения судьей.

Аргументация как логико-гносеологическая категория заключается в частных средствах, которые формируются в логи-

ческих конструкциях [1, с. 49–53]. Если с теоретических позиций рассматривать целью уголовного процесса достижение истины по делу, тогда вспоминаются слова П. С. Элькинд, которая в своих научных трудах писала о цели уголовного судопроизводства как о содержании, которое известно заранее. Цель выступает идеальным выражением будущего в настоящем времени, пронизывает своей сущностью содержание права как системы правовых норм, регулирующих уголовно-процессуальные отношения. Цель стимулирует, мотивирует и направляет, организует практическую уголовно-процессуальную деятельность субъектов [15, с. 15]. Думается, что такой мотиватор, как цель уголовного процесса, помогает стороне защиты и стороне обвинения в суде, строит аргументацию в свете рационального убеждения, которое основано на алгоритме, который помогает построить логичную и взаимосвязанную цепочку доказательств.

В этой связи вспоминаются слова Канта, который писал о том, что аргументация может рассматриваться в качестве такой мысли, которая может считаться истинной, если она рационально обоснована¹.

Следовательно, аргументационный процесс является обоснованностью в судебном заседании, которая позволяет приводить аналогии, примеры, образы, которые помогают наиболее просто объяснить свою мысль [6, с. 112]. Думается, в аспекте такого мнения, мы можем придать особенную значимость обзорам судебной практики, в которых приводятся примеры ранее рассмотренных дел и которые являются средством оказания влияния на внутреннее убеждение суда.

Аргументация и презентизм

Аргументацию рассматривают в аспекте презентизма, когда может приводиться такая аналогия, которая помогает перевернуть негативный аспект в позитивный [7, с. 191]. Полагаем, что презентизм поможет

¹ Кузина Е. Б. Лекции по теории аргументации: учеб. пособие. М.: Изд-во МГУ, 2007. С. 31.

рассмотреть факты по делу объективно. Как пишут авторы: «Если твоё мнение отличается от моего, то это ещё не значит, что ты заблуждаешься; может быть, ты подходишь к истине с другой стороны» [7, с. 192].

Процесс аргументации в суде делится на 2 вида. В том случае, когда одна сторона не убеждает противоположную сторону с противоречивой позицией, а приводит свои доводы только суду, имеет место «про-аргументация», в частности, протагонист защищает положительную точку зрения в отношении выраженного мнения. В ситуации, когда в процессе имеет место противоположная, отрицательная точка зрения противоположной стороне, мы говорим о «контраргументации». Смысл «контраргументации» в выдвижении контраргументов против всей или части аргументации стороны, участник спора, дискуссии показывает, что он не принимает её всю или её часть. Он делает это, ставя под сомнение какое-либо утверждение или ряд утверждений или описывая их как недостаточное обоснование или опровержение. В таких случаях это означает, что возникает спор, который, в свою очередь, вызывает новую дискуссию, исход которой может иметь основное значение для разрешения изначального спора. Следовательно, в суде первой инстанции происходит главная дискуссия, которая видится нам как первоначальный спор, а «поддискуссией», вызванной «подспором», являются прения сторон. «Подспоры», «поддискуссии» возникают, когда сторона процесса в судебном разбирательстве ставит под сомнение утверждение противоположной стороны, когда аргументации протагониста придаётся вывод о недостаточной обоснованности или предъясняется опровергающий потенциал, когда вся аргументация или её часть подвергается контраргументации.

В ходе судебного разбирательства аналогично ранее представленным различиям, в простой единичной дискуссии, можно также различать исходные выраженные мнения и исходные точки зрения (взгляды, позиции), с одной стороны, и подчинён-

ные выражения, мнения, точки зрения, которые мы наблюдаем в прениях сторон, с другой стороны. Когда мы используем данное различие, тогда мы имеем возможность считать аргументацию, которая относится непосредственно к исходному выраженному мнению, в суде главной аргументацией, а аргументацию, которая относится к подчинённому после сказанного в судебном следствии выраженному мнению в прениях сторон, в репликах – подаргументацией [8, с. 102–105].

Аргументация и критическое мышление

Гносеологические аспекты аргументации дают нам возможность проанализировать аргументацию в свете теории критического мышления [3, с. 7]. Критичное отношение к доводам по делу предусматривает доскональное изучение доводов, что не исключает субъективной проверки предоставленной информации [9, с. 223; 4, с. 29; 10, с. 115]. Критическое мышление особенно актуально для судьи по той причине, что судья должен уметь анализировать и делать правильный выбор в рамках закона.

Следовательно, наличие критического мышления позволяет говорить о рационализации, при которой, несмотря даже на самую грамотную аргументацию, суд взвешивает все доводы независимо, абстрагируясь от излишних эмоций, вынося разумное и справедливое решение – или оправдательный приговор, или обвинительный, в котором будет назначено справедливое наказание. Опыт судьи в такой ситуации будет иметь ключевое значение, в котором видится тесная связь рациональности и онтологии¹. Построение познавательного аппарата является функцией конструктивного мышления. Критическое мышление видится в качестве основополагающей догмы объективного варианта выбора средств познания, задачей которого является формирование цельного знания, в большей степени критического.

¹ Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. М.: Эксмо, 2007. С. 67.

Цель критического мышления заключается в построении полной картины по факту преступления.

Заключение

Итак, можно полагать, что гносеология и аргументация – два неразрывно связанных процессуальных явления в процессе доказывания. Аргументация в суде невозможна без гносеологических начал, познавательных процессов, как в ретроспективе, так и в настоящем. В процессе доказывания имеет место возврат в прошлое, что именуется в науке уголовного процесса «инверсией». Полнота познания и исследования факта, подлежащего доказыванию, является показателем перспективы аргументации в суде. Теория познания закладывает сущность и способы процесса доказывания по уголовному делу, которые воплощаются в такой активной фазе доказывания в суде, как аргументация.

Аргументация по уголовному делу является активной мыслительной деятельностью. Познание, исследование сведений, которые проходят по делу в качестве доказательств, позволяют продумать логические приёмы аргументации по делу.

Аргументация как способ убеждения участников судебного разбирательства имеет свои глубокие научные основы, которые видятся в реализации таких методологических правил, как «отражение»,

«деятельность», «развитие», «принятие», «коммуникация». Познавая, правоприменитель, разумно анализируя всю информацию по уголовному делу, посредством критического мышления, формулирует свои доводы по делу, которые на уровне внутреннего убеждения судьи являются основой при вынесении приговора.

Поскольку современный уголовный процесс заключается в составительной концептуальности, постольку нас всё больше интересует содержательная сторона активного доказывания по делу в суде, в качестве чего выступает аргументация. Проанализированные гносеологические, логические начала аргументации помогают применять средства воздействия в суде в качестве связующего звена между исследованием сведений, имеющих процессуальное значение по уголовному делу, и тактическими формами убеждения субъекта, оценивающего доказательства по делу. От изучения внутреннего содержания средств процесса доказывания, в частности аргументации, зависит законный и грамотный исход по уголовному делу. Процесс доказывания является ядром всего уголовного судопроизводства [11, с. 3]. По этой причине мы стараемся разобраться во всех тонкостях доказательственной деятельности.

Статья поступила в редакцию 12.09.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А. П. Аргументация. Познание. Общение. М.: МГУ, 1991. 150 с.
2. Безлепкина Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М.: КноРус, 2011. 656 с.
3. Болотова У. В. Критическое мышление в жизни современного общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Пятигорск, 2007. 26 с.
4. Брюшинкин В. Н. Критическое мышление и аргументация // Критическое мышление, логика, аргументация: сб. ст. / под ред. В. Н. Брюшинкина, В. И. Маркина. Калининград, 2003. С. 29–35.
5. Владимиров Л. Е. Учение о судебных доказательствах. Тула: Автограф, 2000. 464 с.
6. Вольф М. Н. Основания аргументации в раннегреческой философии: аналогия как тип аргументации // История философии. 2019. № 4. С. 110–118.
7. Герасимова И. А. Аргументация презентизма // Эпистемология & философия науки. 2008. Т. 6. № 2. С. 188–198.
8. Емерен Ф. Х., Гроотендорст Р. Речевые акты в аргументативных дискуссиях / пер. с англ. СПб.: Нотабене, 1994. 239 с.
9. Коржув А., Попков В., Рязанова Е. Как формировать критическое мышление? // Высшее образование в России. 2001. № 5. С. 55–58.

10. Критическое мышление, логика, аргументация: сб. ст. / под ред. В. Н. Брюшинкина, В. И. Маркина. Калининград: КГУ, 2003. 299 с.
11. Левченко О. В. Доказывание в уголовном процессе России. Астрахань, 2000. 134 с.
12. Модели рассуждений – 2. Аргументация и рациональность: сб. науч. ст. / под общ. ред. В. Н. Брюшинкина. Калининград, 2008. 391 с.
13. Оганесян С. Г. Аргументация, её предметная область и возможности: автореф. дис. ... докт. филос. наук. Ереван, 1997. 39 с.
14. Павлов С. А. Природа внутреннего убеждения // Молодой учёный. 2019. № 46 (284). С. 182–184.
15. Элькин П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Ленинград: ЛУ, 1976. 142 с.
16. Юдин Э. Г. Системный подход к принципу деятельности. Методологические проблемы современной науки. М.: Наука, 1978. 391 с.

REFERENCES

1. Alekseev A. P. *Argumentatsiya. Poznaniye. Obshcheniye* [Argumentation. Cognition. Communication]. Moscow, MGU Publ., 1991. 150 p.
2. Bezlepkin B. T. *Kommentariy k Ugolovno-protsessual'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Commentary on the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. Moscow, KnoRus Publ., 2011. 656 p.
3. Bolotova U. V. *Kriticheskoye myshleniye v zhizni sovremennogo obshchestva: avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk.* [Critical thinking in the life of modern society: abstract of Cand. Sci. thesis in Philosophy Sciences]. Pyatigorsk, 2007. 26 p.
4. Bryushinkin V. N. [Critical thinking and argumentation]. In: Bryushinkina V. N., Markin V. I., eds. *Kriticheskoye myshleniye, logika, argumentatsiya* [Critical thinking, logic, argumentation]. Kaliningrad, 2003, pp. 29–35.
5. Vladimirov L. E. *Ucheniye o sudebnykh dokazatelstvakh* [The doctrine of forensic evidence]. Tula, Autograph Publ., 2000. 464 p.
6. Volf M. N. [Foundations of argumentation in early Greek philosophy: analogy as a type of argumentation]. In: *Istoriya filosofii* [History of Philosophy], 2019, no. 4, pp. 110–118.
7. Gerasimova I. A. [Argumentation of presentism]. In: *Epistemologiya & filosofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of Science], 2008, vol. 6, no. 2, pp. 188–198.
8. Yemerer F. H., Grootendorst R. Speech acts in argumentative discussions (Rus. ed.: *Rechevyye akty v argumentativnykh diskussiyakh*. St. Petersburg, Notabene Publ., 1994. 239 p.).
9. Korzhuev A., Popkov V., Ryazanova E. [How to form critical thinking?]. In: *Vyssheye obrazovaniye v Rossii* [Higher education in Russia], 2001, no. 5, pp. 55–58.
10. Bryushinkin V. N., Markin V. I., eds. *Kriticheskoye myshleniye, logika, argumentatsiya* [Critical thinking, logic, argumentation]. Kaliningrad, KSU Publ., 2003. 299 p.
11. Levchenko O. V. *Dokazyvaniye v ugolovnom protsesse Rossii* [Evidence in the criminal process in Russia]. Astrakhan, 2000. 134 p.
12. Bryushinkin V. N., ed. *Modeli rassuzhdeniy – 2. Argumentatsiya i ratsionalnost* [Reasoning models – 2. Argumentation and rationality]. Kaliningrad, 2008. 391 p.
13. Oganesyanyan S. G. *Argumentatsiya, yeyo predmetnaya oblast i vozmozhnosti: avtoref. dis. ... dokt. filosof. nauk* [Argumentation, its subject area and possibilities: Abstract of Dr. Sci. thesis in Philosophy Sciences]. Yerevan, 1997. 39 p.
14. Pavlov S. A. [The nature of inner conviction]. In: *Molodoy uchonyy* [Young scientist], 2019, no. 46 (284), pp. 182–184.
15. Elkind P. S. *Tseli i sredstva ikh dostizheniya v sovetskom ugolovno-protsessualnom prave* [Goals and means of achieving them in the Soviet criminal procedure law]. Leningrad, LU Publ., 1976. 142 p.
16. Yudin E. G. *Sistemnyy podkhod k osnovaniyu deyatelnosti. Metodologicheskiye problemy sovremennoy nauki* [A systematic approach to the basis of activity. Methodological problems of modern science]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 391 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Брянская Елена Васильевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Санкт-Петербургского университета МВД России;
e-mail: veret.1976@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Bryanskaya – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Criminalistics, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
e-mail: veret.1976@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Брянская Е. В. Гносеологические начала аргументации по уголовному делу // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 4. С. 116–125.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-116-125

FOR CITATION

Bryanskaya E. V. Epistemological Beginnings of Argumentation in a Criminal Case. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2022, no. 4, pp. 116–125.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-116-125

УДК 343.2/.7

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-126-132

ОБЩИЕ И ЧАСТНЫЕ ПРАВИЛА КВАЛИФИКАЦИИ НЕОКОНЧЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Карпова Н. А.

*Московский университет Министерства внутренних дел России имени В. Я. Кикотя
117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Дать правовой анализ общих и частных правил квалификации неоконченного преступления, закреплённых в уголовном законодательстве РФ, материалах правоприменительной практики и науке, позволяющий давать правильную (обоснованную, точную, законную) оценку незавершённым противоправным деяниям на предварительных стадиях преступной деятельности.

Процедура и методы. В процессе исследования применялись различные научные методы исследования (анализ, синтез, сравнительно-правовой, системно-структурный). Приведён анализ взглядов исследователей на вопросы и проблемы квалификации неоконченного преступления.

Результаты. Обобщены и систематизированы основные правила квалификации приготовления к преступлению и покушения на преступление. На основе анализа изученных уголовных дел изучены ошибки, возникающие в правоприменительной практике при правовой оценке деяний, образующих неоконченную преступную деятельность.

Теоретическая и/или практическая значимость. Научные положения, содержащиеся в материалах статьи, а также практические рекомендации по квалификации преступлений, образующих неоконченную преступную деятельность, могут быть использованы в процессе изучения и преподавания дисциплин уголовно-правового цикла, а также в целях оптимизации уголовного законодательства, устанавливающего нормы об ответственности за приготовление к преступлению и покушение на преступление.

Ключевые слова: уголовная ответственность, неоконченное преступление, приготовление к преступлению, покушение на преступление, правила квалификации преступлений

GENERAL AND PARTICULAR RULES FOR THE QUALIFICATION OF AN UNFINISHED CRIME

N. Karpova

*Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot
ul. Akademika Volgina 12, Moscow 117437, Russian Federation*

Abstract

Aim. To present legal analysis of general and particular rules for the qualification of an unfinished crime, enshrined in the criminal legislation of the Russian Federation, materials of law enforcement practice and science, which allows us to give a correct (justified, accurate, legal) assessment of unfinished illegal acts at the stage of preparation or attempted crime.

Methodology. Various scientific research methods (analysis, synthesis, comparative-legal, system-structural) were used in the research process. The analysis of the researchers' views on the issues and problems of the qualification of an unfinished crime is given.

Results. The scientific article summarizes and systematizes the basic rules of qualification of preparation for a crime and attempted crime. Based on the analysis of the studied criminal cases, the errors arising in law enforcement practice during the legal assessment of acts forming unfinished criminal activity are analyzed.

Research implications. The scientific provisions containing in the article, as well as practical recommendations on the qualification of crimes forming unfinished criminal activity, can be used in the process of studying and teaching the disciplines of the criminal law cycle, as well as in order to optimize criminal legislation that establishes norms on responsibility for preparation for a crime and attempted crime.

Keywords: criminal liability, unfinished crime, preparation for a crime, attempted crime, rules for the qualification of crimes

Введение

Квалификация преступлений – важнейший этап в применении норм уголовного закона. Совершенно справедливо отмечают специалисты в области уголовного права, что правильная квалификация преступлений порождает значимые правовые последствия: констатация наличия или отсутствия в содеянном признаков преступления; признание оконченности или неоконченности преступного поведения; определение формы вины; возможность (невозможность) привлечения лица к уголовной ответственности и освобождения от неё; вид и размер избираемого наказания; вид исправительного учреждения, в котором лицо будет содержаться в случае лишения его свободы; применение условного осуждения, условно-досрочного освобождения от отбывания наказания и т. д. [6, с. 6–7; 7, с. 6–7]. От верной квалификации преступления зависит точная и полная реализация принципов уголовной ответственности [8, с. 16].

Актуальным вопросом науки уголовного права остаются и изучение методики квалификации общественно опасных деяний, образующих неоконченную преступную деятельность, и верное применение на их основе юридических норм уголовного законодательства. Следует отметить, что в науке уголовного права под правилами квалификации преступлений понимают закреплённые в российском уголовном законе и разъяснениях высшей судебной инстанции приёмы, определяющие пути и способы верной и обоснованной юридической оценки совершённого лицом преступления. Правил квалификации преступле-

ний существует великое множество, что позволяет учёным их систематизировать определённым образом.

Анализ общих и частных правил квалификации неоконченного преступления

В уголовно-правовой литературе правила квалификации преступлений принято делить на общие и частные.

Общие правила квалификации – правила, установленные уголовным законом или доктриной уголовного права предписания, позволяющие давать юридическую оценку деянию с учётом признаков, входящих в состав преступления. Теоретически это представляется обоснованным, поскольку юридической основой квалификации любого преступления выступает состав преступления [3, с. 57].

Частные правила квалификации – предписания, установленные российским уголовным законодательством, Пленумом Верховного Суда РФ, а также положения доктрины уголовного права, способствующие правильному применению норм, предусматривающих ответственность при множественности и соучастии в преступлении, а также при неоконченном преступном деянии. В содержание данных специальных правил входят предписания по юридической оценке отдельных видов преступлений, предусмотренных российским уголовным законодательством.

Отметим, что Л. Д. Гаухман, помимо общих и частных правил квалификации, выделял в самостоятельную группу единичные правила квалификации преступных деяний – предписания, устанавливаемые

в ходе осуществления правового анализа конкретных составов преступлений и предназначенные для их юридической оценки и отграничения от смежных составов преступлений [2, с. 265–266]. Например, это могут быть правила квалификации убийства, сопряжённого с похищением человека, или правила отграничения диверсии от террористического акта.

В зависимости от своей значимости правила квалификации неоконченных преступлений подразделяются на:

а) закреплённые в уголовном законе (ч. 3 ст. 29 и ч. 5 ст. 34 УК РФ);

б) закреплённые в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ;

в) сформированные в науке уголовного права.

Так, например, согласно нормативному правилу квалификации в случае недоведения исполнителем преступления до конца по не зависящим от него обстоятельствам остальные соучастники подлежат ответственности за неоконченное преступление, стадия которого будет определена этапом, на котором была пресечена деятельность исполнителя. Данное положение отражает аксессуарную юридическую природу соучастия.

Приведём пример, иллюстрирующий применение положения закона, охватывающегося ч. 5 ст. 34 УК РФ: Б. было предъявлено обвинение в пособничестве посредством предоставления виновным лицам необходимой информации о месте нахождения и перемещении потерпевшей с крупной суммой денег. Преступление было не доведено исполнителем до конца ввиду его задержания очевидцем происшествия после попытки сдёрнуть сумку с плеча и скрыться с места преступления. В связи с чем, действиям Б. судом была верно дана уголовно-правовая оценка содеянного как покушения на открытое посягательство на собственность в форме интеллектуального пособничества по ч. 55 ст. 33, ч. 3 ст. 30 и пп. «а», «г», «д» ч. 2 ст. 161 УК РФ¹.

¹ Постановление Московского городского суда от 14.09.2015 № 4у/7-491815 // СПС «КонсультантПлюс».

Приведём ещё один пример, когда исполнитель не вышел за пределы стадии приготовления к преступлению, и в этом случае ответственность иных соучастников определяется той же стадией совершения преступления. Так, К. был признан подстрекателем в неоконченном преступлении в виде приготовления к убийству по найму, и его действия были квалифицированы по ч. 1 ст. 30, ч. 4 ст. 33, ч. 2 п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Сотрудникам правоохранительных органов стало известно, что К. занимается поиском исполнителя убийства своего пасынка, с которым у него сложились неприязненные отношения. После переданного «аванса» ему были представлены убедительные факты в качестве доказательства убийства, после чего он передал оставшуюся сумму денег и был задержан, поскольку преступление было инсценировано².

Многие специалисты отмечают, что необходимо признать важнейший вклад высшей судебной инстанции в формирование нормативных основ квалификации преступлений [9, с. 168]. Особенности квалификации неоконченного преступления находят своё отражение в действующих постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации и в обязательном порядке учитываются в процессе расследования преступления, итогом которого должна быть правильная юридическая оценка деяния и точное определение этапа, на котором оно было прервано. Так, если лицо похитило негодное к применению оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества или взрывные устройства, содеянное образует покушение на данное преступление (ч. 3 ст. 30 и ст. 226 УК РФ).

Следует обратить внимание, что в науке уголовного права существуют также иные правила квалификации преступлений, позволяющие преодолевать юридические коллизии и иные трудности, связанные с правовой оценкой неоконченных противоправных деяний. Такого рода правила

² Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 22.03.2006 по делу № 49-006-3 // СПС «КонсультантПлюс».

имеют неофициальный, доктринальный, чаще рекомендательный и разъяснительный характер при применении уголовного закона в судебной и следственной практике. Например, это правила квалификации преступлений при фактической ошибке.

В науке уголовного права существуют два подхода к квалификации действий виновного лица при фактической ошибке:

1) совершённое субъектом общественно опасное и противоправное деяние оценивается как стадия покушения на преступление;

2) совершённое субъектом общественно опасное и противоправное деяние образует покушение на преступление, охватывающееся умыслом виновного, и неосторожное преступление.

Рассмотрим эти правила, ссылаясь на судебные решения. Так, *Н.* был осуждён по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ за оконченное убийство. *Н.* пришёл в жилой дом престарелой женщины, являющейся инвалидом первой группы и находившейся в беспомощном состоянии, и потребовал деньги в долг. После отказа потерпевшей исполнить требование *Н.*, он, испытывая сильную неприязнь и находясь в агрессивном состоянии, нанёс ей множество ударов железным предметом по голове. Виновный, заблуждаясь относительно наступления смерти, полагая, что потерпевшая уже мертва, с целью сокрытия своих преступных действий, облил её бензином и поджёг. По заключению эксперта, смерть потерпевшей наступила от отравления окисью углерода. Таким образом, потерпевшая была жива после нанесения телесных повреждений по жизненно важному органу – голове, о чем заблуждался *Н.*, неправильно полагающий и осознающий причину смерти¹. В данном случае действия *Н.* получили оценку в зависимости от направленности его умысла, а причина смерти потерпевшей в рассматриваемой ситуации никак не повлияла на оценку содеянного как оконченого убийства.

¹ Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации № 164-П06 по делу Нефедова // СПС «КонсультантПлюс».

Отметим, что *Н.*, совершая преступление и действуя умышленно, ошибочно полагал, что преступный результат достигнут, и выполняя другое деяние с иным преступным намерением, прежде всего, с целью сокрытия первого преступления, вызывает преступный результат от второго совершённого противоправного деяния. В этом случае совершено оконченное умышленное убийство, поскольку умысел на лишение жизни потерпевшей реализуется после совершения первого деяния через действия второго этапа, несмотря на то, что субъективная связь, связывающая в одно целое оба преступных акта, распадается.

Правила квалификации преступлений при фактической ошибке в развитии причинной связи находят своё отражение в работах учёных, отмечающих, что уголовная ответственность в вышеописанном случае наступает по совокупности преступлений, образующих покушение на убийство и неосторожное причинение смерти. По мнению Л. А. Зимиревой, если в процессе нанесения удара по голове, виновный, ошибочно полагая, что смерть потерпевшего наступила, сталкивает его в реку, а по заключению эксперта определяется, что смерть наступила от утопления, содеянное охватывается ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 и ч. 1 ст. 109 УК РФ [5, с. 28]. Таким образом, данные искусственно созданные юридические конструкции не отражают истинного показателя общественной опасности лица, совершающего преступление.

Считаем, что уголовно-правовое значение будет иметь только такое заблуждение виновного лица, которое приводит к наступлению иного вредного последствия, не охватывающегося его умыслом.

В свою очередь, справедливо указывает В. Н. Винокуров, что если умыслом виновного охватывается предвидение возможности наступления нескольких однородных негативных последствий, то содеянное образует совокупность умышленных преступлений, одно из которых признаётся неоконченным ввиду неполной реализации преступного намерения.

Например, преступник, прицеливаясь в конкретного потерпевшего, убивает стоявшего за ним другого человека ввиду того, что истинный потерпевший пригнулся. Содеянное образует покушение на убийство и оконченное убийство, совершённое с косвенным умыслом, поскольку виновный осознавал, что в результате стрельбы в общественном месте могут пострадать третьи лица, исключая потерпевшего [1, с. 42].

При квалификации неоконченного преступления необходимо учитывать правила, непосредственно связанные с установлением конструкции объективной стороны преступления. В материальных составах моментом окончания преступления является наступление общественно опасных последствий, указанных в норме закона. В случае их ненаступления содеянное образует предварительную преступную деятельность.

При установлении стадии преступления в формальном составе необходимо учитывать, что момент окончания преступления связан с совершением действий, описываемых в диспозиции статьи Особенной части, и не зависит от наступления вредных последствий.

Если объективная сторона данных преступлений была выполнена частично (например, было только применено насилие к потерпевшей, а половое сношение не произошло по причинам, не зависящим от виновного), содеянное образует покушение на изнасилование.

Однако имеются некоторые особенности и трудности, связанные с моментом окончания такого преступления, как незаконный сбыт наркотических средств или психотропных веществ. В доктрине уголовного права существует научная позиция, согласно которой сбыт наркотических средств и психотропных веществ, традиционно понимаемый как формальный состав преступления, теперь следует считать усечённым составом преступления, поскольку фактически на стадии по-

кушения на преступление сбыт считается оконченным преступлением¹.

Для полного правового анализа следует проанализировать решение Верховного Суда РФ, согласно которому незаконный сбыт наркотических средств в случае, когда информация о местах произведённых лицом закладок наркотических средств по независящим от субъекта преступления обстоятельствам не была доведена до приобретателей этих средств, образует стадию неоконченного преступления. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда действия М. М. и М. Я. переквалифицировала с п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ на ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ как покушение на незаконный сбыт наркотических средств².

К усечённым составам, объективную сторону которых фактически образуют приготовительные действия, можно отнести преступления, предусмотренные ст.ст. 208–210, 205.5, 239, 279, 282.1, 282.2 УК РФ. Совершение приготовительных действий уже образует оконченный состав данных преступлений.

К усечённым составам, объективную сторону которых фактически образуют действия, непосредственно направленные на совершение преступления, но не доведённые до конца по независящим от лица обстоятельствам, следует относить преступления, момент окончания которых определён стадией покушения (ст.ст. 162, 277, 295, 317 УК РФ) [4, с. 65].

Заключение

Подводя итоги, необходимо обобщить перечисленные выше правила квалифика-

¹ Рожнов В. А. Понятие и момент окончания незаконного сбыта наркотических средств и психотропных веществ [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-moment-okonchaniya-nezakonnogo-sbyta-narkoticheskikh-sredstv-i-psihotropnyh-veschestv/viewer> (дата обращения: 28.11.2022).

² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс] 2022. № 1. URL: <http://www.supcourt.ru/documents/practice/31180/> (дата обращения: 16.11.2022).

ции неоконченного преступления и систематизировать их следующим образом:

1. При квалификация неоконченного преступления в обязательном порядке должностным лицом правоприменительного органа должна быть отражена стадия предварительной преступной деятельности, на которой преступление было прекращено. При этом неукоснительным предписанием закона выступает правило, согласно которому в формуле квалификации совершенного преступления необходимо отразить ссылку на ч. 1 или 3 ст. 30 УК РФ.

2. В преступлениях, законодательная конструкция которых сконструирована по типу материальных составов, возможно существование двух стадий неоконченного преступления. Тем не менее, исключением являются такие составы преступлений, где ненаступление вредных последствий, указанных в законе, влечёт за собой лишь административную или дисциплинарную ответственность, например, ст.ст. 171, 285 УК РФ.

3. В преступлениях, законодательная конструкция объективной стороны которых сконструирована по типу формальных составов, стадия приготовления возможна практически во всех случаях, за исключением совершения преступного бездействия, например, ст. 125 УК РФ «Оставление в опасности». Покушение возможно лишь в случае совершения виновным преступлений, объективная сторона которых носит сложный характер и образуется посредством совершения ряда

последовательных действий (ст.ст. 131, 228.1, 290 УК РФ).

4. Правовые нормы, предусматривающие самостоятельную ответственность за приготовительные действия, отражены в ст.ст. 208–210, 205.4, 205.5, 239, 279, 282.1, 282.2 УК РФ. Согласно правилам квалификации дополнительная ссылка на ч. 1 ст. 30 УК РФ при их совершении не требуется.

5. Правовые нормы, предусматривающие самостоятельную ответственность за действия, образующие стадию покушения на преступление, отражены в ст.ст. 162, 277, 295, 317 УК РФ. Данные нормы уголовного закона следует относить к специальным. Согласно правилам квалификации дополнительная ссылка на ч. 3 ст. 30 УК РФ при совершении анализируемых преступлений не требуется.

Таким образом, отметим, что соблюдение общих и частных правил квалификации неоконченного преступления, а также правильное установление стадии совершения умышленного преступления имеют важное юридическое значение, что позволяет более точно дифференцировать преступные деяния в зависимости от характера и степени их общественной опасности, степени реализации преступного намерения, объёма выполненных действий. В конечном итоге это даёт возможность применить к лицу, совершившему преступление, справедливое наказание и иные меры уголовно-правового характера.

Статья поступила в редакцию 03.10.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокуров В. Н. Значение понимания непосредственного объекта преступления против жизни для квалификации при ошибке в развитии причинной связи и при отклонении действия // Законность. 2022. № 4. С. 38–40.
2. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М.: Центр ЮрИнфор, 2013. 446 с.
3. Денисов Н. Л. Определение особенностей предмета преступления и потерпевшего как первый этап квалификации преступлений, упреждающий установление объекта преступления // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 4. С. 90–95.
4. Денисов Н. Л. Вопросы квалификации покушения на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 109–113.
5. Зимириева Л. А. Причинная связь в преступлениях против жизни и здоровья. СПб.: Юридический центр, 2017. 188 с.

6. Кадников Н. Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования. М.: ИД Юриспруденция, 2019. 300 с.
7. Князьков А. А. Теория и практика квалификации преступлений: учебное пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2018. 99 с.
8. Нешатаев В. Н. Специальное правило квалификации преступлений // Вестник Университета «Кластер». 2022. № 2. С. 16–22.
9. Ображиев К. В. Правила квалификации преступлений: тенденции и перспективы развития // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1. С. 168–172.

REFERENCES

1. Vinokurov V. N. [The meaning of understanding the immediate object of a crime against life for qualification in case of an error in the development of a causal connection and in case of deviation of an action]. In: *Zakonmost* [Legitimacy], 2022, no. 4, pp. 38–40.
2. Gaukman L. D. *Kvalifikatsiya prestupleniy: zakon, teoriya, praktika* [Qualification of crimes: law, theory, practice]. Moscow, Tsentr YurInfor Publ., 2013. 446 p.
3. Denisov N. L. [Determining the features of the subject of the crime and the victim as the first stage of qualification of crimes, proactively establishing the object of the crime]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2020, no. 4, pp. 90–95.
4. Denisov N. L. [Issues of qualification of an attempt on the life of a person exercising justice or preliminary investigation]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2021, no. 6, pp. 109–113.
5. Zimirieva L. A. *Prichinnaya svyaz v prestupleniyakh protiv zhizni i zdorovya* [Causality in crimes against life and health]. St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Publ., 2017. 188 p.
6. Kadnikov N. G. *Kvalifikatsiya prestupleniy i voprosy sudebnogo tolkovaniya* [Qualification of crimes and issues of judicial interpretation]. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2019. 300 p.
7. Knyazkov A. A. *Teoriya i praktika kvalifikatsii prestupleniy* [Theory and practice of qualification of crimes]. Yaroslavl, YarSU Publ., 2018. 99 p.
8. Neshataev V. N. [Special rule for qualification of crimes]. In: *Vestnik Universiteta «Klaster»* [Bulletin of the University «Cluster»], 2022, no. 2, pp. 16–22.
9. Obrazhiev K. V. [Rules for qualifying crimes: trends and development prospects]. In: *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii* [Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2019, no. 1, pp. 168–172.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карпова Наталья Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя;
e-mail: isakovkos@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nataliya A. Karpova – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Criminal Law, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot;
e-mail: isakovkos@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Карпова Н. А. Общие и частные правила квалификации неоконченного преступления // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 4. С. 126–132.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-126-132

FOR CITATION

Karpova N. A. General and Particular Rules for the Qualification of an Unfinished Crime. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2022, no. 4, pp. 126–132.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-126-132

УДК 343.3/.7

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-133-142

ВЛИЯНИЕ ТЕЛЕМЕДИЦИНЫ НА ПРЕСТУПНОСТЬ: РИСКИ И ТРЕНДЫ, УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ РЕАГИРОВАНИЕ

Шутова А. А.

*Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова
420111, г. Казань, ул. Московская, д. 42, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследование медико-правовых рисков, связанных с применением телемедицины, и её влиянием на преступность, оценка эффективности уголовно-правовых средств реагирования на противоправные деяния в сфере телемедицины.

Процедура и методы. В процессе исследования использовались общенаучные методы познания (анализ, синтез, индукция, дедукция), а также логико-юридический метод.

Результаты. Проведённое исследование позволило оценить масштаб потенциальных проблем в сфере оказания дистанционных услуг посредством информационно-телекоммуникационных технологий на самых ранних этапах, поскольку телемедицина является развивающейся областью.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретико-прикладная направленность исследования позволит повысить систему мер реагирования на преступления, совершаемые в сфере телемедицины.

Ключевые слова: телемедицина, преступления, цифровые технологии, роботы, цифровая медицина, роботизированная медицинская помощь, интернет

THE IMPACT OF TELEMEDICINE ON CRIME: RISKS AND TRENDS, CRIMINAL LAW RESPONSE

A. Shutova

*Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov
42 Moskovskaya ul., Kazan, Republic of Tatarstan, 420111, Russian Federation*

Abstract

Aim. Investigation of medical and legal risks associated with the use of telemedicine and its impact on crime, evaluation of the effectiveness of criminal legal means of responding to violations in the field of telemedicine.

Methodology. In the course of the research, general scientific methods of cognition, as well as the logical-legal method were used.

Results. The study made it possible to assess the scale of potential problems in the provision of remote services provided through information and telecommunication technologies at the earliest stages, since telemedicine is a developing field.

Research implications. The theoretical and practical significance of this research lies in improving the system of response measures to crimes committed in the field of telemedicine.

Keywords: telemedicine, crimes, digital technologies, robots, digital medicine, robotic medical care, Internet

Введение

Практикующие врачи и другие члены общества начинают осознавать потенциальные преимущества современных информационно-коммуникационных технологий для взаимодействия между собой и оказания медицинской помощи пациентам. С учётом форсированной цифровизации современных общественных отношений и увеличения количества услуг, предоставляемых в цифровом виде, особое внимание со стороны медицинского сообщества уделяется телемедицине. Рост количества телемедицинских услуг активно увеличился в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) и, как представляется, станет неудержимой тенденцией современности. В некоторых отдалённых субъектах (районах) такую технологию можно назвать спасающей жизнь, т. к. консультации и медицинская помощь могут проводиться даже в тех случаях, когда медицинский работник и пациент не могут находиться вместе в одном месте.

Однако, как и в других областях человеческой деятельности, новые технологии не только приносят пользу обществу, но и могут создавать возможности для совершения преступлений. В связи с тем, что указанная технология только будет развиваться, и понимая её перспективы, полагаем, что важное место занимают вопросы выявления рисков, которые могут возникнуть в данной сфере общественных отношений, трендов, а также механизмов правового реагирования на противоправные деяния в данной сфере.

Состояние и правовое регулирование телемедицины в России

Во многих странах растёт количество медицинских услуг, оказываемых с помощью цифровых сервисов (дистанционно). Во многих странах уровень использования телемедицинских услуг во время пандемии COVID-19 увеличился. К примеру, в Великобритании число случаев телемедицины быстро растёт: 5,4 млн пользова-

тей используют такие сервисы, как Push Doctor¹. В Китае более 400 млн пользователей подписались на услуги телемедицины Ping An Good Doctor (<http://www.pagd.net/>), а общее число пользователей уже превысило 1,1 млрд².

В связи с расширением использования компьютерных и информационно-телекоммуникационных технологий всеми членами сообщества, в т. ч. практикующими врачами, важно, чтобы они были осведомлены о потенциальных рисках, которые несёт такая технология с точки зрения дисциплинарной, гражданской и уголовной ответственности. В этом ключе стоит поддержать мнение Е. Е. Черных, которая полагает, что цифровая медицина не лишена определённых рисков, которые, в свою очередь, ставят под сомнение её полноценную реализацию в системе здравоохранения [5, с. 85].

В 1970-х гг. был введён термин «телемедицина» со значением использования информационно-коммуникационных технологий как средства улучшения здоровья пациентов за счёт расширения доступа к медицинской помощи [6, р. 771].

Позже в докладе ВОЗ за 1998 г. телемедицина определялась не только как услуга, осуществляемая посредством телекоммуникационных технологий между врачом и пациентом, но и как технология, позволяющая взаимодействовать медицинским работникам между собой, получать образование³.

В свою очередь, правовое регулирование использования телемедицинских технологий в Российской Федерации уже складывается на протяжении многих лет. В 2001 г. был разработан приказ Минздрава

¹ Telemedicine Arrives in the U.K.: '10 Years of Change in One Week' [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2020/04/04/world/europe/telemedicine-uk-coronavirus.html?searchResultPosition=1> (дата обращения: 11.09.2022).

² Ping An Healthcare and Technology Company Limited [Электронный ресурс]. URL: https://www.pagd.net/allPage/aboutUs/47?lang=EN_US (дата обращения: 01.09.2022).

³ Telemedicine: opportunities and developments in Member States: report on the second global survey on eHealth 2009. Vol. 2. 2012. С. 9.

Российской Федерации и Российской академии медицинских наук от № 344/76 «Об утверждении Концепции развития телемедицинских технологий в Российской Федерации и плана ее реализации»¹, заложивший основы создания телемедицинских услуг, определены этапы реализации программы и иные положения. Однако, по мнению многих исследователей, из-за технической отсталости регионов, больших расходов она так и не была реализована [4, с. 14]. Кроме того, представленный правовой акт так и официально опубликован не был. Приказом Министерства здравоохранения и общественного развития Российской Федерации № 364 «Об утверждении Концепции создания единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения»² было продолжено заложение правовых основ развития телемедицины в России. Попытка урегулировать общественные отношения, возникающие в сфере телемедицины, на законодательном уровне была предпринята в 2017 г. Так, 29 июля 2017 г. в Федеральный закон № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»³ была введена ст. 36², определяющая особенности оказания медицинских услуг с использованием достижений телемедицины. В свою очередь, приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации № 965н утверждён порядок организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий⁴. В

условиях продолжающейся цифровизации многих сфер общественной жизни, распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.12.2021 № 3980-р⁵ особое внимание уделяется цифровизации медицины.

Несмотря на складывающуюся правовую среду в сфере телемедицины в России отмечается закономерность, выражающаяся в применении тождественного понимания терминов «телемедицинские технологии» и «дистанционная помощь» применительно к рассматриваемой сфере общественных отношений [1, с. 111–112].

Области риска правореализации телемедицины, основные тренды

За последние годы количество правонарушений компьютерных атак на учреждения системы здравоохранения увеличилось. В основном виновные лица пытаются получить денежные средства под угрозой блокировки доступа или уничтожения данных. Помимо атак со стороны профессиональных хакеров, телемедицинская информация имеет множество уязвимостей. Учитывая ценность данных о пациентах, существует вероятность их незаконного использования в коммерческих целях. Некоторые медицинские работники могут незаконно продавать или делиться важной информацией где-либо ещё, в то время как другие – могут лично использовать видео или фотографии пациентов. Выделим следующие области риска правореализации телемедицины:

1. Неправомерный доступ к компьютерной информации, в результате которого могут наступить различные негативные

¹ Приказ Минздрава Российской Федерации и Российской академии медицинских наук от 27.08.2001 № 344/76 «Об утверждении Концепции развития телемедицинских технологий в Российской Федерации и плана ее реализации» // Гарант (текст приказа официально опубликован не был).

² Приказ Министерства здравоохранения и общественного развития Российской Федерации от 28.04.2011 № 364 «Об утверждении Концепции создания единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения» // Бюллетень трудового и социального законодательства Российской Федерации. 2011. № 7.

³ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

⁴ Приказ Министерства здравоохранения Российской

Федерации от 30.11.2017 № 965н «Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий» // Гарант: [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71751294/> (дата обращения: 07.11.2022).

⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.12.2021 № 3980-р // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112310112> (дата обращения: 07.11.2022).

последствия: уничтожение данных о пациентах (персональные данные, сведения о назначенных лекарственных препаратах и т. д.); запуск вирусных программ и других разрушительных устройств в компьютерные системы больниц, чтобы затем вымогать денежные средства у соответствующих больниц за разблокировку и предоставление доступа к данным; шифрование баз данных, что влечёт затруднение доступа к ним; получение доступа к системам и уничтожение сведений; подмена результатов патологоанатомических тестов, изменение записей о пациентах, касающихся рецептов пациентов, расписания рентгеновских снимков и рекомендуемых дат выписки из больницы.

2. *Мошенничество* под видом рекламы или объявлений медицинских услуг. Многие рекламные объявления о коммерческих продуктах и услугах являются вводными в заблуждение потребителей (в данном случае – пациентов) или просто мошенническими.

3. *Несчастные случаи*, вызванные телемедициной. В процессе оказания дистанционной медицинской помощи существует вероятность несчастных случаев со здоровьем. Стоит не забывать о возможности, когда симптомы диагностируются неправильно. Это одна из главных причин, по которой врачи в настоящее время выступают против телемедицины. Однако этот риск может быть ограничен, поскольку телемедицина в основном ограничивается несмертельными заболеваниями.

4. *Нелицензированная медицинская помощь*. Телемедицина имеет ряд преимуществ перед традиционной медицинской помощью с точки зрения стоимости, времени и доступности. С другой стороны, могут возникнуть вопросы, связанные с лицензированием. В настоящее время идёт дискуссия о том, что могут возникать случаи, когда онлайн-платформы используются для посещения врачей из других стран. Подобные лица также могут открывать несанкционированные больницы в таких местах, как даркнет. В некотором смысле эти нелицензированные онлайн-

медицинские учреждения легче создать и сложнее обнаружить, чем когда-либо прежде. Люди, которым трудно посещать больницы, например, злоумышленники, могут легко получить доступ к этим незаконным услугам.

5. *Нелицензированные медицинские изделия*. По мере развития телемедицины могут использоваться различные типы медицинских устройств, к примеру, умные часы, позволяющие считывать информацию о состоянии здоровья, с электрокардиограммой, уровнем кислорода в крови, частотой сердечных сокращений и иными показателями. Эти устройства должны быть надёжными, как информационно-коммуникационные устройства, так и медицинские устройства. Вероятно, что подобные медицинские изделия будут дорогостоящими. Соответственно, могут возникнуть различные проблемы, связанные с телемедициной, – незаконное производство этих медицинских устройств, использование неразрешённых медицинских устройств и утилизация сломанных медицинских устройств. Кроме того, эти проблемы могут возникать не только в оборудовании, но и в программном обеспечении – мобильных приложениях.

6. *Злоупотребление данными телемедицины*. Телемедицина собирает, передаёт и хранит конфиденциальные личные медицинские данные (видео, фотографии и иную физическую информацию о пациенте). Таких данных будет значительно больше, и существует высокая вероятность их совместного использования или использования, помимо хранения для каждого медицинского учреждения. Личная медицинская информация является одной из самых конфиденциальных и важных личных данных в современном обществе и может стать объектом компьютерной атаки в любое время. Хотя данные могут передаваться по системам в зашифрованном виде, это не является полностью безопасным, и практикующие врачи сами вполне могут нарушить конфиденциальность данных. Действительно, личные сведения могут быть использованы в незаконных

целях, например, генетическая предрасположенность к заболеванию может быть использована для увеличения стоимости страховой выплаты.

Кроме того, Е. Е. Черных дополнительно выделяет ещё такие риски правореализации телемедицины: неточности в данных, передаваемых пациентом посредством устройств, недостоверная идентификация врача и пациента, нежелание медицинских работников вовлекаться в сферу цифровой медицины [5, с. 91].

Несомненно, стоит поддержать мнение, согласно которому с целью обеспечения безопасного оказания телемедицинских услуг необходимо сотрудничество между всеми, кто участвует в предоставлении онлайн медицинских услуг. Учреждениям принять незамедлительные меры для обеспечения того, чтобы врачи были осведомлены о рисках, связанных с проведением медицинских услуг в киберпространстве [8].

Выделим *основные тренды*, с которыми сталкивается цифровая медицина на данный момент:

1. *Персонализированная медицинская помощь*, которая позволяет выбирать лечение, в т. ч. и лекарства, конкретно под определённого пациента. В рамках данного направления особую роль занимает 3D-биопринтинг, который позволит посредством трехмерной биопечати создавать конструкты органов и тканей из клеток и в последствии трансплантировать их пациенту, не прибегая при этом к классической трансплантологии. При этом указанный процесс является персонализированным в связи с тем, что результат биопечати возникает после использования клеточного материала, источником которого могут быть клетки самого человека, в результате создания 3D-модели, которая полностью должна воссоздавать в цифровом виде орган человека, в котором он нуждается.

2. *Использование искусственного интеллекта в сфере здравоохранения*, позволяющего прогнозировать заболевания, повышение точности диагностики и в це-

лом осуществлять общую автоматизацию организаций сферы здравоохранения. На данный момент разработаны продукты искусственного интеллекта, охватывающих такие аспекты здравоохранения, как прогнозирование риска острого или хронического заболевания, вероятности выживания у онкологических пациентов хронических состояний [7].

3. *Переход на электронную документацию, электронный документооборот* организаций системы здравоохранения, хранение большого объёма информации о пациентах в цифровом виде.

Растёт количество *умных гаджетов*, которые позволяют хранить большой массив данных в цифровом виде (электронные рецепты, электронные результаты анализов), сведения о лечащем враче, о встречах и иных данных.

4. *Профилактическая медицина*, позволяющая с помощью различных сервисов не лечить само заболевание, а его профилировать и выявлять на более ранних этапах, предупреждать его, к примеру, с помощью специальных физических нагрузок или соблюдения диеты.

5. *Компьютеризированное управление медицинским оборудованием*. Проведение роботизированной медицинской помощи, которая ставится в зависимость от наличия и функционирования многих факторов (электричество, интернет-соединение и т. д.).

Именно указанные направления цифровой медицины на данный момент являются достаточно уязвимыми и подверженными многочисленным противоправным посягательствам.

Уголовно-правовые средства реагирования на преступность в сфере телемедицины

Упреждающую роль в вопросе профилактики и противодействия нарушениям в сфере телемедицины играют средства уголовно-правового воздействия, призванные охранять наиболее важные общественные отношения от противоправных

посягательств. Соглашаясь с тем, что от виновных действий в сфере здравоохранения могут пострадать наиболее важные общественные отношения и такие блага, как жизнь и здоровье пациентов, средствам уголовно-правовой охраны должно также отдаваться большое значение.

В свою очередь, в Уголовном кодексе Российской Федерации (УК РФ) «преступления в сфере телемедицины» и его определение не содержатся. Именно поэтому при совершении уголовно наказуемых деяний с использованием дистанционных медицинских услуг, руководствуются действующими уголовно-правовыми запретами. Однако, принимая во внимание тот факт, что телемедицина связана с оказанием медицинской помощи и может поставить под угрозу жизнь и здоровье пациентов, противоправные деяния в сфере телемедицины, по нашему мнению, характеризуются повышенной общественной опасностью.

В связи с тем, что количество сайтов в интернете, в которых лица, выдавая себя якобы за медицинских работников, осуществляют консультирование, назначают лечение и проводят диагностику, растёт, следует подробно остановиться на уголовно-правовом запрете незаконному осуществлению медицинской деятельности (ст. 235 УК РФ).

Интернет с его многочисленными возможностями позволяет злоумышленникам реализовывать якобы оказание медицинских услуг пациентам, находящимся достаточно далеко (даже в других государствах), «в результате чего вред может быть причинён значительно большему числу людей по сравнению с деятельностью медиков, ведущих очный приём, но не имеющих обязательной лицензии» [3, с. 178]. Возможности интернета позволяют заниматься дистанционным консультированием лицам, не имеющим ни медицинского образования, ни лицензии на оказание медицинских услуг.

В связи с повышенной общественной опасностью незаконного осуществления медицинской деятельности с использо-

ванием интернета, по нашему мнению, следует усилить уголовно-правовой запрет (ст. 235 УК РФ). Предлагаем состав преступления, предусмотренный ст. 235 УК РФ, дополнить квалифицирующим признаком, как «то же деяние, совершённое с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет», закрепив его в чч. 2 и 4, а действующий уголовно-правовой запрет, устанавливающий ответственность за то же деяние, повлекшее по неосторожности смерть человека, закрепить в ч. 3 соответствующей статьи. Полагаем, что данной уголовно-правовой нормой стоит запретить лицам, не имеющим высшего медицинского образования, лицензии, оказывать псевдомедицинские услуги. Несмотря на то, что в правовых актах используется устоявшаяся дефиниция «телемедицина», мы полагаем, что в уголовно-правовой норме необходимо использовать устоявшийся термин «информационно-телекоммуникационной сети Интернет», поскольку он позволяет наиболее точно охарактеризовать признаки данного вида медицинских услуг.

В ст. 36² Федерального закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹ телемедицинские услуги оказываются лечащим врачом. Телемедицина представляет собой разновидность лицензированной деятельности, предусмотренной для медицинской организации, медицинскую помощь с использованием телемедицинских технологий могут оказывать только сотрудники медицинской организации, получившие лицензию на оказание медицинских услуг. Более того, согласно п. 10 Порядка оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий, утверждённого приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации № 965н «Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением

¹ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

телемедицинских технологий»¹, медицинские организации должны быть внесены в Федеральный регистр медицинских работников. Следовательно, осуществлять подобный вид деятельности индивидуальным предпринимателям, специалистам народной медицины запрещено и при наличии признаков состава преступления влечёт ответственность по ст. 235 УК РФ (при наличии наступивших последствий).

Так, подобные случаи уже не удивляют общественность. Гражданин г. Октябрьский, не имея лицензии и медицинского образования, осуществлял лечение от наркозависимости гражданина Республики Татарстан путём «хиджмы», предполагающей под собой надрез на коже и высасывание крови банками, после чего отпустил «пациента», который после оказанной услуги скончался.

Рассмотрим следующий пример. Гражданин оказывал сеансы оздоровительного массажа на дому, которые являются разновидностью медицинской услуги, подлежащие в соответствии с законом лицензированию. Однако, не имея лицензии, оказал услугу массажа малолетнему. В ходе растирания и разминания ног для снятия спастических рефлексов при поднятии правой ноги малолетнего допустил сильный изгиб ноги, из-за чего произошёл закрытый перелом правого бедра на границе средней и верхней трети, со смещением отломков, которое вызвало значительную стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на 1/3, независимо от исхода и оказания (неоказания) медицинской помощи, и по этому признаку квалифицируется как повреждение, причинившее тяжкий вред здоровью. В результате противоправных действий суд признал гражданина виновным в совершении пре-

ступления, предусмотренного ч. 1 ст. 235 УК РФ².

На данный момент одной из проблем, возникающей в процессе правоприменения, является отсутствие указания в конструкции уголовно-правовой нормы характера причинённого вреда в результате незаконного оказания медицинской деятельности (характер причинения вреда не конкретизирован). На данный момент уголовно-правовой запрет сформулирован так, что для привлечения виновного к ответственности по ч. 1 ст. 235 УК РФ необходимо наступление общественно-опасных последствий в виде причинения вреда здоровью человека.

При исследовании материалов судебных дел, можно сделать вывод о том, что имеются случаи привлечения к ответственности лиц, занимающихся незаконной медицинской деятельностью, в результате чего пациенту был причинен *легкий или средней тяжести вред здоровью*. Так, по ч. 1 ст. 235 УК РФ были квалифицированы действия лица, не имеющего медицинского образования, с помощью провоцирующей музыки управляя дыханием пациентки – учащение и углубление дыхания, релаксации, медитации на очень глубоком уровне, вызвал у гражданки переживание различных возникающих образов с переживанием событий, в результате чего у пациентки развилось расстройство, ассоциированное со стрессом, расценивающееся в соответствии с заключением судебно-медицинской экспертизы как вред здоровью средней тяжести³.

В другом деле женщина, не имевшая медицинского образования и специальной лицензии, оказывала косметологические

¹ Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 30.11.2017 № 965н «Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий» // Гарант: [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71751294/> (дата обращения: 17.09.2022).

² Приговор № 1-1256/2018 1-221/2019 от 30 января 2019 г. по делу № 1-1256/2018 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/C0D0C2FRtRg5> (дата обращения: 17.09.2022).

³ Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 4.03.2015 № 2-П15 «О возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств» // Гарант: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/70969236> (дата обращения: 17.09.2022).

услуги. И за 10 тыс. руб. провела клиентке процедуру по увеличению объёма губ. Однако через некоторое время у женщины появились болевые ощущения, она обратилась за помощью в медицинское учреждение. По результатам судебно-медицинской экспертизы потерпевшей причинён лёгкий вред здоровью. Она была признана виновной по приговору суда в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 235 УК РФ¹.

Специалисты полагают, что в действиях лица содержатся признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 235 УК РФ, если причинён вред здоровью человека вне зависимости от степени причинения вреда².

Однако в уголовно-правовой доктрине ведутся споры относительно указанного подхода. Некоторые авторы придерживаются подхода, согласно которому злоумышленник может быть привлечён к ответственности по данной статье, только если в результате его действий потерпевшему будет причинён *тяжкий вред здоровью по неосторожности*. Указанный вывод обусловлен тем, что уголовный закон не содержит составов преступлений, устанавливающих ответственность за причинение по неосторожности лёгкого или средней тяжести вреда здоровью [2, с. 126]. Следовательно, необходима выработка унифицированного подхода, который позволит единообразно применять нормы уголовного закона на территории Российской Федерации. С целью устранения проблем, возникающих в правоприменении, конкретизировать в норме то, что лицо подлежит уголовной ответственности только в случае

причинения по неосторожности тяжкого вреда здоровью человеку.

Заключение

Во-первых, телемедицину и другие компьютерные технологии, используемые практикующими врачами, можно рассматривать с 2-х сторон: с одной стороны, они могут значительно облегчить оказание помощи людям, особенно в отдалённых районах или в чрезвычайных ситуациях, а с другой стороны – могут предоставить огромные возможности для совершения незаконных действий. Потери и ущерб, которые могут возникнуть в результате неправильного использования онлайн-технологий значительны, как с финансовой, так и с человеческой точки зрения.

Во-вторых, состав преступления, предусмотренного ст. 235 УК РФ, дополнить квалифицирующим признаком, как «то же деяние, совершённое с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет», закрепив его в чч. 2 и 4, а действующий уголовно-правовой запрет, устанавливающий ответственность за то же деяние, повлекшие по неосторожности смерть человека, закрепить в ч. 3 соответствующей статьи.

В-третьих, с целью устранения проблем, возникающих в правоприменении, конкретизировать в норме то, что лицо подлежит уголовной ответственности в случае причинения по неосторожности тяжкого вреда здоровью человеку.

Статья поступила в редакцию 11.10.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Некрасов В. Н. Отдельные аспекты преступлений, совершаемых в области инновационной деятельности (на примере преступлений в сфере телемедицины) // Актуальные проблемы уголовного права и процесса на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2019. № 8. С. 108–113.
2. Парог А. И. Новая подотрасль уголовного права? // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 3 (12). С. 124–133.

¹ В Кемеровской области вынесен приговор жительнице областного центра, которая осуществляла деятельность косметолога без лицензии // Следственное управление: [сайт]. URL: <https://kuzbass.sledcom.ru/news/item/1526536/> (дата обращения: 17.09.2022).

² Агешкина Н. А., Беляев М. А., Белянинова Ю. В. и др. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ. Саратов, 2013. 848 с.

3. Ротков А. И., Чупрова А. Ю. Некоторые вопросы применения уголовного законодательства за нарушения в сфере телемедицины // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4 (28). С. 176–178.
4. Соколенко Н. Н., Багнюк М. Е., Багнюк Д. В. Оказание медицинской помощи с применением телемедицинских технологий: некоторые проблемы правового регулирования // Медицинское право. 2018. № 4. С. 14–17.
5. Черных Е. Е. Цифровая медицина: риски правореализации инноваций в сфере здравоохранения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 4 (52). С. 84–94.
6. Murphy R. L. H., Barber D., Bird K. T., et al. Microwave transmission of chest roentgenograms // *The American review of respiratory disease*. DOI:10.1164/ARRD.1970.102.5.771
7. Oliva A., Grassi S., Vetrugno G., et al. Management of Medico-Legal Risks in Digital Health Era: A Scoping Review // *Frontiers in Medicine*. DOI:10.3389/fmed.2021.821756
8. Smith R. Telemedicine and crime. Trends & issues in crime and criminal justice, no. 69 [Электронный ресурс] // Canberra. Australian Institute of Criminology. 1997. URL: <https://www.aic.gov.au/publications/tandi/tandi69> (дата обращения: 24.08.2022).

REFERENCES

1. Nekrasov V. N. [Some aspects of crimes committed in the field of innovative activity (on the example of crimes in the field of telemedicine)]. In: *Aktualnyye problemy ugovolnogo prava i protsessa na sovremennom etape (voprosy differentsiatsii otvetstvennosti i zakonodatelnoy tekhniki)* [Actual problems of criminal law and process at the present stage (issues of differentiation of responsibility and legislative technique)], 2019, no. 8, pp. 108–113.
2. Rarog A. I. [A new sub-branch of criminal law?]. In: *Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy* [Russian Journal of Legal Research], 2017, no. 3 (12), pp. 124–133.
3. Rotkov A. I., Chuprova A. Yu. [Some issues of the application of criminal law for violations in the field of telemedicine]. In: *Yuridicheskaya nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii* [Legal Science and Practice. Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2014, no. 4 (28), pp. 176–178.
4. Sokolenko N. N., Bagnyuk M. E., Bagnyuk D. V. [Provision of medical care using telemedicine technologies: some problems of legal regulation]. In: *Meditinskoye pravo* [Medical Law], 2018, no. 4, pp. 14–17.
5. Chernykh E. E. [Digital medicine: risks of legal implementation of innovations in the healthcare sector]. In: *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii* [Legal Science and Practice: Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2020, no. 4 (52), pp. 84–94.
6. Murphy R. L. H., Barber D., Bird K. T., et al. Microwave transmission of chest roentgenograms. In: *The American review of respiratory disease*. DOI: 10.1164/ARRD.1970.102.5.771
7. Oliva A., Grassi S., Vetrugno G., et al. Management of Medico-Legal Risks in Digital Health Era: A Scoping Review. In: *Frontiers in Medicine*. DOI: 10.3389/fmed.2021.821756
8. Smith R. Telemedicine and crime. Trends & issues in crime and criminal justice, no. 69. In: *Canberra. Australian Institute of Criminology*, 1997. Available at: <https://www.aic.gov.au/publications/tandi/tandi69> (accessed: 24.08.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шутова Альбина Александровна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского института цифровых технологий и права Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова;
e-mail: shutova1993@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Albina A. Shutova – Cand. Sci. (Law), Senior Researcher, Research Institute of Digital Technologies and Law, Kazan Innovative University named V. G. Timiryasov;
e-mail: shutova1993@inbox.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шутова А. А. Влияние телемедицины на преступность: риски и тренды, уголовно-правовое реагирование // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 4. С. 133–142.

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-133-142

FOR CITATION

Shutova A. A. The Impact of Telemedicine on Crime: Risks and Trends, Criminal Law Response. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2022, no. 4, pp. 133–142.

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-133-142

Трибуна молодого учёного

УДК 347

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-143-151

ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ: ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ОНА ОТЛИЧНОЙ ОТ «ОБЫЧНОЙ» СОБСТВЕННОСТИ В ПОНИМАНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА?

Антюшин И. С.

*¹Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
119606, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 84, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Найти соотношение терминов «обеспечительная собственность» и «собственность» в понимании российского законодательства; выяснить, допустимо ли рассматривать конструкцию обеспечительной собственности как нечто отличное от «обычной» собственности.

Процедура и методы. Проанализировано содержание собственности (ст. 209 пп. 1–2 Гражданского кодекса РФ) и понимание собственности отечественными учёными-юристами; содержание собственности соотнесено с содержанием конструкции обеспечительной собственности. В работе использован метод сравнения.

Результаты. Сделан вывод, что обеспечительная собственность с точки зрения вещного права совпадает по своему содержанию с пониманием собственности, закреплённым в ст. 209 Гражданского кодекса РФ, отмечено, что более корректно не рассматривать обеспечительную собственность как особую конструкцию (как неполное или временное право собственности), а говорить об обеспечительной функции права собственности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Статья вносит вклад в исследование обеспечительной собственности и обозначает вектор разработки проблематики в части изучения обеспечительной функции права собственности, а также вещного эффекта «позиции» кредитора и должника в конструкции титульного обеспечения.

Ключевые слова: титульное обеспечение, обеспечительная собственность, вещные права, обеспечительная купля-продажа, обеспечительная функция права собственности

SECURITY PROPERTY: IS IT DIFFERENT FROM «ORDINARY» PROPERTY AS IT IS UNDERSTOOD BY RUSSIAN LAW?

I. Antyushin

*Institute of Public Service and Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
Prospect Vernadskogo 84; Moscow 119606, Russian Federation*

Abstract

Aim. To find the correlation between the terms «security property» and «property» in Russian legislation understanding and find out whether it is acceptable to treat the construction of security property as something different from “ordinary” property.

© CC BY Антюшин И. С., 2022.

Methodology. The content of property (§1–2 of Article 209 of the Civil Code of the Russian Federation) was analysed with the use of the comparison method; understanding property by domestic legal scholars and the content of property correlated with the content of the security property structure were also analysed.

Results. The conclusion was made that, from the point of view of property law, the security property coincides in its content with the «property» enshrined in Article 209 of the Civil Code of the Russian Federation. It is noted that it is more correct to consider the security property not as a special instrument (for example, as incomplete or temporary right of ownership), but to talk about the security function of the property right.

Research implications. This article contributes to the study of security property, specifies the direction for the subsequent study of the security function of the property right, as well as underlines the real effect of the “position” of the creditor and the debtor in the instrument of title security.

Keywords: title security, security property, real rights (rights in rem), sale and purchase for the purposes of security, security function of the property right

Введение

Отечественное законодательство закрепляет открытый перечень способов обеспечения исполнения обязательств, что позволяет сторонам оборота конструировать более удобные и прогрессивные для конкретных ситуаций способы обеспечения исполнения обязательств. Обеспечительные права играют очень важную роль в отношении кредита и привлечения (мобилизации) благ: защищают «держателей» (holders) обеспечения от риска банкротства должника и от вмешательства третьих лиц [16, с. 12].

Помимо широко распространённых и отрегулированных правопорядком таких вещных способов обеспечения, как залог и удержание, также отечественными авторами рассматривается так называемое титульное обеспечение в различных его проявлениях [например, 3, с. 47–55; 8; 9, с. 11–13; 10]. Следует отметить, что термин «титульное обеспечение» является условностью: под этим термином в одну группу объединены разные по своей природе способы обеспечения обязательств, предметом обеспечения в которых является титул на некоторое имущество, например, право собственности на движимую вещь. Хотя такой термин и обозначаемая им конструкция отечественному законодательству не известны, однообразной практики применения единых принципов и правил, по которым функционируют конструкции титульного обеспечения, не существует.

Титульное обеспечение включает в себя 2 группы конструкций: удержание права собственности (титула) и передачу права собственности (титула) для целей обеспечения. В первом случае, как правило, титул (право собственности) на имущество удерживается продавцом (кредитором) до получения полной оплаты за такое имущество. Во втором титул передаётся должником кредиторю в обеспечение на срок существования долгового обязательства. Так или иначе титульное обеспечение опосредует отношения между кредитором и должником. Таким образом, в обоих случаях у кредитора имеется право (титул) на некое имущество (в то время как само имущество может находиться во владении должника).

В силу формата настоящей работы в качестве «титула» мы будем рассматривать право собственности на движимое либо недвижимое имущество.

При рассмотрении обеспечительной собственности возникают закономерные вопросы: подпадает ли обеспечительная собственность под содержание права собственности, является ли обеспечительная собственность разновидностью «обычной» собственности, может ли «собственность» иметь разновидности? И, в результате, корректно ли говорить о конструкции обеспечительной собственности как о чём-то отличном от «обычного» права собственности?

По нашему мнению, ответы на эти вопросы важны в том числе для того, чтобы понять, как конструкция обеспечительной собственности соотносится с закреплённым в гражданском законодательстве пониманием собственности и иными вещными правами, с существующими способами обеспечения исполнения обязательств, какие нормы следует применять к конструкции обеспечительной собственности.

Противники титульного обеспечения аргументируют свою точку зрения, в частности, тем, что, во-первых, по их мнению, возникает опасность «разрыва» между обеспечительной целью сделки и используемой формой права собственности при применении титульного обеспечения. Действительно, цель кредитора – не получить в свою собственность некоторое имущество и получить господство над таким имуществом, право собственности на которое выступает обеспечением, а именно защитить свой интерес в возврате кредита. Во-вторых, отсутствие публичности обеспечительной собственности, поскольку именно для третьих лиц принадлежащий кредитору титул выглядит как «обычный», не имеющий обеспечительной цели [6; 8]. В частности, это может создавать ложные ожидания кредиторов титульного собственника, которые могут рассчитывать на удовлетворение своих интересов из обеспечительной собственности в случае дефолта обеспечительного собственника.

Соотношение «обеспечительной» собственности и «обычной» собственности

В первую очередь следует остановиться на том, каково содержание «собственности». Известно, что отечественный порядок не имеет определения права собственности, при этом ст. 209 Гражданского кодекса РФ раскрывает содержание права собственности через так называемую триаду правомочий и указывает, что «собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом». В Концепции развития граж-

данского законодательства РФ право собственности характеризуется как вещное право, содержание которого раскрывается как через триаду правомочий (аналогично ч. 1 ст. 209 ГК РФ), так и через возможность совершения в отношении вещи любых действий, которые не запрещены законом и не нарушают прав и охраняемых законом интересов других лиц (аналогично ч. 2 ст. 209 ГК РФ)¹.

Российские учёные-юристы указывают на то, что право собственности является наиболее полным, широким по содержанию вещным правом (в противовес иным вещным правам, которые представляют собой ограничения права собственности [14]), имеющим абсолютный характер [12, с. 8–10], дающим собственнику исключительное право определять характер и направления использования принадлежащей ему вещи, осуществляя над ней «полное хозяйственное господство и устраняя или допуская других лиц к её использованию» [11, с. 46–64; 16].

Аргументы «за» разграничение «обеспечительной» собственности и «обычной» собственности

На первый взгляд, если рассматривать обеспечительную собственность через триаду правомочий, можно прийти к выводу, что собственность «обычная» и «обеспечительная» являются разными категориями. Как правило, в ситуации применения обеспечительной собственности владение и пользование имуществом относится к сфере должника (более того, кредитор не заинтересован во владении и пользовании имуществом, а в качестве обеспечения у него имеется титул на такое имущество), но и возможность кредитора распоряжаться предметом обеспечения (титулом) противоречит природе обеспечительной собственности, поскольку последняя передаётся кредитору (удерживается креди-

¹ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации» (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // СПС «Консультант Плюс».

тором) с целью обеспечения исполнения обязательств должника на срок существования долга перед кредитором. В связи с этим возникает вопрос: как определить, когда право собственности выступает в качестве обеспечения (в связи с чем на такое обеспечение должны распространяться особые правила, не применимые к обычной собственности), а когда – является наиболее полным правом в отношении некоего имущества?

Во-вторых, можно высказать возражение против «приравнения» обеспечительной собственности и «обычной». Выше приведена такая составляющая содержания права собственности, как возможность осуществлять в отношении своей вещи полное хозяйственное господство (в т. ч. совершать не запрещённые законом и не нарушающие охраняемые интересы третьих лиц действия, устранять третьих лиц от [неправомерного¹] использования своей вещи). Кажется, что осуществление полного хозяйственного господства над вещью вступает в противоречие с существом обеспечительной собственности – в хозяйственном господстве над вещью заинтересован должник, из её использования он извлекает плоды, которые может в т. ч. направлять на погашение долга перед кредитором. Постановка знака равенства между обеспечительной собственностью и «обычной» позволяла бы утверждать, в частности, то, что обеспечительный собственник *имеет право свободно распорядиться обеспечительным активом*; в ситуации банкротства должника обеспечительный собственник *имеет право беспрепятственно изъять предмет обеспечения у должника*, а в ситуации банкротства кредитора предмет титульного обеспечения попадёт в конкурсную массу последнего, поскольку такой подход соответствует формальному толкованию закона и природе права собственности.

Аргументы «против» разграничения «обеспечительной» собственности и «обычной» собственности

Схожие выводы справедливо сделать и в более привычной и понятной ситуации аренды: владение и пользование имуществом также находятся у арендатора, а в отношении распоряжения арендодателем может быть принято негативное обязательство, к примеру, не отчуждать предмета аренды (либо отчуждать его только после получения согласия арендатора). Даже при отсутствии такого ограничения в договоре права арендатора защищает ст. 617 ГК РФ, которая сохраняет договор аренды в силе при передаче права собственности на арендованное имущество новому собственнику. При этом с момента передачи вещи в аренду хозяйственное господство собственника вещи ограничено положениями законодательства и условиями договора аренды.

В приведённой ситуации передачи имущества в аренду не возникает мысли о том, право собственности на арендованное имущество является ли отличным от «обычного» права собственности (а право собственности арендодателя становится неполным).

Напротив, если выделять обеспечительное право собственности как отдельную категорию, возникает необходимость разграничить его с «обычным» правом собственности, определить объём правомочий обеспечительного и «обычного» собственника, найти место обеспечительному праву собственности в классификации вещных прав (либо вовсе признать, что вещным правом обеспечительная собственность не является, а является обязательственным правом, как указывает С. В. Сарбаш [13], однако тогда возникает вопрос, зачем такой феномен именовать собственностью и должны ли распространяться в отношении него хоть какие-то положения о собственности).

Как указывает Х. Вебер, при рассмотрении ситуации банкротства одной из сторон таких немецких разновидностей

¹ Прим. авт.: Представляется верным сделать такое уточнение.

титульного обеспечения, как обеспечительная передача собственности и обеспечительная уступка, решающим фактором должно быть не формально юридическое положение сторон, а экономическая суть отношений, которая заключается в принадлежности предмета обеспечения к имуществу должника [4, с. 417]. Это может натолкнуть на мысли, что следует отступить от природы права собственности и искать решение, отступающее от применения существующих инструментов отечественного законодательства. Однако, по нашему мнению, такие выводы Х. Вебера никоим образом не противоречат тому, чтобы признать, что обеспечительная собственность совпадает по содержанию с привычным пониманием права собственности.

«Позиция» кредитора и должника в конструкции обеспечительной собственности

Как указывал Высший арбитражный суд РФ, в отношении выкупного лизинга, в котором ярко проявляет себя конструкция обеспечительной собственности, интерес лизингодателя-кредитора заключается в предоставлении кредита (с последующим его возвратом с прибылью) должнику-лизингополучателю, а право собственности является для кредитора гарантией возврата размещённых средств. В том случае, когда сумма долга погашена, право собственности кредитора на имущество прекращается, и это правило работает в т. ч. в ситуации банкротства лизингодателя¹.

Фактически право собственности кредитора в такой ситуации является собой «позицией» кредитора и включает в себя сопутствующие обязанности по отношению должнику по сделке титульного обеспечения. К примеру, в случае банкротства кредитора в его конкурсную массу попадает титул на обеспечительное имущество, однако при приобретении такого имуще-

ства на торгах третьим лицом к последнему переходят как права, так и обязанности кредитора, в частности, обязанность не реализовывать своё обеспечительное право и не изымать обеспечительного имущества, если платежи по кредиту вносятся должником надлежащим образом. Разумеется, данные выводы не являются новыми и ранее нашли отражение как в судебной практике Высшего арбитражного суда РФ в отношении выкупного лизинга², так и в научных публикациях [6–7].

Аналогичным образом право собственности проявляет себя в ситуации аренды: к примеру, в случае банкротства арендодателя, который занимался сдачей в аренду здания бизнес-центра, указанный объект недвижимого имущества в результате процедур несостоятельности будет передан новому собственнику совместно с правами и обязанностями арендодателя («позицией») по заключённым в отношении такого бизнес-центра договорам аренды³.

Зарубежное законодательство

Следует также отметить, что российскому правопорядку не известны категории неполной, временной или ограниченной собственности, которые встречаются в ряде зарубежных правопорядков.

Например, во Французском гражданском кодексе закреплена обеспечительная конструкция, в соответствии с которой должник по фидуциарному договору может передать кредитору в обеспечение право собственности на недвижимость, в результате чего кредитор приобретает неполное право собственности на такое имущество. В том случае, если должник не исполняет обязательства перед кредитором, последний приобретает полное право

¹ Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга». п. 2 // СПС «Консультант Плюс».

² Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга» // СПС «Консультант Плюс».

³ См.: Судебные акты по процедуре несостоятельности ООО «РИВЕР ТАУЭР» (ОГРН 1097746275483), часть имущества которого перешла к АО «Тауэр» (ОГРН 1187746054957) (ныне реорганизован по пути присоединения к ООО «НЬЮ ЭЙДЖ ИНВЕСТМЕНТС» (ОГРН: 1137746479530)).

собственности на такое недвижимое имущество [12, с. 36].

Аргентинскому правопорядку известно 2 разновидности права собственности – полное право собственности и неполное. Под неполным правом собственности понимается право:

1) которое обременено иными вещными правами;

2) существование которого ограничено некоторым сроком или условием¹.

Фидуциарная собственность является примером неполного права собственности, которое может использоваться в целях обеспечения исполнения обязательства².

В Германии также общая конструкция обеспечительной (фидуциарной) собственности предполагает деление права собственности на экономическое и юридическое. Целью такого деления является защита прав должника (экономического собственника) путём ограничения прав кредитора (юридического собственника) [5]. При этом отношения по поводу фидуциарной собственности имеют внутреннее (кредитор – должник) и внешнее (кредитор – третьи лица) выражение. Во внутренних отношениях между кредитором и должником заключается обеспечительный договор, согласно которому кредитор имеет обязательство перед должником осуществлять права и обязанности, возникающие из фидуциарных отношений, в соответствии с условиями договора. Считается, что кредитор (фидуциарный собственник) во внутренних с должником отношениях является залогодержателем [9, с. 20]. Во внешних же отношениях кредитор выступает полноправным собственником предмета титульного обеспечения [9, с. 20].

Все эти примеры не применимы к отечественным реалиям и не укладываются в рамки российского понимания права собственности.

¹ Рыбалов А. О. Фидеикомисс и фидуциарная собственность в Аргентине. [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2017/03/19/fideikomiss_i_fiduciarnaya_sobstvennost_v_argentine (дата обращения: 01.11.2022).

² Там же.

Numerus clausus

и обеспечительная собственность

Российская система вещных прав построена на принципе *numerus clausus* – перечень вещных прав является закрытым и содержание таких вещных прав исчерпывающим образом прямо закреплено в законодательстве. Е. А. Суханов отмечает, что принцип *numerus clausus* позволяет всем участникам оборота быть осведомлёнными о том, что представляет собой то или иное вещное право, а также быть заранее уверенными в том, какое имущество, с какими обременениями (и какие последствия для них несут такие обременения) они приобретают [15].

При обосновании возможности существования обеспечительной собственности (либо титульного обеспечения) обычно отечественными юристами приводится ст. 329 ГК РФ [2], которая позволяет сторонам прибегать к способам обеспечения исполнения обязательств, прямо не предусмотренным в законе, а также закреплённый в ст. 421 ГК РФ принцип свободы договора позволяет участникам оборота заключать договоры, прямо непоименованные в законодательстве или комбинировать элементы различных договоров и вступать в смешанные договоры.

Тем не менее, приведённые диспозитивные положения гражданского законодательства неизбежно сталкиваются с описанным выше императивным принципом закрытого перечня вещных прав, что не позволяет участникам оборота конструировать вещные права, прямо не предусмотренные Гражданским кодексом РФ [1, с. 428 §1779].

Заключение

Итак, в результате нашего исследования можно сделать несколько выводов:

1) обеспечительная собственность не может существовать как некое «иное» вещное право (к примеру, как неполная или временная собственность);

2) конструкция, именуемая «обеспечительной собственностью», может су-

ществовать в рамках обязательственного права в качестве непоименованного способа обеспечения исполнения обязательств, которое представляет собой совокупность взаимных прав и обязанностей кредитора и должника, содержание которых зависит от конкретной применяемой сторонами конструкции (к примеру, выкупного лизинга или обеспечительной купли-продажи).

Отвечая на поставленные в начале статьи вопросы, следует отметить, что обеспечительная собственность не является разновидностью «обычной» собственности по той простой причине, что в отечественном правовом порядке собственность является «единой», не имеет и не может иметь разновидностей. Следовательно, сама по себе так называемая обеспечительная собственность по содержанию (с точки зрения вещного права) совпадает с пониманием собственности, принятым в отечественном правовом порядке.

Тем не менее, в законодательстве встречаются (и реализуются на практике) и конструкции обеспечительной собственности (титульного обеспечения), например, удержание права собственности за продавцом (ст. 491 ГК РФ), выкупной лизинг (ст. 19 федерального закона № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)»), применяемая на практике обеспечительная купля-продажа (когда имущество передаётся в собственность кредитору с условием обратного выкупа). В данных конструкциях обеспечением исполнения обязательств должника фактически выступает титул (право собственности) на некое имущество.

Итак, в отношении таких конструкций корректнее говорить не об обеспечительной собственности (чтобы не было ошибочного понимания, что такая собственность является чем-то отличным от права собственности), а об обеспечительной функции права собственности.

Иными словами, при применении титульного обеспечения право собственности не видоизменяется, не прекращает быть правом собственности в его привычном понимании, не распадается на право

собственности экономическое и юридическое (полное и неполное, временное и постоянное и др.). Однако в таких ситуациях право собственности «обрастает» дополнительными обязательственными конструкциями (например, обязательством обратного выкупа (передачи) титула на некоторое имущество после погашения долга [13]), которые в определённых ситуациях могут иметь вещный эффект (сведения о лизинге вносятся в соответствующие государственные реестры).

В качестве примера из судебной практики, когда суд прямо сослался на обеспечительную функцию права собственности, приведём постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда. Суд в 2018 г. в своём акте указал, что «собственность лизингодателя не является полноценной, она ограничена обеспечительной функцией (вариант титульного обеспечения). При отпадении оснований для обеспечения (выплате лизинговых платежей) у лизингодателя отпадает законный интерес в предмете лизинга»¹.

С одной стороны, трудно согласиться с высказыванием суда, что собственность может являться неполноценной, что уже обосновывалось выше. С другой стороны, суд верно отметил, что право собственности ограничено обеспечительной функцией. Скорее всего, приведённая неточность и характеристика права собственности как неполноценного вызвана желанием суда подчеркнуть, что в рассматриваемом деле помимо интересов собственника имущества (лизингодателя) также должны быть учтены интересы должника (лизингополучателя), который владеет имуществом и использует его. Это подтверждается тем, что далее суд фактически расщепляет право собственности на 2 составляющие и именуется лизингодателя «титульным» собственником, а лизингополучателя – «экономическим» собственником. Указанное противоречие минимизируется, если исходить из того, что каждая из сторон в

¹ Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 28.12.2018 № 08АП-15220/2018 по делу № А46-3376/2017 // СПС «Консультант Плюс».

конструкциях титульного обеспечения обладает своей «позицией» с определёнными правами и обязанностями, причём «позиция» кредитора предполагает принадлежность ему права собственности на имущество (при отчуждении такого имущества «позиция» следует вместе с ним).

В результате, по нашему мнению, следует исходить из того, что конструкция обеспечительной собственности не является разновидностью собственности, в понимании отечественного правопорядка собственность не имеет классификации и является «единой». Однако право собственности на вещи может выступать предметом обе-

спечения, и в таких ситуациях корректно говорить об обеспечительной функции права собственности. Поэтому при проработке проблематики титульного обеспечения важно изучать право собственности именно в контексте его обеспечительной функции¹, рассматривать его проявление в различных конструкциях титульного обеспечения, в т. ч. в ситуации банкротства одной из сторон правоотношения (кредитора – собственника имущества или должника).

Статья поступила в редакцию 16.09.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бевзенко Р. С. Вещное обеспечение: залог, удержание и титульные обеспечительные конструкции. СПб.: Legal Academy, 2022. 556 с.
2. Бевзенко Р. С. Очерк теории титульного обеспечения // Вестник гражданского права. 2021. № 2. С. 9–87.
3. Бевзенко Р. С. Титульное обеспечение и доктрина акцессорности // Об обеспечении обязательств: сб. статей к юбилею С. В. Сарбаша / отв. ред. А. В. Егоров. М., 2017. С. 43–69.
4. Вебер Х. Обеспечение обязательств / пер. с нем. Ю. М. Алексеева, О. М. Иванова. М.: Волтерс Клувер, 2009. 480 с.
5. Галкова Е. В. Обеспечительная передача правового титула по германскому праву // Закон. 2016. № 11. С. 173–186.
6. Егоров А. В. Залог vs. обеспечительная передача права: нужна ли обороту конкуренция? // Актуальные проблемы частного права: сб. статей. М.: Статут, 2014. С. 78–127.
7. Егоров А. В. Конкурсное производство: комментарий ключевых моментов // Вестник гражданского права. 2019. № 1. С. 114–139.
8. Егоров А. В., Усманова Е. Р. Залог и титульное обеспечение: теоретико-практическое сравнение конструкций // Вестник гражданского права. 2014. № 4. С. 56–127.
9. Зикун И. И. Конструкция титульного обеспечения в гражданском праве: основные проблемы // Вестник гражданского права. 2016. № 2. С. 37–78.
10. Карапетов А. Г., Савельев А. И. Свобода договора и ее пределы. Т. 2: Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. М.: Статут, 2012. 452 с.
11. Краснова Т. С. Установление сервитута по требованию арендатора земельного участка. По мотивам одного определения Верховного Суда РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 3. С. 46–64.
12. Рыбалов А. О. Право собственности: комментарий к ст. 209 ГК РФ. М.: Логос, 2017. 96 с.
13. Сарбаш С. В. Обеспечительная передача правового титула // Вестник гражданского права. 2008. № 1. С. 7–93.
14. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. М.: Статут, 2010. 891 с.
15. Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 559 с.
16. Security Rights and the European Insolvency Regulation / ed. M. Gerard, B. Reinhard. 2017. 700 с.

REFERENCES

1. Bevzenko R. S. *Veshchnoye obespecheniye: zalog, uderzhaniye i titulnyye obespechitelnyye konstruktsiyu* [Real security: pledge, retention and title security rights R. S. Bevzenko]. St. Petersburg, Legal Academy Publ., 2022. 556 p.
2. Bevzenko R. S. [Essays on the Theory of Title Security]. In: *Vestnik grazhdanskogo prava* [Civil Law Review], 2021, no. 2, pp. 9–87.

¹ *Напр.*, этому вопросу посвящена статья Громова С. А. Обеспечительная собственность: догматический очерк на примере лизинга // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 4. С. 46–91.

3. Bevzenko R. S. [Title Security and the Doctrine of Accessory]. In: Egorov A. V., ed. *Ob obespechenii obyazatelstv: sbornik statey k yubileyu S. V. Sarbasha* [On Securing Obligations: A Collection of Articles for the 50th Anniversary of S. V. Sarbasha]. Moscow, 2017, pp. 45–84.
4. Weber H. *Sicherungsverpflichtungen* (Rus. ed.: Alekseev Y. M., Ivanova O. M., transl. *Obespecheniye obyazatelstv*. Moscow, Volters Kluver Publ., 2009. 480 p.).
5. Galkova E. V. [Security transfer of title under German law]. In: *Zakon* [Law], 2016, no. 11, pp. 173–186.
6. Egorov A. V. [Pledge vs security transfer of rights: are competing constructions needed for the market?]. In: *Aktualnyye problemy chastnogo prava* [Actual problems of private law]. Moscow, Statut Publ., 2014, pp. 78–127.
7. Egorov A. V. [Bankruptcy proceedings: commentary on key points]. In: *Vestnik grazhdanskogo prava* [Bulletin of Civil Law], 2019, no. 1, pp. 114–139.
8. Egorov A. V., Usmanova E. R. Pledge and title security: theoretical and practical comparison of structures. In: *Vestnik grazhdanskogo prava* [Bulletin of Civil Law], 2014, no. 4, pp. 56–127.
9. Zikun I. I. [Construction of title security in civil law: main problems]. In: *Vestnik grazhdanskogo prava* [Bulletin of Civil Law], 2016, no. 2, pp. 37–78.
10. Karapetov A. G., Saveliev A. I. *Svoboda dogovora i yeye predely. T. 2: Predely svobody opredeleniya usloviy dogovora v zarubezhnom i rossiyskom prave* [Freedom of Contract and Its Limits. Vol. 2: Limits to the Freedom to Determine Contract Terms in Foreign and Russian Law]. Moscow, Statut, 2012. 452 p.
11. Krasnova T. S. [Establishment of an easement at the request of the tenant of the land plot. Based on one ruling of the Supreme Court of the Russian Federation]. In: *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii* [Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation], 2020, no. 3, pp. 46–64.
12. Rybalov A. O. *Pravo sobstvennosti: kommentariy k st. 209 GK RF* [Right of ownership (commentary to Article 209 of the Civil Code)]. Moscow, Logos Publ., 2017. 96 p.
13. Sarbash S. V. [Security transfer of title]. In: *Vestnik grazhdanskogo prava* [Bulletin of Civil Law], 2008, no. 1, pp. 7–93.
14. Sklovsky K. I. *Sobstvennost v grazhdanskom prave* [Property in civil law]. Moscow, Statut Publ., 2010. 891 p.
15. Sukhanov E. A. *Veshchnoye pravo: nauchno-poznavatelnyy ocherk* [Property law: scientific and educational essay]. Moscow, Statut Publ., 2017. 559 p.
16. Gerard M., Reinhard B., eds. *Security Rights and the European Insolvency Regulation*. 2017. 700 p. DOI:10.1017/9781780684987

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Антюшин Игорь Сергеевич – аспирант кафедры гражданского права, предпринимательского права, семейного права, международного частного права Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы;
e-mail: Igorant@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor S. Antyushin – Postgraduate student, Department of Civil Law, Business Law; Family Law, Private International Law, Institute of Public Service and Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;
e-mail: Igorant@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Антюшин И. С. Обеспечительная собственность: является ли она отличной от «обычной» собственности в понимании отечественного законодательства? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 4. С. 143–151.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-143-151

FOR CITATION

Antyushin I. S. Security Property: Is it Different from «Ordinary» Property as It is Understood by Russian Law? In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2022, no. 4, pp. 143–151.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-143-151

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в «Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук)». Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.lawmgoujournal.ru; www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ЮРИСПРУДЕНЦИЯ
2022. № 4

Над номером работали:

Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчик Е. В. Приказчикова
Корректор И. К. Глузунов
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайты: www.lawmgoujournal.ru
www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 9,5, уч.-изд. л. 12,5.

Подписано в печать: 28.11.2022 г. Дата выхода в свет: 22.12.2022 г. Заказ № 2022/11-10.

Отпечатано в МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А